

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

1/2013

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет:

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Мионов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция:

Аршинов В.И., Блауберг И.И., Вдовина И.С.,
Водолазов Г.Г., Давыдов А.П., Пантин В.И., Порус В.Н.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Сиземская И.Н.,
Тульчинский Г.Л., Шевченко В.Н.

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Редактор международного отдела Чикин А.А.

Литературный редактор Феокистова Т.А.

Научный редактор Комиссарова Л.Б.

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Романова Е.И., Топилина В.М.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

Журнал включен в «Реферативный журнал»
и в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 10.12.2012 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1-750 экз.). Заказ

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-кт, д. 403.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ

Стратегия философского осмысления ■

*Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ,
Х.Э. МАРИНОСЯН*

Политическая культура как вызов
междисциплинарности:
российский кейс

В.А. ЗИМИН (Самара)

Политическая культура
как объект философского анализа
Современные проблемы культуры
российского политического
процесса

Л.Г. ТИТОВА (Ярославль)

Политическая культура на осях
ценностно-нормативной модели
социогенеза

*Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ
(Санкт-Петербурге)*

Е.Л. СЫСОЛЯТИНА (Екатеринбург)

Парламентаризм versus
демократизм: ракурс
политической культуры

С.А. ШАПИРО (Новосибирск)

Лояльность как критерий
в типологии политической
культуры современной России
(к постановке проблемы)

Т.Н. САМСОНОВА

Формирование гражданской
культуры в современной России

Рефлексируя проблему ■

*Вячеслав ЗИМИН,
Светлана ШАПИРО,
Татьяна САМСОНОВА,
Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ,
Елена СЫСОЛЯТИНА,
Людмила ТИТОВА*

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Год Германии в России ■

Н.В. МОТРОШИЛОВА

Германия: путевые заметки
Немецкая социал-демократия
и «идеи 1914 года»

А.М. РУТКЕВИЧ

Р.В. ГУЛЯЕВ

«Эффективное действие»
и регулярное право:
дихотомия Карла Шмитта

Р. РЕН (Германия)

Город в облаках.
Аристотелевская критика
концепции государства Платона
(перевод Арсения Куманькова)

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия.

Новые публикации ■

<i>О.А. НАЗАРОВА</i>	Научный эмпиризм. Рудольф Карнап
<i>Н.С. ЮЛИНА</i>	О статье Рудольфа Карнапа «Психология на языке физики»
<i>Р. КАРНАП</i>	Психология на языке физики (перевод Ярослава Шрамко)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары,
круглые столы ■

<i>Д.А. КИБАЛЬЧИЧ</i>	«История философии: вызовы XXI века»	
	■	
	Наши авторы	158
	■	
	About the Authors	159
	■	
	Contents	160

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения только материалы, отправленные по электронной почте с указанием домашнего адреса, телефона и e-mail.

Ф.И.О. автора (полностью), место работы, ученая степень и звание, название статьи, аннотации и ключевые слова должны быть представлены на русском и английском языках.

Объем материалов не должен превышать 40 тыс. знаков с пробелами.

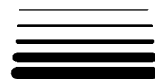
В тексте должна обозначаться лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, а примечания и цитируемая литература, оформленная в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, — приводиться в конце текста. Авторы материалов несут ответственность за точность приведенных цитат и сведений.

Публикуемые материалы могут быть отредактированы, разумеется, с сохранением основных идей автора.

Позиции редакции и автора не всегда совпадают.

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ

Стратегия
философского осмысленияПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Осознание роли культуры, институциональной среды для социального, экономического и политического развития является характерной чертой социальных и гуманитарных исследований последних десятилетий. Об этом мы обстоятельно говорили на Форуме «Культура как ресурс и барьер инновационного развития», развернутом на страницах журнала «Философские науки» (ФН. 2010. № 1), об этом продолжим разговор и в предлагаемой подборке статей.

В данном номере, сосредоточив внимание на теме «Политическая культура», было бы правильно сразу же отметить, что политическую культуру мы рассматриваем как неотъемлемую часть общей культуры, представляющую собой систему ценностных ориентаций и содержащую в себе все многообразие предыдущего опыта, в первую очередь, исторических, социальных и политических событий, навыки социально-политических действий, представления об общечеловеческих и общественно-политических ценностях, в совокупности непосредственно влияющие на политическое поведение и во многом определяющие политические действия.

Более того, политическая культура, сама являясь выражением каждой конкретной политической системы, в то же время способствует ее формированию, активно воздействует на нее и определяет дальнейшие ее преобразования.

Однако, несмотря на это, относительно методичное исследование политической культуры, впрочем, как и политических действий, началось лишь в 50-е гг. минувшего столетия, а теория, предназначенная для изучения мира политики именно через такую призму начала формироваться еще позднее — только с конца 50-х гг. XX в. и получила свое развитие в работах американских политологов Германа Файнера «Системы правления великих европейских государств» (1956), Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» (1963). Интересно отметить, что становление политической культуры как нового теоретического концепта исторически происходило в период обострения многих кризисных явлений в жизни развитых капитали-

стических стран (в так называемых развитых демократиях), которые особенно бурно выражались в молодежном протесте, приведшем к формированию молодежной субкультуры, а точнее, контркультуры, в поддержке национально-освободительных движений, усилении расовых волнений и феминистского движения, что в целом дало импульс для возникновения множества неправительственных организаций: правозащитных и молодежных, природоохранных движений, общественных объединений в защиту национальных и сексуальных меньшинств, одним словом, новых институтов гражданского общества, а также становления средств массовой информации как новой ветви власти — так называемой четвертой власти, что, в совокупности, настоятельно требовало иного состояния политической культуры. Так, уровень развитости политической культуры становился показателем развитости самой демократии. А следовательно, можно сказать, что важнейшим предназначением политической культуры является содействие в утверждении демократических принципов и реализации феномена политического участия граждан в этом процессе благодаря формированию у граждан необходимых общественно-политических знаний, взглядов, убеждений и политической компетентности. Иначе говоря, по мере своего развития политическая культура создает предпосылки для трансформации личности в гражданина как полноценного субъекта государственной политики, содействует его политической социализации в процессе заинтересованного и активного участия в политической жизни страны посредством выполнения им различных социально-значимых функций (избиратель, член политической партии, общественного движения или других институтов гражданского общества), что в итоге приводит к снижению социально-политических (впрочем и других) рисков и минимизации вероятности принятия неэффективных решений со стороны органов власти всех уровней, формирует стабилизирующую основу жизни общества и способствует повышению эффективности управления вообще. Все это естественным образом привело к тому, что понятие политической культуры становится сегодня не только одним из самых популярных в политической науке и в повседневной лексике, но и служит интегральной характеристикой политического сознания и политического поведения общества в целом. Однако, к сожалению, в политической науке нет единой концепции политической культуры. Одно только существование множества определений этого понятия красноречиво свидетельствуют об этом. Впрочем, какие бы определения ни использовались, смело можно утверждать: политическая культура — доминирующая составляющая культуры XX в.

Безусловно, все сказанное выше в равной степени относится и к России. Поэтому важнейшей задачей отечественной политической культуры является создание благоприятных условий, способствующих

щих поиску путей расширенного воспроизводства демократии на еще не достаточно твердом социокультурном фундаменте современной российской действительности. А какие составляющие включает в себя политическая культура? Какое влияние оказали отечественные культурные традиции, том числе православие, на формирование политической культуры в России? Каким образом формируется культура функционирования политических институтов? Каково наиболее разумное соотношение государственного вмешательства и соблюдения принципов индивидуальной свободы? Каковы перспективы развития политической культуры в современной России? На эти и многие другие вопросы нам предстоит ответить и на страницах нашего журнала. Уже из этого краткого перечня вопросов становится ясно, что политическая культура — категория многосложная, комплексная, а ответы на них требуют предварительного глубокого междисциплинарного анализа. Исходя именно из этого принципа, редакция и формировала предлагаемую подборку последующих статей. В ее основу легли доклады на специальной секции VI Всероссийского конгресса политологов, состоявшегося 23 — 25 ноября 2012 г. в Москве. Предлагаемые материалы, разумеется, являются только началом обсуждения важной междисциплинарной проблемы. Такой комплексный подход особенно актуален применительно к российской политической культуре, задача осмысления неоднозначных потенциалов и перспектив которой все более осознается как первоочередная, как настоятельный и концептуальный вызов отечественным социальным и гуманитарным наукам.

*Г.Л. Тульчинский, руководитель проекта,
Х.Э. Мариносян, шеф-редактор журнала «Философские науки»*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В.А. ЗИМИН

Политическая культура представляет собой сложный и многогранный феномен. Она динамична и одновременно устойчива в историческом, временном и пространственном измерениях. В современной отечественной и зарубежной философской и политической науке нет однозначного определения понятия политической культуры, нет также на это и единой точки зрения. Категория «политическая культура» рассматривается в самых разных аспектах – в разрезе общества в целом, социальных групп, классов, в личностном аспекте.

Известный российский ученый Э.Я. Баталов пишет: «...едва ли не каждый серьезный исследователь, работающий в области политической культуры, должен начинать с уточнения своего понимания этого феномена. Ибо ныне, как и тридцать, или двадцать лет назад, отсутствует единое, общепринятое представление о предмете, сфере и границах культуры как родового явления».

Подобную ситуацию нельзя считать ни случайной, ни тем более «скандальной» (если вспомнить о кантовском выражении «скандал в философии»), свидетельствующей о бессилии человеческого разума, его принципиальной неспособности проникнуть в суть такого явления, как культура¹.

Словосочетание «политическая культура» впервые ввел в научный оборот немецкий философ-просветитель И.Г. Гердер. В его работе «Идеи к философии истории человечества» (1784) мы находим упоминание «о зрелости политической культуры и носителях политической культуры»². И.Г. Гердер был одним из основоположников оптимистических взглядов на культуру. Он говорил, что все культуры представляют собой единство, ведущее к созданию единой человеческой цивилизации. И.Г. Гердер поставил вопрос о преемственности в развитии культуры, его работа, названная выше, представляет большую ценность и для нашего времени. Однако введя понятие «политическая культура», ученый-философ не дал ему научного определения.

Попытку такого определения в 1956 г. предложил Г. Алмонд, ставший впоследствии одним из ведущих авторитетов в политических науках. По его мнению, политическая культура представляет собой «совокупность ориентаций на целый ряд социальных объектов и процессов»³. Такой подход развил другой американский специалист С. Верба, он считал, что «политическая культура – это то, что задает форму проявления связи между событиями в политике и поведением индивидов как реакцией на эти события. Дело в том, что, хотя

политическое поведение индивидов и групп... является ответом на действия официальных лиц из правительства, войны, избирательные кампании и т.п., оно еще в большей степени определяется тем (символическим) значением, которое придается каждому из этих событий людьми, их наблюдающими. Можно сказать, что это не более чем проявление того, как люди воспринимают политику и как они интерпретируют то, что видят»⁴.

Таким образом, первые зарубежные исследования политической культуры ограничивали ее сферой сознания.

Польский ученый Е. Вятр считает, что в понятие политической культуры «нужно включить... также определенные образцы поведения. Это соответствует общему пониманию культуры... а также той исследовательской интуиции, которая заставляет искать определенные устойчивые образцы поведения как важнейшие черты культуры, определяющие общественные и политические действия»⁵.

Существенно дополнили само определение и развили учение о политической культуре зарубежные исследователи Х. Боссел, М. Дюверже, М. Вебер, Д. Каванах, Г. Лассуэлл, С.М. Линсет, Л.В. Пай, С. Хангтингтон и многие другие. По мнению известного российского философа В.А. Решетникова, ими была проделана «значительная работа по преодолению кризиса институционализма и учету ценностно-волевых структур деятельности в сфере политики... Философско-социологический анализ духовных основ современной политической культуры является необходимым составной частью переосмысления политической теории, изучения закономерностей преемственного развития духовных основ жизнедеятельности людей»⁶.

Обобщенное понятие политической культуры в понимании зарубежных авторов дает В.Ф. Пеньков. По его мнению, в их работах она «предстает как выражение исторических традиций, идеологий и ментальностей, как средство выявления специфики функционирования политиков, их подхода к разрешению проблем реализации различных интересов, а также как фактор, способный формировать направления деятельности политической элиты при урегулировании конфликтов. При этом зарубежные исследователи зачастую следуют поведенческой традиции анализа политической культуры, а также активно используют сравнительный метод»⁷.

Разработка проблемы политической культуры в нашей стране началась в 70-х гг. XX в. Одно из первых определений политической культуры в отечественной науке принадлежит Ф.М. Бурлацкому. Он рассматривал ее как «уровень знаний и представлений различных слоев общества о политике, а также определенную этим степень их политической активности»⁸. В.Я. Буторин полагал, что политическая культура определяется как мера, степень, процесс освобождения, эмансипации человека от социально-классовой неоднородности»⁹.

Л.Г. Варданын интерпретировал политическую культуру как способ осуществления властных функций¹⁰.

По отдельности каждая точка зрения, тот или иной подход авторов сужает понятие «политическая культура» в целом, поскольку рассматривает определенный аспект данной категории. Поэтому противопоставлять различные определения или подходы к этому понятию представляется неправомерным. Все они вместе дают возможность более предметно понять различные стороны политического явления или процесса.

В советский период «политическая культура» рассматривалась как классовая, идеологическая категория¹¹. Это ограничивало возможности ее научного анализа.

В 70 – 80-е гг. XX в. считалось, что политическую культуру советского народа отличают единство и целостность, основанные на господстве марксистско-ленинской идеологии, а главной задачей политической культуры считалась необходимость формировать определенный тип человеческой личности в интересах того или иного класса¹².

Э.Я. Баталов отмечает, что советская «политическая культура, как и культуры других стран, представляла собой сложное, многослойное, внутренне противоречивое образование, о котором доперестроечная отечественная литература не давала адекватного представления. Да она и не имела такой возможности»¹³.

М.М. Назаров выделяет четыре направления анализа политической культуры: марксистско-ленинскую традицию; поведенческую традицию; интерпретационные подходы к политической культуре; традицию рассмотрения политической культуры через призму социальных изменений¹⁴.

Большое количество определений политической культуры объясняется также многообразием методик и подходов их изучения.

По результатам анализа работ по проблемам политической культуры, Е.В. Морозова выделяет три подхода в ее исследовании.

Субъективистский подход, который дополняется источниками для ее изучения – историческими и историко-социальными явлениями, художественной литературой и мемуарами. При таком подходе культура прошлых лет оценивается как основной фактор в формировании сегодняшней культуры.

Поведенческий подход опирается на методы точных наук. Социологическая выборка, интервьюирование, статистические и математические методы становятся необходимыми компонентами научного анализа политического поведения, которое формируется якобы независимо от культурных или нормативных ориентаций индивида.

Интерпретационный подход призван переориентировать науку о политической культуре с анализа политических систем как отраже-

ния поведения к их восприятию как комплекса идеальных и реальных образцов. При таком подходе трансляция политических ценностей посредством символов определяется как политическая связь, изучение системы которой дает аналитику возможность рассматривать политическую культуру в принятых современной наукой терминах контекста и его значения¹⁵.

Политическую культуру можно определить, по мнению А.С. Парина, «как символическую систему, охватывающую политические традиции, политические нормы и ценности, политические идеалы и проекты будущего. Иными словами, политическая культура сводит воедино три времени: прошлое, зафиксированное в политических традициях; настоящее, отражаемое в установках и нормах поведения людей, адаптирующихся к современной политической реальности; и будущее, совмещающее вероятное, желаемое и должное»¹⁶. Автор исследования (как и многие другие ученые) представляет политическую культуру, с одной стороны, как часть общей культуры, а с другой, – как некий синтез значимых политических характеристик политической системы и субъекта.

Любой субъект политической реальности имеет свои представления, взгляды и предпочтения. На основе этих элементов и опыта человек формирует собственную систему ценностей и линию поведения.

Политическая культура конкретной общности состоит из суммы представлений индивидов, их взглядов, мифологем. Большой отпечаток на массовое сознание граждан накладывает исторический опыт. Каждому строю соответствует определенная политическая культура. Она вбирает в себя традиции, знания, умения и навыки, опыт, накопленный многими поколениями людей.

Формирование и развитие политической культуры происходит через усвоение и сохранение людьми норм, традиций, стандартов.

Если субъекты политики представляют собой непосредственных участников политической деятельности, то субъекты политической культуры – прежде всего ее носители. Они могут обладать определенным политическим сознанием, иметь собственную систему политических ценностей, предпочтения в политической деятельности, но при этом быть пассивными в такой деятельности в отличие от субъектов политики. При этом их отношение к миру политического определяется не только их ценностными и идеологическими предпочтениями, но и занятыми в обществе статусно-ролевыми позициями и комплексом индивидуально-личностных качеств.

Политическая культура проявляется через ее носителей – субъектов. В первую очередь, в политической культуре проявляются особенности выражения социально-политической группы, личности в общественной жизни, отражаются методы и средства (функциональ-

ные и институциональные), а также приемы участия гражданина в политическом процессе, осуществляется соединение политического сознания и практической деятельности в этой сфере.

Нами выявлены особенности разных субъектов политической культуры, но основное внимание уделено эволюции политической культуры работников промышленных предприятий Поволжья (в постсоветский период). Социологические исследования, проведенные на этих предприятиях при участии автора в сентябре 2012 г. (количество респондентов — 1569 чел.) показали, что особенности политической культуры работников промышленности состоят в том, что она складывается и развивается под влиянием коллективизма, православия, монархического сознания, неразвитости правовых традиций. В ее основе лежат иждивенческое отношение к государству и в то же время пассивное свободомыслие в сочетании с достаточно выраженным патриотизмом и как следствие этого — слабая защита своих, в том числе политических интересов, с помощью правовых форм. Работники положительно оценивают принимаемые государством нормативно-правовые акты и меры по совершенствованию практики реализации норм права, если они соответствуют их ценностным ориентациям. И наоборот, они дают негативные оценки нормативно-правовым актам и действиям государства, которые не соответствуют их ценностным ориентациям. В.А. Сидоров отмечает, что «способ материализации субъектом “идеальных стремлений” и “образцов политического поведения” детерминирован: исторической эпохой, господствующим типом социально-экономических отношений, степенью развитости демократии, уровнем духовной и материальной культуры в целом и его социально-демографических групп и — суммируя — степенью развитости политической культуры общества»¹⁷.

Неоднородны взгляды философов не только на сущность политической культуры, но и на ее структурные элементы. Разные исследователи называют разное число компонентов политической культуры. Количество их, на наш взгляд, постоянно растет, так как увеличиваются знания о политической культуре и происходят изменения в самих политических системах.

Структура политической культуры рассматривается учеными по-разному, в зависимости от их понимания соотношения понятий «политическое сознание», «политическая идеология и психология», «политическая культура». В политическую культуру большинство ученых включают оценки, ценности, представления, ориентации и чувства в отношении политической системы и политических традиций. Все названное представляет собой класс объектов, которые реально существуют в идеальной форме. Субъективные политические ориентации объективируются в политическом поведении.

В.А. Куимов считает, что политическую культуру формируют три системообразующих компонента: «Во-первых, — это культурная традиция, которая является исторической памятью и служит для развития культуры; во-вторых, профессиональный фактор, способствующий формированию ценностей в политике; в-третьих, — символизм, закрепляющий в политике ее идейно-образную структуру. С этой точки зрения, политическая культура, соответственно, выполняет следующие функции: передает специфические культурные традиции от поколения к поколению; унифицирует политические нормы, ценности, образцы поведения; организует и регулирует общественные отношения, поведение и сознание»¹⁸.

Известный российский ученый К.С. Гаджиев как составные элементы политической культуры отмечает «сформировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами и т.д. Она включает определенные ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших правил игры, принципов взаимоотношений отдельного человека, общества и государства. Эти компоненты, обусловленные социально-экономическими, национально-культурными, общественно-историческими и другими долговременными факторами, характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством, медленно поддаются изменениям в процессе глубоких сдвигов в общественном бытии»¹⁹.

Сегодня, по мнению большинства отечественных и зарубежных ученых, основными структурными элементами политической культуры являются исторический опыт и политические традиции, культура политического сознания и культура политического участия. К структурным элементам политической культуры относят политическую символику, мифы, язык и этику. Каждый из этих элементов имеет свою характеристику и может быть предметом самостоятельного исследования. Например, политические традиции, являясь структурным элементом политической культуры, выполняют ту же функцию политической культуры по передаче от поколения к поколению той части прошлого, которая необходима для общества на том или ином этапе его развития. Они играют при этом модернизаторскую роль, облегчая обществу процесс адаптации. Политические традиции могут воспроизводиться в политическом процессе и бессознательно. Особая значимость традиций в политической культуре характеризуется тем, что они оказывают большое воздействие на все стороны политической жизни общества.

Для политических традиций характерны устойчивость, давность, ценность и функциональная значимость. Профессор Р.Ф. Матвеев в

своей книге пишет: «В современных условиях большое значение для осуществления политики социального прогресса имеют традиции критического отношения к деятельности государства и в то же время активного участия граждан в разработке альтернативных решений по всем основным направлениям — политической, экономической, социальной, культурной и т.п. ориентации. Чем шире круг проблем, по которым гражданин привык иметь и высказывать свое мнение, тем выше его политическая культура и тем эффективнее его влияние на политику государства»²⁰.

В политической жизни политической культуре свойственны разные функции. Но важнейшими, на наш взгляд, являются — познавательная, коммуникативная, интегративная, воспитательная, мобилизационная, регулятивная, функции социализации и предписания (программирования). Функции политической культуры носят объективный характер. Они и их набор могут изменяться в зависимости от исторических обстоятельств.

Отмечая многоаспектность рассматриваемой проблематики, необходимо подчеркнуть, что философам, политологам, историкам и другим ученым предстоит еще очень большая работа по раскрытию противоречивой и многомерной сущности политической культуры, по выявлению условий и факторов, способствующих формированию демократического типа политической культуры, по определению базовых ценностей политической культуры, изучению мировых политических культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию равнодействующей парадигмы) // Баталов Э.Я. Политическое — «слишком человеческое». — М., 2000. С. 49.

² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977. С. 333, 339, 368.

³ Almond G. G. Comparative Political System // Journal of Politics. 1956. Vol. 18. P. 396.

⁴ Verba S. Conclusions: Comparative Political Culture / P. L., Verba S. Political Culture and Political Development. — Princeton, 1965. P. 516.

⁵ Вятр Е. Социология политических отношений / под ред. Ф.М. Бурлацкого. — М., 1979. С. 260 — 261.

⁶ Решетников В.А. Становление и развитие современной политической культуры (мировоззренческо-методологический аспект): дис. ... докт. филос. наук. — СПб., 1992. С. 6.

⁷ Пеньков В.Ф. Политическая культура как фактор развития политического процесса в современной России. — М., 2002. С. 55.

⁸ Бурлацкий Ф.М. Ленин, государство, политика. — М., 1970. С. 55.

⁹ См.: Буторин В.Я. Социально-информационный механизм формирования политической культуры: дис. ... канд. филос. наук. — Новосибирск, 1989.

¹⁰ См.: Варданян Л.Г. Политическая культура советского общества и проблемы ее развития: дис. ... канд. филос. наук. — Ереван, 1990.

¹¹ См.: Житенев В.А. Воспитание политической культуры. — М., 1983; Комаров Е.Г. Политическая культура молодежи: проблемы формирования и развития. — М., 1986; Бабосов Е.М. Политическая культура советского человека // Вопросы теории и жизнь. — М., 1987 и др.

¹² Кейзеров Н.М. Методологические аспекты критики буржуазных концепций политической культуры // Вопросы философии. 1982. № 1. С. 101.

¹³ Баталов Э.Я. Политическое — «слишком человеческое». С. 47.

¹⁴ См.: Назаров М.М. Политическая культура российского общества 1991 — 1995 гг. — М., 1998. С. 5 — 19.

¹⁵ См.: Морозова Е.В. Региональная политическая культура. — Краснодар, 1998. С. 40 — 41.

¹⁶ Панарин А.С. Политология. — М., 2000. С. 327.

¹⁷ См.: Сидоров В.А. Политическая культура средств массовой информации: дис. ... докт. филос. наук. — М., 1995. С. 31.

¹⁸ Сидоров В.А. Политическая культура средств массовой информации: дис. ... докт. филос. наук. — М., 1995. С. 48 — 49.

¹⁹ Гаджиев К.С. Политическая наука. — М.: Международные отношения. 1995. С. 337 — 338.

²⁰ Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. — М.: РОССПЭН, 1993. С. 177.

Аннотация

В статье проводится анализ теоретических подходов философов к пониманию феномена политической культуры. Основное внимание уделено анализу различных школ, которые воздействовали на становление современной концепции политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура, подходы ее исследования, субъекты, структурные элементы, функции.

Summary

In article the analysis of theoretical approaches of philosophers to understanding of a phenomenon of political culture is carried out. The basic attention is given the analysis of various schools which influenced formation of the modern concept of political culture.

Keywords: political culture, approaches of its research, subjects, structural elements, functions.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Л.Г. ТИТОВА

Культурная составляющая политического процесса выявляет гуманитарный характер, нравственный потенциал, ценностную, смысловую роль политики в современном обществе.

Культура обеспечивает политическую стабилизацию, способствует созданию полей ценностных ориентаций населения, адекватных потребностям нынешнего этапа развития, позволяет эффективно осуществлять политическую деятельность, самоопределяться в мировом сообществе.

Однако практика социальных трансформаций показывает противоречивость и конфликтность политико-культурных изменений, утверждения новых ценностей, обретения иных смыслов бытия. Культурная модернизация политики расширяет возможности развития личности и общества, способствует совершенствованию их взаимодействия с властью и власти с обществом, политической социализации, росту политической и общественной активности. Вместе с тем недостаток культурного обеспечения политического процесса может привести к отклонениям в сознании и поведении людей, в общественном развитии в целом. Опыт трансформирующихся систем показал, что изменение ценностей – достаточно болезненный процесс, результатом которого может стать не процесс человеческого развития¹, не массовое распространение демократических ценностей, а духовное оскудение нации.

Дискуссионность проблемы культурно-политических трансформаций, в частности, российских, ставит вопрос о выборе методов исследования, соответствующих характеру протекающих процессов, позволяющих исследовать истоки и направленность политической и социальной модернизации.

Анализ трансформирующейся культуры политики осуществляется в версиях теории модернизации, которая показала влияние *экономических* (К. Маркс), *социокультурных* (М. Вебер, П. Сорокин), собственно *политических* (Г. Алмонд) факторов на сознание и поведение людей, на формирование того или иного типа политической культуры и преобразования культуры политики. Согласно исследованиям современных авторов, на социальные процессы значительное влияние оказывают прежде всего *социально-экономические* изменения². Теоретики постмодернизма поставили вопрос о характере изменений современных обществ и выявили многофакторность влияний на культурные процессы.

Таким образом, создан методологический потенциал науки, который является основой исследования трансформационных процессов,

идущих в современных обществах. В то же время ощущается потребность в появлении новых исследовательских подходов, объясняющих проблемы эволюции политических ценностей. В этом отношении серьезным потенциалом обладают *междисциплинарный* и *исторический* подходы. Первый является совокупностью исследовательских направлений – политической философии, политической социологии – создающих новые предметные области исследования современной политики как теоретической базы изучения изменений культуры политического процесса. Исторический подход обращает исследователя к истокам культурных трансформаций политики, позволяет выявить динамику и вектор изменений, характерных для данной общественной системы, прогнозировать перспективы изменения ценностей как фундаментального, так и частного порядка и вариативность их развития в неравномерно меняющейся социальной, экономической и политической среде. Значительными возможностями в этом плане обладает получивший широкое распространение в современной политологии институциональный подход, объясняющий зависимость культуры гражданского общества от завершенности процесса формирования политических институтов. Изучение происхождения, развития и укрепления политических институтов делает возможным выявить их влияние на ценностные ориентации населения, степень его автономности по отношению к этим институтам и возможности индивидуального самоопределения как основы формирования демократических ценностей.

Обобщая главные выводы, содержащиеся в исследованиях последних лет, можно выделить совокупность ряда факторов, которые влияют на российскую политическую культуру: глобальные изменения последних десятилетий, внутренние проблемы социального и экономического развития, особенности исторического развития.

Необходимость инновационного развития российской политической культуры объясняется как историческими, так и современными, как внутренними, так и внешними факторами влияния. Стремление к европеизации периодически давало себя знать в преобразовательной деятельности Петра I, в устремленности к «просвещенной Европе» великих императриц, в поисках либерального пути для России декабристов, Столыпина, Витте, в определениях нового государственного устройства Б.Н. Чичерина и многих других. Запад проник в Россию в виде марксизма, на долгие годы определив характер общественно-политического устройства страны.

Евразийский характер геополитического расположения и близость к Европе сформировали у россиян своеобразный комплекс вины за «неполноценную» (отличную от европейской) историю, в связи с чем устремленность к Европе, составлявшая существенную часть политической культуры российской интеллектуальной среды,

чаще всего носила характер прямого заимствования, что значительно ограничивало преобразовательные возможности политической элиты. Особенно остро это проявилось в 90-е гг. прошлого столетия, так как, вопреки существовавшей традиции, сопровождалось резким ослаблением государственности. Рассыпавшиеся государственные «скрепы», которые веками соединяли российский социум в единое целое, поставили российский социум на грань распада. Немаловажную роль сыграла неготовность общественного сознания к подобному перевороту. Стремительный переход в царство свободы рядовым россиянином был воспринят как освобождение от пут всего государственного, в том числе и от самого закона, а получившее широкую популярность в 90-е годы положение о том, что разрешено все, что не запрещено законом, трансформировалось в попустительство и серьезные нравственные потери.

В эпоху глобальных взаимодействий усиление внешних влияний на ценностную составляющую российской политики сказывается не только в традиционных попытках «соответствовать» европейским формам политики и власти, но и в восприятии европейских ценностей как наиболее эффективного и, главным образом, быстрого выхода из кризисной ситуации и входа в современную политику, создания современной политической системы. Подобные настроения, характерные для российского политического сознания в 90-е гг. и продолжающие стимулировать политическую деятельность российской элиты, вызывают критику интеллектуальной элиты³. Однако несмотря на патриотическую риторику, символом веры российских политиков по-прежнему остается культура и ценности западной, преимущественно американской, культуры политики. Это заставляет вспомнить об истоках американской культуры, что нашло отражение в известном труде М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», и российской культуры, религии, особенностях национального опыта, о которых писали российские философы XIX в.

Кроме того, как власти, так и гражданам необходимо осознавать, что вовлекаясь в глобальные процессы, российское общество неминуемо будет нести те потери, которые уже несет мировое сообщество: нарушение экологического равновесия, качества жизни, нехватка ресурсов. Это свидетельствует о новых требованиях, предъявляемых к российской культуре политики, в структуре которой приоритетное место начинает отводиться государственному мышлению, способности решать возникающие проблемы, действуя «на опережение», а также готовности граждан к тем проблемам, которые встают на пути модернизации и глобализации.

Культурно-политические трансформации, которые начались в постсоветский период, сопровождалась углублением неразрешенных противоречий советского периода и появлением новых, которые

стали следствием углубляющейся неравномерности социального развития. Реакция политической элиты на эти процессы достаточно предсказуема — от популизма и заигрывания с массами она рано или поздно переходит к ужесточению режима: между тоталитарным и демократическим режимом пролегает полоса авторитаризма или периода «наведения порядка», о появлении которого в 1988 г. предупреждал известный российский философ Андроник Мигранян. Этот период может занять довольно длительное историческое время, необходимое для «сбора сил» обществом и властью. На такие периоды российской истории обращал внимание еще В.О. Ключевский. Однако следует отметить, что время, отводимое на стабилизацию, становится короче, в ускоряющихся темпах бытия остается меньше возможностей «остановиться, оглянуться».

Российская культура раскола, а российское общество раздроблено. Раскол российской культуры корнями уходит в русские религиозные расколы и социально-классовые противостояния прошлых веков. В советскую эпоху впервые была сделана попытка идеологического решения проблемы созданием новой исторической общности людей — советского народа, и экономического — путем ликвидации веками складывавшейся противоположности богатства и бедности. Путь этот был прерван переворотом, совершившимся в российском обществе на рубеже 80 — 90-х гг. Не вступая в полемику по поводу смысла и значения новой социальной революции в России как очередного способа встать на модернизационные рельсы, подчеркнем лишь тот факт, что российское общество оказалось перед новыми конфликтами, которые на этот раз были порождены более глубокими противоречиями, чем они сопровождали жизнь россиянина в советское время. Разлом идет по линиям социальным, экономическим, национальным (этническим), профессиональным. Возрастает угроза национальных конфликтов.

Состояние культуры российского политического процесса в решающей степени начинает зависеть от состояния общей культуры социума.

Определяя задачи в развитии российской культуры политики, нельзя не учитывать те сложные обстоятельства, в которых будет происходить поиск оптимального активного бытия личности и общества. (Под оптимальным активным бытием мы понимаем реализованную в соответствии с мысленным, предполагаемым бытием жизнь человека. Что касается общества, то его оптимальное активное бытие есть реализация социальных смыслов в коллективных социальных действиях.) К этим обстоятельствам относятся разрушение традиционных, усвоенных большинством ценностей, смыслов и форм существования, которые в процессе жизни превращаются в фактор личности для отдельного человека и становятся стереотипичными представлениями

для социума, определяя возможности совместной жизнедеятельности людей и коллективного, совместного действия. Это определяется не только тем, что действительность выражается во всем большем количестве знаков и символов, для восприятия значения которых человеку требуется значительно больший объем информации, чем, например, в середине XX в. Осмысление поступающей информации, в свою очередь требует определенных интеллектуальных усилий и навыков, времени, как индивидуального, так и исторического.

Но убыстряющаяся «текущая реальность» оставляет человеку все меньше времени на обдумывание последствий своих изобретений, поступков, решений. Факторами ускорения становятся постоянно растущие потребности людей, к услугам которых общество потребления, готовое удовлетворять все большее и большее число желаний. На одном полюсе общества уже наступает пресыщение, в то время как на другом ощущается острая нехватка самых необходимых для жизни вещей — продуктов питания, воды... Все возрастающие темпы жизни фиксируются такими фактами, как стремительный рост населения земного шара, меняющиеся и убывающие ресурсы, ускорение научно-технического прогресса и отставание прогресса нравственного и духовного.

Для выживания человек должен прилагать все большие усилия, поэтому в последнее время за данность принимается необходимость адаптации человека к среде и к любой ее составляющей. Адаптация не предполагает такого количества знаний и умений, какое необходимо для полноценного существования личности и общества. Это феномен был осмыслен братьями Стругацкими еще в 60-е гг. XX в. (роман «Хищные вещи века»). В то же время адаптация предполагает соблюдение правил и норм, «вписывание» в формализованный процесс (выполнение указаний, подчинение диктату чиновников). Так, мигранты обязаны соблюдать все юридические предписания того государства, на территорию которого они прибывают, в противном случае к ним применяются негативные определенные санкции.

Однако подчинение юридическим требованиям не обязательно сопровождается подчинением нормам нравственным — не предписанным и неформализованным. Потеряв опору в традиционных установлениях, нормы нравственные теряют свой статус внутренней и внешней обязательности.

Чем больше разрушаются нормы, тем в большей степени с человека снимаются всевозможные ограничения. Разрушение стереотипов в сознании разрушает границы, создавая не-граничное пространство, которое в отличие от безграничного (расширенного, масштабного) является хаотичным, неорганизованным. Жизнь человека в этом пространстве лишена внутренней опоры, что создает возможности внешнего управления сознанием и поведением людей. В условиях, когда

ослабевают внутренние ресурсы культуры, власть не заинтересована в их укреплении, а общество все более жестко дифференцируется на группы, имеющие доступ к различным ценностям и не имеющие такового, — духовное оскудение становится уделом большинства людей, превращая их из народа в население и массу.

Решение бегло обозначенных проблем кроется, прежде всего, в изменении общего состояния российского общества, **в ликвидации социального дисбаланса**, такого положения вещей, когда на одном полюсе скапливается незначительное количество сверхбогатых людей, а на другом значительная численность бедных. Культура политического процесса, в структуре которой начинают формироваться демократические ценности свободы, прав и свобод личности, может вырасти только на хорошо подготовленной для этого социально-экономической почве, ибо, как уже не раз отмечали исследователи, в бедном обществе нет и не может быть демократии.

Риски и угрозы новейшей эпохи ставят перед необходимостью единства внутри политической системы и единства в масштабах всей нации: только общие ценности, ощущение внутренней духовной свободы, объединение народов, этносов, конфессий на условиях взаимопонимания и терпимости, умения сосуществовать на одной территории, компромиссах и создает подлинную свободу каждого народа. Большой путь для эффективного решения социальных и политических проблем должно пройти российское гражданское общество, культура которого — в способности противостоять монополизации власти, умении контролировать ее и обеспечивать взаимодействие на основах толерантности и компромисса. В противном случае следствием властной монополизации становится сужение политического пространства как поля политической конкуренции и политического взаимодействия, появляется индифферентность граждан по отношению к политике, или отрицательное отношение ко всем политическим институтам, начиная с государства и завершая политическими партиями, общественными движениями.

Российская действительность последних лет продемонстрировала **необходимость сильного и эффективного государственного управления**. Как никогда ранее политическое регулирование и социальное управление сближаются в функциях властвующей элиты: осознание ситуации, прогнозирование перспектив и основных тенденций развития российского общества, умение принимать решения, соответствующие ситуации, — в этом суть современного политического профессионализма. Вместе с тем сложность проблем, стоящих перед современными обществами предполагает формирование культуры взаимодействия, прежде всего, власти и общества. Пополнение властного ресурса осуществляется за счет ее способности опереться на потенциал гражданского общества. От общества при этом тре-

буется признание ценности власти как инструмента устойчивого и перспективного развития. Подобный подход к культуре политики в большей степени отвечает потребностям развития в современную эпоху, но годы российской модернизации выявили болевые точки российской политики: невысокий профессиональный уровень, недостаток социальной ответственности у политических субъектов. Результатом становится углубление общественных противостояний, конфликтность российского общества.

Существенно сказывается на перспективах социально-политического развития и отсутствие объединяющих общество политических ценностей. *Страна нуждается сегодня в инновационных идеях, но не в меньшей степени она нуждается в ощущении значимости бытия, в обретении смыслов.* Сочетание рационального начала (профессионализма политика) и идеального (чувства патриотизма, потребности в добре и справедливости) все в большей степени востребовано обществом, которое в последние годы существенно обеднело в духовном отношении, что, наконец, осознано не только интеллектуальной, но и политической элитой России. Последнее обращение президента В.В. Путина к Федеральному собранию — тому свидетельство.

Нравственная глухота и эмоциональная бедность становятся уделом россиян, значительная часть которых находится за чертой бедности и вынуждена не жить, а выживать. Обратная сторона одного и того же явления — духовного обнищания нации — усиливающийся социальный, политический и житейский прагматизм.

В новых условиях должен быть выработан новый механизм формирования культуры политического процесса.

Первое место в нем занимает *политическое образование*, программа которого определит весь стратегический путь дальнейшего воспитания умов, интеллектуальных прорывов, высокого профессионализма в политике, а также просвещение и воспитание. В российском обществе, где ценность образования всегда была чрезвычайно высока, необходимо вернуть значимость гуманитарных наук, само название которых обращает нас к пониманию ценности человеческой жизни, достоинства человека. Политическое образование занимает в этом процессе особое место, так как оно выполняет функции политической экспертизы, соответствия политических процессов принципам нравственности, уважения к человеку, именно с него начинается область осознанной публичной политики. Назрела потребность в обучении гражданским навыкам, введения в средние и высшие учебные заведения предмета «Публичная политика».

Скрепками социального бытия россиян становятся *обретение смыслов в совместных идеях социального действия, определения его перспектив.* Такими смыслами являются уважение к прошлому, забота о настоящем и ответственность перед будущим, уважение к достоинству

человека. Роль в воспитании этих качеств современного россиянина мог бы сыграть Гуманитарный проект развития России, к разработке которого могли быть привлечены ведущие ученые, театральные деятели, писатели, общественные деятели.

В современную эпоху раскрываются новые стороны культуры: она все больше превращается в единство слова и дела, духа и материи, нравственного и физического. Этому способствуют многочисленные проблемы, которые все в большей степени и в новом варианте стоят перед человечеством. Так, экологические проблемы ставят человечество перед необходимостью сохранять хорошее физическое состояние, чему способствует *забота о качестве жизни человека.*

Таким образом, культура политического процесса в настоящее время становится все более сложным феноменом, требующим от человека и общества значительных усилий по ее охране и приумножению. Культура в политике — один из действенных путей развития общества и личности в условиях изменившегося бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство. 2011. С. 14.

² Там же. С. 10.

³ См., например: «Русский путь» по Максиму Кантору // Российская газета: Неделя. 2012. 29 ноября — 5 декабря. С. 25.

Аннотация

Различаются политическая культура как совокупность ценностей и норм, определяющих состояние политической системы общества, сознание и поведение «человека политического», и культура политического процесса как способность текущей политики обеспечивать гуманитарное развитие общества, наполнять смыслами жизнедеятельность человека. Культура российского политического процесса реализуется как изменение политического и социального качества с неопределенным результатом.

Ключевые слова: культура российского политического процесса, культурно-политическая трансформация, модернизация, демократизация.

Summary

One should distinguish between political culture as the aggregate of values and norms defining the state of a society's political system, the mind and behavior of the political man; and the culture of political process as the ability of current policies to support a society's human development and to fill people's lives with meaning. Russian culture of political process is realized as the change in political and social quality, to uncertain result.

Keywords: Russian culture of political process, cultural and political transformation, modernization, democratization.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ОСЯХ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ СОЦИОГЕНЕЗА

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

В предлагаемой работе политическая культура рассматривается как проявление социогенеза, в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. Под культурой понимается система порождения, хранения и трансляции социального опыта. Такой подход позволяет обобщить ценностный (культура как система ценностей), нормативный (культура как система норм, правил, традиций), деятельностный (культура как способ жизни) и «человекотворческий» (культура как «машина» социализации) подходы к пониманию культуры. Соответственно и политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, постольку и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Но не только. Культура — не только и не столько некий ментальный план, сколько именно фреймвая структура образа жизни конкретного социума, соответствующего социального опыта.

Базовые ценности и институты социогенеза

К базовым ценностям социогенеза прежде всего относится *безопасность*, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, продолжению рода и другим жизненным ресурсам лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике. И это отнюдь не только обеспечение внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной, пищевой и т.д.), что является очевидной и главной функцией государства. Общеизвестны и практики игры на этой ценности, формирование образа внешнего и внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Такое манипулирование, а то и хорроризация общества давно и успешно освоены политическими элитами. И не случайно — консолидировать, сплотить общество перед лицом некоей опасности гораздо легче, чем на конструктивной, позитивной основе.

При этом в любом социуме, в любой форме и на любом уровне, с самого момента его возникновения с неизбежностью возникают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и ressentimenta. Разрешение этих проблем так или иначе связано с реализацией второй базовой ценности социогенеза — *справедливости*. Именно реализация этой ценности порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности от морали и права до социально-культурных эмоций: чести, гордости, стыда, смеха...

Однако сами эти представления и институты могут рассматриваться некоторыми представителями общества как несправедливые. Тем самым возникает импульс к пересмотру, динамике норм и правил. Поэтому справедливости ради (этакий каламбур. — Г. Т.) важно отметить, что справедливость реализуется по двум направлениям. Первый вектор справедливости связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй связан с возможностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции, вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни. Сократ и Иисус — яркие тому примеры. История убедительно свидетельствует о том, что современники и соплеменники сплошь и рядом воспринимают творцов-«инноваторов» как нарушителей завета предков, установленных норм, к которым нужно звать то ли полицию, то ли врача. Более того, в таком обществе доминирует представление о коллективной ответственности, потому что индивид понимается, прежде всего, как представитель конкретного социума (рода, племени, клана).

Именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», побуждает творцов-инноваторов искать справедливость и удачу в других краях, городах и весях, где к ним относятся как к «иным», чужакам, маргиналам, что парадоксальным образом, но позволяет им зачастую добиваться больших результатов, чем «туземцам». Факт этот тоже слишком хорошо известен. Однако стоит обратить внимание на связанные с ним еще два цивилизационных обстоятельства. Во-первых, получается, что важным условием успеха инновационных проектов является горизонтальная мобильность, возможность перемены места жительства. А во-вторых, и в связи с этим, становится понятной мо-

дернизационная роль городов и нынешнего тренда к агломерациям, обеспечивающим максимально возможную концентрацию таких личностей. Именно в городах накапливается их критическая масса, которая и становится социальной базой модернизационного развития, формирования индустриального общества массового производства, а затем и постиндустриального общества массового потребления.

Традиционное общество обходится, таким образом, двумя указанными базовыми ценностями. Для достижения консолидации и социализации ему достаточно обеспечения безопасности и справедливости. И политической власти, государству в таком обществе вполне достаточно апеллировать к безопасности и справедливости для установления легитимности. Однако если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве и делает ставку на второй вектор справедливости, в нем формируется еще одна базовая ценность — **свобода**, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности. Свобода носит эпифеноменальный характер¹, она производна от автономной ответственности, посредством которой личность (в процессе воспитания, образования, профессиональной подготовки) вырывают из причинно-следственных связей и делают источником, причиной совершаемых действий. Свобода — оборотная сторона ответственности.

Следует еще раз подчеркнуть, что не всякое общество рассматривает такую ответственную автономность (свободу), как ценность. Большая часть истории человечества прошла в рамках традиционных обществ, в которых личная инициатива рассматривалась как девиация, нарушение завета предков. Выдающийся цивилизационный вклад христианской культуры как раз и заключается в ценностном рассмотрении свободы/ответственности личности.

Таким образом, в общем случае ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода (см. рис.1), причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и в направлении свободы. Например, в случае кри-

Рис. 1. Базовые ценности социогенеза

зиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако по мере политической, экономической стабилизации на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т.п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 г. под научным руководством Р. Инглхарта и охватившего более 80 стран. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этнически-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход — от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности...)².

Социогенез, однако, предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты — неформальные и формальные. К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие институциональную основу (background) — культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные же представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

В этой связи можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума³. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это проявляется в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или к прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы). Эта модель представлена на рис. 2.

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность — справедливость — свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения профиля конкретного общества, его политической культуры — в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно эмоционального. Политическая власть, государство — идентичность «Мы» гражданского, преимущественно рационального.

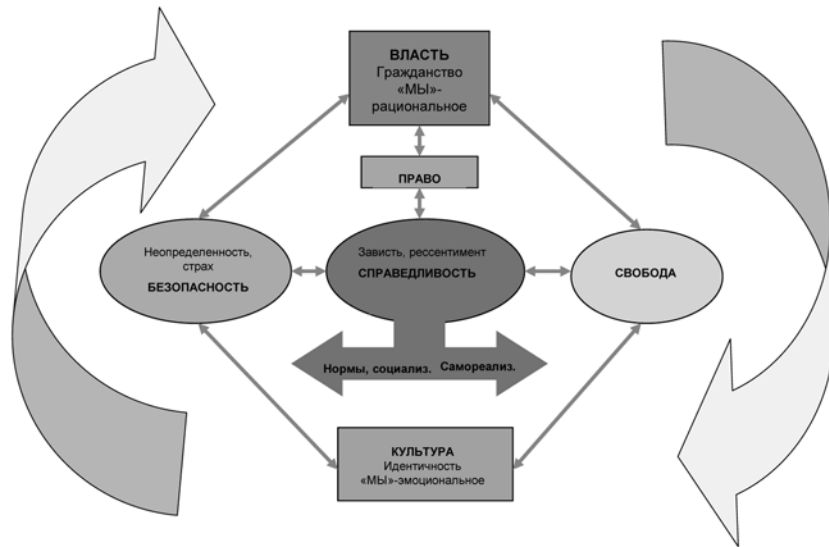

Рис. 2. Роль власти и культуры в консолидации общества

Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность. И если эта солидарность предполагает доверие, то неформальные институты этнической идентичности обеспечивают доверие, «сплывающее», возникающее между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Но для относительно развитого общества, а особенно для состоящего из представителей разных этносов, а то и конфессий, доверия сплывающего не достаточно – необходимо доверие, «наводящее мосты» между разными группами и слоями общества⁴.

Это доверие и складывается благодаря формальным институтам, прежде всего – правовой культуре, задающей нормативную рамку отношений и взаимодействий различных групп и слоев данного государства. Если неформальные институты задают культурно-этническую идентичность, то формальные – гражданскую, которая и обеспечивает консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

В пространстве, образуемом ценностной и нормативной осями, очевидны свойственные российскому обществу роль традиций, акцентирование нравственности по сравнению с правом, и, как следствие, неразвитость формальных институтов важных для гражданского общества. Наглядно демонстрируется и дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности, между которыми нет органической и естественной связи. Более того, формальные институты в этой ситуации оказываются декоративными, а политическая система приобретает характер декоративного

дизайна. Именно это обстоятельство приводит к печальным последствиям попытки реформирования российского общества на основе правовых моделей, вызревших в других социумах, располагающих развитой правовой культурой и правовым самосознанием, выросшим на понимании свободы как ответственности. Подобные поверхностные попытки демократизации и либерализации неизбежно оборачиваются политической и экономической анархией.

Кстати, именно этот институциональный фактор объясняет так называемый «парадокс России», отмеченный в исследовании World Values Survey как откат за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном откате, а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет о движении не по ценностной оси, а по оси нормативно-институциональной.

На недавней конференции по социологии инноватики в ИНИОН был представлен яркий доклад Г.Г. Шагиняна – выдающегося специалиста по нейрохирургии сложных и глубоких травм лицевой части черепа. Используя сравнение со слайдами, иллюстрирующими этот доклад, можно сказать, что в этом плане ценностно-нормативная деформация российского социума напоминает глубокую травму лицевой части черепа: в нем практически снесена его «височно-скуловая часть», связанная с соответствующей ценностно-нормативной зоной (см. заштрихованную зону на рис. 3).

Из данной модели очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории

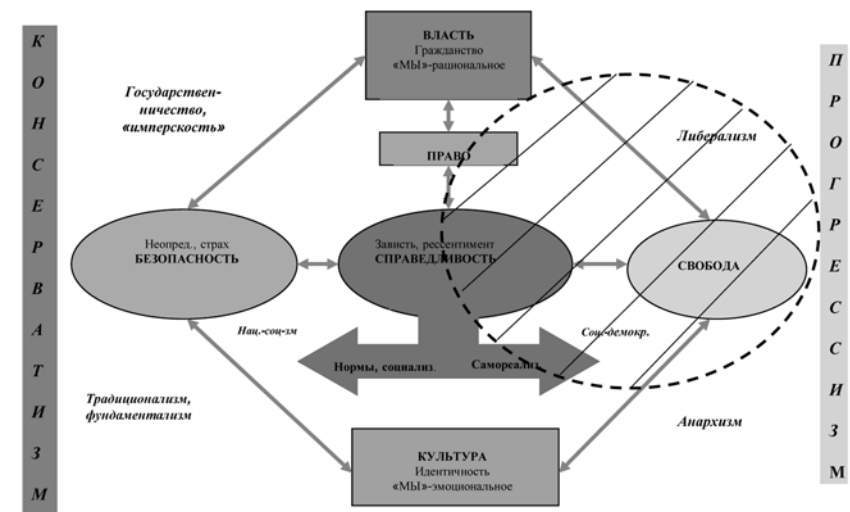

Рис. 3. Политические идеологии и российская деформация

были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества, для придания ему импульсов модернизации (в случае их реальной востребованности!) необходима достаточно тонкая и трудоемкая «нейрохирургия».

Однако прежде чем говорить о каких-то возможных «операциях», необходимо уточнение «диагноза».

Нормативно-ценностное содержание российской культуры

Анализ нормативно-ценностного содержания российской культуры и соответствующей ей идентичности на материале мифологии, фольклора, особенностей русского православия, философии, художественной культуры (особенно литературы), политической и экономической истории, обыденного дискурса, впечатлений путешественников (отечественных и зарубежных), выявляет ряд специфических особенностей российской культуры. Такой анализ уже был проделан⁵, и полученные результаты уже находят успешное применение⁶, поэтому в данной работе можно воспользоваться результатами уже проведенного ранее исследования.

Прежде всего, при типологической общности содержания отечественных мифологии и фольклора, бросается в глаза отсутствие в них «культурного героя» — персонажа, аналогичного Прометею или Вайнемейнену: ремесленника, ткача, строителя, научившего труду, конструктивной работе. Практически не воспет труд и в русской поэзии.

Русское православие, как и вся Восточная церковь — апофатическая ветвь христианства: Божественная сущность в нем не имеет позитивного выражения в этом мире. Сам православный канон, как известно, был заимствован, насаждался властью, что предопределило Раскол — важнейшее событие в развитии отечественной духовной культуры. Обыденное религиозное сознание (житийные тексты, духовные песни) выражают повышенный интерес к нравственной личности, ее жизненному опыту, особенно к претерпеванию страдания, к теме Страшного Суда. В обыденном религиозном сознании Христос предстает Царем небесным, сливаясь с Отцом, а Святая Троица фактически заменяется Двоицей: Христом и Богородицей. В морали, восходящей к православной этике спасения, Благодать выше закона. И особую роль играет покаяние («не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься»).

Характерны специфические особенности русской философии. По своему происхождению она вторична, не внесла оригинального вклада в развитие метафизики, натурфилософии, теории познания, логики. Ее развитие эхололично — это поэтапная рефлексия

западноевропейской философии: вольфианства, романтизма, позитивизма, марксизма, постструктурализма... Круг ее главных тем довольно узок: личность и общество, свобода, судьба России. Но их постановка и обсуждение чрезвычайно глубоки и эмоциональны, с глубокой личностной вовлеченностью. Ей свойственны максимализм, универсализм, практическая нацеленность — поиск «окончательных ответов» на вопросы практической жизни, обустройства общества. Показательна и типичная фигура российского философа — это не кабинетный ученый, а «человек с судьбой», исповедник идеи, готовый за нее пострадать...

Показательны и особенности языковой практики (поговорки, инвективы, лексика, обыденный дискурс). Особенность, если не уникальность, русского языка связана с тем, что оценочность лексики в нем достигает почти 40%. И язык обладает широчайшими возможностями выражения оценочного отношения, которое входит в словарное значение слова. Русский язык тропирован, но не терминирован, что и объясняет феномен «засоренности русского языка иностранными словами» — когда хочется выразиться о чем-то безоценочно, объективистски точно, заимствуется иностранное слово, которое достаточно быстро также получает оценочную нагрузку. В русском языке часто практикуется опускание логической связки, в результате чего получаемые эллиптические конструкции требуют дополнительных интеллектуальных усилий для понимания смысла выраженной мысли. Показательно и обилие непереходных глаголов, выражающих процессуальность действия, но не его результативность (мы много «работаем», но мало «делаем»).

Разумеется, в культуре фиксируются и выражаются особенности экономической и политической истории России. Что касается способа хозяйствования, то географо-климатические условия Восточно-Европейской равнины (краткий теплый период, чтобы успеть высеяться, заготовить корма и собрать урожай, с дождями и заморозками в самое неудобное время), подсечно земледелие на сероземах — все это стимулировало совместный напряженный труд с чрезвычайными усилиями в относительно краткий период и с последующим долгим расслаблением. Это, а также синтез с финно-угорскими племенами, формировало специфический образ жизни. Да и российское государство (и в норманнской, и в хазарской теории его происхождения) возникло отнюдь не для защиты крестьян, слободы, ремесленников. Первое письменное упоминание о Руси в византийских летописях эпохи Константина Багрянородного гласит буквально следующее: «Осенью князь со своей Русью выезжает на кормление». Эта парадигма исторически мало менялась. Дореволюционная экономика носила вотчинный характер, когда целые регионы и отрасли отдавались в кормление «правильным» людям. И на протяжении всей российской

истории не собственность рождала власть, а наоборот — власть порождала собственность и постоянно ее переделывала. Не случайно страна двести лет никак не может пройти первоначальное накопление, и за это же время пять раз радикально меняла собственников: исторически мгновенно — на глазах одного поколения.

Содержательны для понимания особенностей российской культуры и впечатления путешественников — как отечественных за рубежом, так и зарубежных — в Россию. Они особенно интересны, ведь в глаза путешественникам, носителям своей культуры, бросаются именно отличия культуры иного общества. Так, иностранцы (от Олеария до наших современников) отмечают такие позитивные качества русских, как доброжелательность, гостеприимство, щедрость, выносливость, неприхотливость, работоспособность, мужество, пренебрежение к смерти, жизненную силу. И эти качества сочетаются одновременно с жестокостью, грубостью, бесчувственностью, лживостью, воровством, пьянством, ленью. Наиболее наблюдательные из иностранных путешественников связывают корни пренебрежения к смерти, способность стойко переносить страдания, терпение, покорность судьбе — с пренебрежением к этой жизни (своей и чужой), воровство — с пренебрежением к собственности, лживость — с пренебрежением к реальности во имя идеи.

Если обобщить все эти данные, то комплекс базовых ценностей российской культуры предстанет в следующем виде.

Правда (жить по правде, «не по лжи»): нравственный максимализм; способность пострадать за правду. Это выражается не только в идеале русской православной святости, теме униженных и оскорбленных в литературе, но и особом значении страдания (на Руси никто не страдает просто так, а всегда — за что-то, во имя чего-то), даже в особенностях политических PR.

Анофатизм: эта жизнь — юдоль страдания, нравственного испытания; эскапизм; лиминальность, амбивалентность морали; пренебрежение к проявлениям этой жизни (здоровью, труду, собственности, закону, чужой и своей жизни).

Универсализм (всеединство): пренебрежение к отдельной личности, требование самоотвержения; специфический коллективизм (не основанный на общности интересов, а «ватажно-«артельный»).

Эсхатологизм: представление о Царстве Божием на земле; спор с историей; танатологичность, вера в воздаяние после жизни.

Чудо (не упорядоченный труд, а усилие воли).

Истина как красота: истина должна быть красивой (красиво и потому истинно); нравственность искусства.

Этот нормативно-ценностный комплекс имеет очевидный акцент справедливости в сторону безопасности, ему свойственна глубокая вторичность проблемы свободы. Одновременно неразвитость фор-

мальных институтов компенсируется акцентом на доверии «сплачивающем», обеспечиваемом неформальными институтами и отношениями. Неразвитостью институциональной среды, порожденной этим недоверием к социальной жизни, может объясняться не только правовой нигилизм, но и особый «платонизм», апелляция к трансцендентным ценностям.

Речь идет об исключительно целостном мировоззрении, миропонимании и мироощущении, которому свойственны чрезвычайно напряженное нравственное чувство, этика предуготовления к вневременному спасению, дизмотивация к жизни в реальном мире и ее проявлениям (собственности, здоровью, своему и чужому труду), их правовым гарантиям. В плане модернизации такой культурный потенциал достаточно неоднозначен.

Как возможно формирование новой политической культуры

Весь исторический опыт успешных модернизаций — как зарубежных (Германия, Япония, Корея, Сингапур, Китай), так и отечественных (реформы Петра I, отчасти советский опыт) — показывает, что условиями успешности модернизации являются наличие ясной стратегии и властной воли к ее реализации, ставка на освоение передовых практик, на науку, образование, формирование социальной базы модернизации (новой элиты), централизация на ранних стадиях, жесткое следование принятым решениям, а по мере развития экономики — все большее делегирование полномочий гражданам и социальным институтам гражданского общества. Только в этом случае возможна динамика социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества.

При всей человеческой симпатии к инициаторам перестройки, следует сказать, что их управленческая некомпетентность очевидна: нигде и никогда модернизации и реорганизации не осуществлялись на основе и через демократизацию. Это азы менеджмента. Демократия — результат, продукт, упаковка всюду плотных рыночных отношений. При отсутствии реальной рыночной экономики, а главное — реальных собственников, ей не на что опереться, и она уходит в песок, если не в болото.

Традиционным ответом России на вызовы всегда были усиление власти, жесткий административный контроль, подтягивание ресурсов и насилие (принудительное нововведение). Парадокс же современной России состоит в том, что, если условие успеха — это разумная властная воля, артикулирующая внятную стратегию, то сейчас мы имеем ситуацию, когда отсутствует не только внятное представление о стратегии модернизации, но и потребности, способности и готовности к переменам.

Вместе с тем, культурный потенциал российской модернизации очевиден⁷. Возьмем, например, имперское наследие. Оно достаточно

нетривиально, если иметь в виду цивилизационную роль империй, соотношение имперской культуры и глобализации (поскольку каждая историческая империя была ростком глобализации) и имперскую культуру как колыбель и питательную среду либерализма. Сравнительный анализ отношения к постимперскому опыту — «загадки Эспаньолы» (Гаити и Доминикана), опыт Сингапура и Шри Ланки (ставка на постимперское культурное наследие и отказ от него), опыт Израиля (вынужденная имперская роль) — убедительно показывает позитивный потенциал имперской культуры при должном отношении к этому наследию. Это — несомненный, мощный и конструктивный потенциал открытого общества, являющейся, в этой связи, ресурсом инновационного развития. Прежде всего, это надэтнический и надконфессиональный характер политической системы, вытекающие из этого особенности формирования политической элиты, толерантность, инновационность, модернизация. Постимперское культурное наследие способно выступать ресурсом инновационного развития. Задача — во внятном и вменяемом отношении к этому наследию и опыту, в способности рационально им распорядиться.

Кроме того, можно говорить о постимперской фазе мирового развития. И современная постимперскость двойственна. Это и кризис традиции, и стремление выхода к новому глобализованному фронтиру цивилизации. Нации-лидеры и слабые («несостоявшиеся») государства устремлены к новой интеграции. В условиях глобализации империи становятся невозможными политически. Однако сама культура глобализованного мирового сообщества несет отчетливые черты, свойственные именно культурам имперского типа.

Позитивную роль играет и пока сохраняющийся относительно высокий уровень человеческого капитала в России, его многими отмечавшаяся терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания, в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью, — несомненный ресурс модернизации, золотой фонд реформатора и/или манипулятора. Может быть, потому на нас и экспериментируют все, кому не лень?! Никак нельзя сбрасывать со счета и благоприятную как никогда внешнеполитическую ситуацию, и сохраняющуюся централизацию реальной власти. Дело за переходом от централизации ради централизации — к централизации ради перехода в новое качество.

Но не менее очевидны в российской ситуации и культурные барьеры модернизации. Это углубляющийся сырьевой характер экономики, нерешенность вопроса о собственности, правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, сырьевая экономика, специфика российской урбанистической среды⁸, отсутствие социальной базы модернизации и невостребованность инноваций. В современной России отсутствует реальный запрос на инновации. Его нет

у бизнеса. Вопреки мифу об инновационности бизнеса, последний делается не для конкуренции и инноваций, а для достижения хотя бы и временного, но монопольного преимущества. Для того, чтобы он стремился к этому преимуществу за счет инноваций, должна быть создана конкурентная среда. А в современной России рентный бизнес не нуждается в этом. Он уже монополизирован. Власть же только расчищает прикормленному бизнесу эту монополю. Да и общественный запрос ориентирован скорее на стабильность, чем на очередные инновации... К этому можно добавить невиданное имущественное расслоение общества, запредельную коррупцию, правовой нигилизм, отсутствие гражданской идентичности, фантомные имперские боли и неоднозначные идеологические спекуляции, этнофедерализм, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования...

Итогом являются сложившиеся в России экономика и общество недоверия, институционализация зависти и ressentimentа, отсутствие консолидации на конструктивной, позитивной основе. Современная Россия удивительно не консолидированное общество. Однако возможность развития общества решающим образом зависит от его консолидации, обеспечения интеграции в единое целое — главного условия развития, конструктивной трансформации общества, его приближения к цивилизационному фронтиру, обеспечивающему максимально возможное для данного исторического этапа качество жизни.

Возвращаясь к вопросу о деформации нормативно-ценностной модели российского общества, можно констатировать, что речь идет о глубокой травме этого общества, причем, травме, закрепленной социально-демографически. На рис. 4 представлены ориентировочные социально-демографические профили нормативно-ценностных кластеров. На ценностно-нормативный комплекс справедливости как свободы и соответствующие институты — прав человека, гарантий охраны собственности и т.п. — ориентированы преимущественно жители больших городов, имеющие собственные источники доходов. На ценностно-нормативный комплекс этнической безопасности ориентированы в большей степени жители малых городов и поселков, существующих, преимущественно, на бюджетные средства.

Наращивание тканей, необходимых для налаживания целостного баланса российского общества связано с развитием вектора личностной инициативы и правовых гарантий результативности этой инициативы. Разумеется, ключевым вопросом перспектив развития российского общества является решение вопроса о собственности и ее правовых гарантиях.

Но решение этих проблем предполагает и внятную социально-культурную политику. Если перевести это на простой язык, то речь идет об акцентированной ставке на развитие городских агломераций, на образование и молодежь.

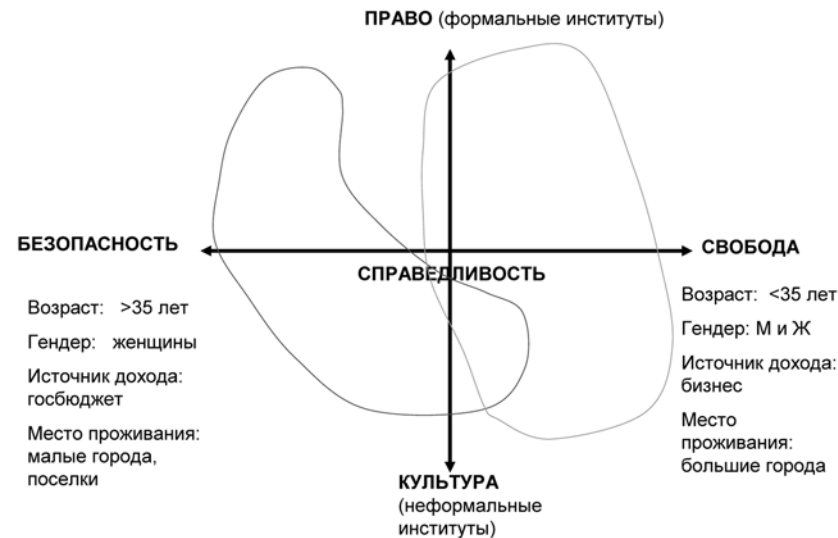

Рис. 4. Социально-демографические профили ценностно-нормативных кластеров

Все сказанное позволяет утверждать, что российское общество имеет дело с серьезнейшим цивилизационным вызовом. И наиболее продуктивным способом ответа на него представляется гармонизация ценностно-нормативного потенциала, образующего российский социум, результатом которой может стать его консолидация на основе солидарности, что, собственно, только и может обеспечить перспективу развития российского общества.

Не менее очевидны и основные направления и технологии необходимой социальной инженерии по преодолению этого дисбаланса в динамике социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества. Такая социальная инженерия возможна с опорой на модернизационный потенциал (высокий уровень человеческого капитала, терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью) и преодоление нормативно-ценностных барьеров (правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, отсутствие реального запроса на инновации, взаимное недоверие, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования).

Тем самым выявляются и условия реализации такой инженерии: обеспечение правовых гарантий личной инициативы, внятная социально-культурная политика с акцентированной ставкой на развитие городских агломераций, образование и молодежь.

Такие перспективы развития (модернизации) российского общества вполне соответствуют общемировым тенденциям⁹. Перспективы

эти предполагают консолидацию, тогда как современное российское общество не только не консолидировано, но может характеризоваться как общество недоверия, что проявляется в экономике недоверия, деформированной судебной практике и т.д. Это обстоятельство усиливается общецивилизационным трендом формирования проектно-сетевых общественных отношений – от деловой и научной активности до личной жизни¹⁰. Возникающая при этом сетевая рента порождает дополнительные моральные и правовые вызовы и напряжения между предполагающейся высокой степенью доверительности и взаимного интереса – с одной стороны, и искушением корыстного манипулирования и эксплуатации чужого человеческого капитала – с другой.

В этой связи ключевым становится вопрос о доверии, «наводящем мосты», которое может быть задано только надэтнической и надконфессиональной идентичностью, связанной с функционированием государства. Если государство эту функцию не выполняет, если федеральная и региональные «элиты» дееспособны только в реализации личных интересов, несравненно более важных для них по сравнению с государственными и общественными нуждами, то экономика оказывается неэффективной, граждане – экономически и политически беспомощными, политическая жизнь такого государства обесмысливается, и уже не только политологи, но и граждане могут задаваться вопросом: «А стоит ли спасать государство – неэффективное, коррумпированное, несправедливое и не уважающее национальные интересы большинства населения?»¹¹.

Дивергенция по ценностной оси между безопасностью и самореализацией не может компенсироваться исключительно культуральным фактором (этническим, религиозным). Сбалансированная компенсация предполагает формирование гражданской позиции и гражданской идентичности, что показывает, кстати, не только зарубежный опыт, но и движение гражданского протеста 2011 – 2012 гг. в России¹², участники которого сформулировали de facto запрос на формирование гражданской нации, на легитимную власть, способную реализовать справедливое отправление своих функций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тульчинский Г.Л. О природе свободы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 19 – 28.

² См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Новое издательство, 2011.

³ См.: Тульчинский Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре // Человек, культура, образование. 2011. № 2. С. 5 – 14.

⁴ См.: Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. Моральные основания современного экономического общества. – М.: Аспект-Пресс, 2011; Инглхарт Р.,

Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия; Рикер П. Путь признания. – М.: РОССПЭН, 2010.

⁵ См.: Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. Глава «История, этнос, культура. Российский и советский духовный опыт: феноменология и судьба». – СПб.: РХГИ, 1996. С. 247 – 276; Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. Глава «Лиминальное как национальное: содержание и судьба российско-советского духовного опыта». – СПб.: Алетейя, 2003.

⁶ См.: Сулимов В.А. Философия и логика русского языкового континуума. – Сыктывкар: КГПИ, 2006.

⁷ Подробнее см.: Тульчинский Г.Л. Культура как ресурс и барьер инновационного развития // Инновации. 2012. № 5 (163). С. 74 – 79.

⁸ См.: Модернизация России: территориальное измерение. – СПб.: Алетейя, 2012.

⁹ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия.

¹⁰ См.: Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. – М.: НЛО, 2011; Тульчинский Г.Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // Философские науки. 2012. № 11. С. 76 – 88.

¹¹ Ковалев В.А. 2012 как 1984? Российские трансформации и политический кризис // Политическая наука. 2012. № 1. С. 49.

¹² См.: Тульчинский Г.Л. Общество созрело, или Перспективы легитимности власти в современной России // Философские науки. 2012. № 1. С. 23 – 30.

Аннотация

В статье рассматривается ценностно-нормативная модель социогенеза. Выделение ценностной оси (безопасность – справедливость – свобода) и оси институциональной (культура – право – государство) позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Специфика ценностного содержания российской культуры позволяет рассматривать его как ресурс и как барьер развития российского общества. При этом особое значение имеет артикуляция целей и путей, а также социальной базы этого развития.

Ключевые слова: безопасность, государство, культура, право, развитие, свобода, справедливость, ценности.

Summary

This report considers value-normative model of sociogenesis. The allocation of the value axis (safety – justice – freedom), and the institutional one (culture – right – state) allows you to capture the features of the cultural profile of the company, its deformation, accentuation of political ideologies. The specificity of value content of Russian culture allows us to consider it as a resource and as a barrier for the development of Russian society. The articulation of goals and ways, as well as the social base of this development are of particular importance.

Keywords: culture, development, freedom, justice, law, security, state, values.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ VERSUS ДЕМОКРАТИЗМ: РАКУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.Л. СЫСОЛЯТИНА

Практика становления современного отечественного парламентаризма свидетельствует о том, что продуктивному развитию демократических ценностей в России противостоит устойчивая традиция авторитарной власти.

По принципу преемственности продолжают работать и элементы устаревшей административной традиции управления развитием общества. Подобного рода тенденции объясняют спецификой русской ментальности, важнейшей характеристикой которой называют взаимное отчуждение власти от общества. По мнению Т.П. Лебедевой, «на протяжении многих веков российское общество оставалось весьма пассивным и не пыталось найти рациональные механизмы воздействия на власть, а та, в свою очередь, была мало способна реагировать на потребности общества»¹.

Ряд исследователей (Л. Грибов, В.А. Динес, О.В. Иванова, И.К. Пантин, Я.Я. Ровнер, Д.Г. Сельцер, А.С. Федотов) указывают на патерналистский характер взаимоотношений между гражданами и властью: «Государство предстает в роли отца, хозяина, а гражданин – в качестве подопечного, просителя»². В рамках такой традиции общество оказывается не только отделенным от власти, но и лишенным механизмов ее формирования и контроля.

Обратимся к методике исследования политических субкультур в России, предложенной О.Г. Зевинной и Б.И. Макаренко³. Авторы считают, что каждой субкультуре соответствует электоральная группа сторонников определенных партий: 1) либералы (Яблоко, Правое дело, Гражданская сила); 2) патриоты (ЛДПР); 3) патерналисты (Справедливая Россия, Патриоты России, Партия социальной справедливости); 4) лоялисты (Единая Россия); 5) советские традиционалисты (КПРФ, Аграрная партия).

Так, патерналисты, поддерживающие многие государственные начинания, не чувствуют причастности государственной политики к своему образу жизни. В меньшей степени государственность присуща либералам, для них современное государство неприемлемо в силу недемократичности. Остальные субкультуры признают не только ценности государства, но и его благотворительный характер.

Следствием патерналистской традиции государственного и социального устройства становятся «огосударствление политического пространства»⁴, слабость гражданского общества и политическая апатия народных масс в России. В качестве главного источника про-

грессивного движения страны выступает административный ресурс, превосходящий во много раз по объему полномочий политические структуры и институты гражданского общества. В связи с этим в российском обществе утвердилась культура недоверия. Общество в России крайне индивидуализировано, разрозненно, слабым оказывается проявление доверия к политической системе, в том числе и к парламенту.

Доверие как основа горизонтальных и вертикальных отношений в обществе играет важную роль в создании групповой идентичности, особенно в гражданских ассоциациях (общественных движениях, партиях, клубов интересов, благотворительных организациях). Доверие к политическим институтам, формирующее толерантность, — основа легитимации власти.

Дефицит доверия часто восполняется жесткими вертикалями и жестким планированием. Эти условия усиливают пассивность граждан. Высокие коэффициенты доверия президенту (на уровне 60 — 70%), церкви (на уровне 40 — 50%), армии (30 — 40%) являются коррелятами системы, в которой от человека практически ничего не зависит.

Мы согласны с экспертами в том, что «парадоксальная вера в Президента (при тотальном недоверии к патронируемому им государственному аппарату) воспринимается как последний предел надежды и имеет в своей основе нечто иррациональное. Отсюда столь чтимая обществом система «ручного управления», которая иллюзорно компенсирует низкую эффективность всей политической системы, в первую очередь государственного управления»⁵.

Важнейшей из причин неразвитости отечественного парламентаризма исследователи называют самодержавную политическую культуру, ключевой характеристикой которой оказывается ее «властечетричность»⁶. Из властечетричности российской политической культуры, в свою очередь, вытекают две тенденции: персонафикация власти и процесс консолидации режима по направлению к авторитаризму.

Авторитаризм — это та разновидность режима, который, по мнению Ю.А. Красина, В.Б. Кувалдина, Е.Б. Шестопал, присущ на сегодняшний день нашему государству. Для него характерна концентрация властных полномочий в едином правящем центре и относительная свобода деятельности граждан, не оспаривающих монополию власти на принятие политических решений. Представленная модель является закономерным следствием синтеза отечественных традиций, исторического опыта и политической обстановки. Ее привлекательность для российской политической действительности заключается в том, что, во-первых, «практическая реализация этой модели есть во многом отражение запроса, который существует в обществе»⁷, во-вторых, «она способствует консолидации политической элиты и

создает условия для возрождения государственности, столь необходимой для развития России»⁸.

Демократические же ценности усваиваются российским обществом настолько, насколько они соответствуют отечественной политической культуре. Происходит отбор элементов демократии, предлагаемых государством обществу. Ценности демократии и права человека воспринимаются как ценности второго порядка. С одной стороны, признается их важность. С другой, они не актуализированы настолько, чтобы борьба за их утверждение с помощью представительных органов власти стала приоритетной в обществе.

По справедливому замечанию А.В. Андреевской, «в России сложилась своеобразная модель связи интереса к политике и базовой политической поддержки системы»⁹. Автор выделяет следующие характеристики модели:

- позитивно оценивают работу демократической системы в России те, кто меньше интересуется политикой;
- наиболее критическое отношение — у тех, кто политикой очень интересуется.

Власть в представлениях российского населения самодостаточна, независима от общества. Население является ее ресурсом, собственностью, «власть мыслится как исполнительная власть, то есть бюрократическая машина. Ни законодательные органы, ни суд, ни средства массовой информации не обладают сколько-нибудь самостоятельным значением и авторитетом в глазах россиян»¹⁰.

В целом российскую власть можно охарактеризовать как предельно централизованную, недифференцированную, персонафицированную в образе вождя, опирающуюся в первую очередь на неконституционные органы и механизмы господства (Администрацию Президента) и спецслужбы, выведенные из-под контроля закона, суда и парламента.

В итоге традиция авторитарной власти, отличающаяся высокой степенью устойчивости, находит наиболее последовательное воплощение в современной форме правления российского государства. Более того, эта традиция заполняет собой пространство между государством и гражданским обществом. За счет того, что парламент играет лишь формальную роль в качестве полноценного противовеса власти Президента РФ, исполнительная власть становится во многом независимой и от представительных институтов, и от граждан.

Интересным представляется мнение экспертов о том, что «отношение россиян к демократии вообще и к ее западной модели, в частности, остается крайне амбивалентным»¹¹. В чем это выражается? Прежде всего, в том, что у многих россиян сформировалось негативное отношение к демократии. Причиной подобного рода отношения послужило влияние следующих факторов: «Отсутствие или слабость

демократических традиций в нашей политической культуре, многочисленные тяготы переходного периода и негативная роль элиты, которая своими действиями дискредитировала в глазах рядовых граждан многие институты и принципы демократии»¹².

Однако согласно результатам исследований последних лет, проводимых социологическими центрами, ситуация с демократией в России, ее восприятием населением страны является не столь однозначной. Для прояснения этого вопроса обратимся к анализу данных исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» в сентябре 2010 г.¹³. Назовем особенности национального восприятия демократических ценностей, которые выделяют ученые.

Во-первых, значительное число россиян остаются приверженцами демократических ценностей и институтов, запрос на которые сформировался еще в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. В то же время под влиянием социальной и политической практики представления россиян о важности составляющих демократии претерпели изменения. В частности, актуальными остаются демократические свободы: гласность, свобода слова, мнений, свобода выбора, действий, равноправие, равенство, соблюдение прав человека. Снижается значимость правовой основы демократического государства, системы выборов, независимого судопроизводства.

Во-вторых, велик процент опрошенных, не признающих важности партийной системы, что связывается с второстепенной ролью партий в политической жизни страны, их неспособностью влиять на принятие важных политических решений.

В-третьих, отмечается низкий уровень эффективности демократической модели, сложившейся в России, прежде всего, ее институциональной составляющей, призванной защищать и выражать интересы граждан. Речь идет о политических партиях, судебной системе, профсоюзах, Государственной Думе и Совете Федерации, прессе и социальных службах. Наибольшей степенью доверия пользуются структуры исполнительной власти Российской Федерации. По мнению экспертов, низкий уровень поддержки институтов гражданского общества обусловлен недовольством россиян их деятельностью.

Наконец, результаты исследования свидетельствуют о том, что позитивное отношение россиян к ценностям демократии сочетается со скепсисом по отношению к ее инструментальной составляющей. Подобные тенденции приводят к тому, что демократические ценности не преобразуются в социальные поведенческие установки.

В целом исследователи (А.Ю. Зудин, Г.Л. Кертман, И.В. Конода, С.Н. Соломатова) указывают на то, что для многих россиян западная модель демократии по-прежнему служит эталоном общественного развития, в качестве важнейших составляющих которого выступа-

ют такие ценности, как права человека и социально-экономические права.

Между тем, ориентация на демократизацию сочетается с консервативным характером массовых предпочтений в отношении модели власти. Российская политическая культура апеллирует к механизму «традиционалистской реинтерпретации институциональных инноваций»¹⁴, заключающемуся в том, что культура «одомашнивает, вписывает импортированные институты в традиционный ценностно-нормативный контекст и вырабатывает спектр мотиваций политического поведения, органичный для среднего россиянина»¹⁵.

Следующей немаловажной проблемой в контексте российского парламентаризма является невысокий уровень профессиональной и политической культуры парламентариев, почти полное отсутствие культуры поиска политического компромисса и согласия.

На наш взгляд, эта проблема глубоко проработана Л. Грибовым. Автор обращается к образу «настоящего политика-парламентария». Такой политик способен, «исходя из интересов своего народа и государства, ставя их выше собственных, найти правильную линию действия на много лет вперед»¹⁶. Он обладает волей провести в жизнь эту линию даже ценой личных потерь. Здесь небезынтересен тот факт, что исходя из приложения вышеуказанных характеристик к российским парламентариям, Л. Грибов делает вывод о том, что в России настоящих парламентских деятелей практически не существует.

Однако имеется и противоположная точка зрения (О.В. Гаман-Голутвиной, Т.В. Семыкиной) на проблему профессионализации современных парламентариев. В частности, О.В. Гаман-Голутвина рассматривает парламентариев в качестве важнейшего канала, через который общество реализует себя на государственном уровне. Кроме того, она предлагает три критерия для оценки профессионализации парламентского представительства — технологический, институциональный и метафизический.

Наиболее успешно реализовал себя технологический критерий, поскольку депутаты, по мнению О.В. Гаман-Голутвиной, «научились сосуществовать и взаимодействовать с исполнительной властью, СМИ, институтами гражданского общества»¹⁷. В то же время динамика профессионализации парламента в институциональном аспекте отличается нестабильностью. Законодательный орган более не является каналом делегирования парламентариев в состав исполнительной власти. Наименьшее же развитие получило метафизическое измерение профессионализации парламентских деятелей, так как «партикулярные, корпоративные и личные интересы депутатов еще нередко берут верх над общегосударственными»¹⁸.

В итоге анализ профессионализации российских парламентариев свидетельствует о противоречивом характере этого процесса. Тем не

менее, его позитивные составляющие превосходят негативные. Следует также отметить, что профессиональная культура парламентариев обычно формируется медленно, в течение многих десятилетий, а то и столетий, как это происходило, например, в парламенте Великобритании.

В современной России не смогла сформироваться полноценная демократическая политическая культура населения и, в частности, культура участия в выборных кампаниях. Результаты опросов, проведенных рабочей группой Аналитического Центра Юрия Левады в 2011 г., показывают: «51% опрошенных имеют “довольно смутное представление” о том, чем занимались депутаты Государственной Думы в течение минувших четырех лет, а 39% не имеют вообще никакого представления. До 60% россиян в целом отрицательно оценивают работу депутатов. 70% (август 2011 г.) считают, что депутаты не выполняют своих предвыборных обещаний»¹⁹. В чем же причина подобного рода тенденций?

Во-первых, они объясняются сужением публичного пространства политики, усилением закрытости и ростом авторитарных направлений в политике. Во-вторых, спад политической активности предопределен обстоятельствами, связанными не только с властью, но и с эволюцией общества. На сегодняшний день большинство россиян действуют в соответствии с концепцией рационального выбора. В-третьих, в последние годы россияне сосредоточились на адаптации к новым условиям и обстоятельствам жизни, следствием чего стал низкий уровень политической и общественной активности.

Однако исследователи отмечают, что говорить об абсолютном безразличии россиян к политике и их полному погружению в частную жизнь неправомерно: «Политическая культура России характеризуется умеренным интересом населения к политике, который в последнее десятилетие хотя и медленно, но растет»²⁰. Среди особенностей политического поведения россиян можно выделить следующие. Во-первых, политический интерес у россиян отличается пассивностью и не приводит к устойчивому и систематическому участию в политике и управлении (кроме голосования). Во-вторых, в политическом процессе участвуют те, кто оценивает работу политической системы низко, т.е. имеет протестную мотивацию участия. В-третьих, на избирательные участки приходят активнее избиратели, мало интересующиеся политикой и в целом довольные существующей политической системой.

Кроме того, в структуре парламентаризма немаловажным представляется верховенство правовых принципов. Исследователи (А.Н. Медушевский, М.Ю. Мизулин, Ю.С. Пивоваров) отмечают, что на сегодняшний день политический процесс в России можно охарактеризовать как восстановление власти в качестве моноинститута,

с одной стороны, и как отступление на второй план политического плюрализма, выражаемого через «конкуренцию политических образцов, толерантности и нормативной процессуальности»²¹, с другой. Российский парламент исключается из процесса принятия политических решений, единственным его актором становится институт президентства.

В целом в России исполнению законов препятствуют следующие тенденции: во-первых, использование законов в политических целях, для наказания политических противников. Во-вторых, наличие неподотчетной обществу силовой элиты, действующей вне публичного пространства и оказывающей все большее влияние на работу государственного аппарата. В-третьих, развитие политического фаворитизма и вмешательства в судебные решения. В-четвертых, существование в обществе единого властечетричного понимания природы и механизмов функционирования власти. Наконец, «ограничение свободы СМИ, снижение уровня терпимости властей к политической оппозиции, подрыв избирательных механизмов — все это мешает российскому обществу привлечь должное внимание к несоблюдению правовых норм и злоупотреблению ими и противостоять подобного рода явлениям»²².

Основные проблемы, с которыми сталкивается политико-правовая культура России, заключаются в слабости гражданского общества и его основных институтов, слабости отечественной демократии, невысоком уровне правового мышления общества, слабости судебной системы. По справедливому замечанию М.Б. Смоленского, «выбирая между стабилизацией общественных отношений в стране любыми средствами и незаблещенностью принципов права, 59% опрошенных отдают предпочтение первому и только 14,5% — второму»²³. Здесь, на наш взгляд, уместно и суждение английского политолога Ричарда Саквы о специфике российской правовой культуры: «Политические акторы не столько следуют структурам и правилам, обеспечивающим рамки порядка, сколько приспосабливают структуры и правила для своих собственных целей и в то же время создают новые, которые поддерживают режим, одновременно обходя формальный конституционный порядок»²⁴. Согласно общемировой практике парламентаризма, формирование права происходит лишь в процессе политической коммуникации, наиболее ярко представленной различными парламентскими процедурами. Поэтому важнейшим условием становления нормативности, правового порядка в стране является развитие парламентаризма. Только развитый парламентаризм сможет обеспечить качественное состояние права в России.

В попытках создать демократию в Российской Федерации государственные деятели сконцентрировали свои усилия лишь на формальной стороне демократических институтов и соответствующих

документов. Кроме того, для вовлечения широких слоев населения в политическую жизнь страны они сосредоточили большое количество властного ресурса на формировании политических партий, в то время как «для развития стабильного и эффективного демократического строя требуется нечто большее, чем определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от ориентаций, имеющих у людей в отношении политического процесса, то есть от политической культуры. Если она не способна поддержать демократическую систему, шансы на успех последней весьма слабы»²⁵. И отметим, что низкий уровень электоральной политико-правовой культуры и лишь частичная реализация демократических институтов и принципов в стране вызвана нежеланием властей реального участия гражданского общества в политической жизни страны на сегодняшний день.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. 2004. № 2. С. 81.
- ² Динес В.А. Российская государственность в контексте исторических традиций // Власть. 2008. № 2. С. 6.
- ³ См.: Зевина О.Г., Макаренко Б.И. Об особенностях политической культуры современной России // Полис. 2010. № 4. С. 117.
- ⁴ Соловьев А.И. Электоральный дефолт и деинституционализация политического рынка // Полис. № 1. С. 12.
- ⁵ Инновационная модернизация России. Политологические очерки / под редакцией Ю.А. Красина. – М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 169 – 170.
- ⁶ Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2006. № 1. С. 16.
- ⁷ Шестопап Е.Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины // Полис. 2004. № 1. С. 26.
- ⁸ Красин Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. 2006. № 4. С. 134.
- ⁹ Андреевкова А.В. Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4 (98). С. 20 – 21.
- ¹⁰ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. – М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 21 – 22.
- ¹¹ Руденкин В.Н. Гражданское общество в России: история и современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2002. С. 139.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: О демократии в России / Доминанты. 2010. 16. 09. № 36. Фонд «Общественное Мнение». С. 28 – 29.
- ¹⁴ Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис: Политические исследования. 2007. № 1. С. 120.
- ¹⁵ Там же. С. 120.
- ¹⁶ Грибов Л. Особенности национального парламентаризма // Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 77.

- ¹⁷ Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе (I) // Полис. 2006. № 2. С. 32.
- ¹⁸ Там же. С. 32.
- ¹⁹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Плотко М.А. Российские парламентские выборы при авторитарном режиме. – URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada-elections2011_0.pdf
- ²⁰ Андреевкова А.В. Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4 (98). С. 21.
- ²¹ Мизулин М.Ю. Становление российского парламентаризма и новая парадигма права // Власть. 2006. № 3. С. 32.
- ²² Карозерс Т. Ошибка теории «поэтапной демократизации» // Pro et Contra. 2007. Январь-февраль. С. 90 – 91.
- ²³ Смоленский М.Б. Правовая культура и идеи государственности // Государство и право. 2009. № 4. С. 20 – 21.
- ²⁴ Саква Р. Дуалистическое государство в России: параконституционализм и парapolитика // Полис: Политические исследования. 2010. № 1. С. 11 – 12.
- ²⁵ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. – URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81534>

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения практики реализации российского парламентаризма и развития демократических политических ценностей. Особое внимание уделено выявлению особенностей взаимодействия государства и общества в России, вопросам оценки и доверия со стороны россиян демократическим и парламентским ценностям, разнообразию форм участия / неучастия людей в политике, специфике отечественной политико-правовой культуры. Предпринята попытка объяснить невысокий уровень демократичности российской политической культуры, неудовлетворительное развитие парламентаризма в России.

Ключевые слова: парламентаризм, демократическая политическая культура, доверие, идентичность, демократические ценности, электоральная политико-правовая культура, власть, общество.

Summary

The article deals with the relation of practice implementation of the Russian parliamentary and democratic political values. Special attention is paid to identifying features of the interaction of the state and society in Russia, evaluation and trust from the Russians to the parliamentary democratic values, diversity of participation / non-participation of people in politics, the specifics of domestic political and legal culture. An attempt to explain the low level of democracy of the Russian political culture, the slow development of parliamentarism in Russia.

Keywords: parliamentary system, democratic political culture, trust, identity, democratic values, electoral political and legal culture, power and society.

ЛОЯЛЬНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ В ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (к постановке проблемы)

С.А. ШАПИРО

За последние годы (1991 – 2012) исследователями предложен широкий спектр критериев типологии политической культуры современной России. Классическая типология (Г. Алмонд, С. Верба), применяемая разными исследователями, далеко не безупречна и исчерпывающа¹. Поиски критериев для построения типологии политической культуры с необходимостью связаны с учетом особенностей социально-экономического развития России. Вспомним, что в 90-е гг. XX в. применялся, например, марксистский подход, который позволил исследовать общественное сознание, политическое поведение и институты², к тому же демонстрировался классовый подход в типологии политической культуры³. Разработка же типологических критериев политической культуры⁴ позволила не только их систематизировать, но и описать в социально-философском ключе.

В начале 2000-х гг. в характеристике политической культуры появился термин «транзитарный тип», который рассматривался как «переходный от одного состояния к другому»⁵. Это позволило использовать такие критерии, как многослойность, гетерогенность, антиномичность⁶. Позже концепты типологии политической культуры стали более разнообразными: от формирования «ядра национальной политической культуры»⁷ до политических субкультур⁸. Была выдвинута гипотеза, что выделение типов политической культуры малопродуктивно и лучше говорить о ее образцах или феноменах⁹. Рядом авторов типы (модели) политической культуры, описанные Г. Алмондом и С. Вербой, предлагается рассматривать как идеальные типы общества¹⁰ и рекомендуется в условиях глобализации (Россия – держава «третьего мира») забыть о национальной культуре¹¹. В работах А. Ахиезера диалогизация выступает как основа политической культуры России¹².

Некоторые авторы предлагают понятие «корпоративная политическая культура» как выражение политической ориентации «на деятельность государства и других политических институтов»¹³. Устанавливается, что «чем выше уровень политической культуры, тем заметнее динамичный, а не конфликтотенный стиль политического мышления и менее выражен примитивизм политического самосознания»¹⁴.

Итак, российские исследователи представили разнообразные типологии политической культуры современной России, однако не учитывается «проявление в агрегированной форме психологических и субъективных измерений политики»¹⁵.

В этой связи важно отметить, что в любой типологии политической культуры, явно или неявно фигурирует в качестве одного из факторов (критериев) «лояльность» – важнейший фактор стабилизации политической системы¹⁶.

В гражданской культуре «нормы межличностных отношений, общего доверия и доверительного отношения к своему социальному окружению пронизывают политические установки и смягчают их»¹⁷. Ряд исследователей рассматривают феномен лояльности как составную часть экономической культуры и экономической эффективности регионов¹⁸.

Интерпретация термина «лояльность» в отечественной литературе, как правило, связана с психологическим и социологическим подходом¹⁹. Утверждается, что зарубежная теория «поведенческой поддержки» требует доработки (например, об абсолютной лояльности гражданина системе как норме и др.)²⁰. Правовые условия возникновения лояльности изучаются для характеристики гражданства и конституционной лояльности²¹.

В исследованиях М.В. Лазарева отождествляются политическая и гражданская лояльность. Кроме того, он полагает, что «лояльность как личностная характеристика индивида предполагает его толерантность...и законопослушность», а в дальнейшем «активное участие индивидов в выработке групповых норм, сознательном усвоении социальных ценностей... соотнесение собственного поведения с интересами коллектива, общества»²².

Публичная оценка феномена лояльности многообразна. Это – и «подписываться под тем, что нам нужен именно лоялизм, значит подписываться под идиотизмом»²³, и «лоялизм – это не чиновническое и не политическое, а вполне гражданское явление»²⁴. По мнению А. Пушкина, «говоря о лояльности, следует разделить лояльное отношение общества к власти, означающее поддержку власти обществом, и лояльность внутри самой системы власти, то есть внутри кругов, руководящих страной»²⁵.

Итак, в российской политической системе представлена демонстративная и скрытая лояльность. Данная типология требует не только анализа политических позиций и деятельности, но и установления валидности²⁶. Например, проследить динамику лояльности граждан через количественный и качественный анализ общественного мнения. Некоторые социологи рассматривают лояльность как явление-антагонист для власти и принуждения, но именно в политической системе можно описать институциональные и ориентационные механизмы лояльности, так как оно употреблялось для изучения политических режимов. Так, по мнению А.П. Цыганкова, «политические оппозиции разделяют в зависимости от степени их терпимости по отношению к действиям правительства. На этой основе выделяют ло-

ьяльную, полулояльную (умеренную) и нелояльную (непримиримую) оппозиции»²⁷. В современной политической ситуации понятие «лояльность» часто использовалось для характеристики избирателей: «При лояльном отношении действия власти поддерживаются постфактум, при избыточной политизации — до совершения властью конкретных действий»²⁸. В политической психологии лояльность рассматривается как конкретное проявление политического поведения²⁹.

Многомерность понятия «лояльность» удачно коннотируется с понятиями «доверие»³⁰, «общественное мнение», «политическая позиция», «распределительная коалиция» (политическая лояльность)³¹. Ведь существуют как позитивные, так и негативные оценочные коннотации термина «лояльность». Например, в первом случае, «с культурологической точки зрения политическое доверие есть продолжение, своего рода проекция межличностного доверия» как «составляющая социального капитала»³², приверженность, поддержка, объективность, симпатия. Во втором — пофигизм, потребительство. Трактовка понятия И. Левонтиной дополняет — «лояльный стало употребляться в значении терпимый, или, что то же самое, толерантный». Рассуждая о значении этого термина, автор отмечает: «Русский язык очень эмоционален. Описывая поступки человека, он обращает внимание, прежде всего на то, каковы были его намерения. Если мы говорим о человеке, который последовательно соблюдает чьи-то интересы, то склонны будем употребить такие слова, как преданность, верность, самоотверженность. Слово лояльность в его европейском смысле плохо приживается на русской почве, ведь оно описывает просто поведение, ничего не говоря о мотивах. Поэтому если уж мы говорим, что кто-то ведет себя лояльно, то склонны будем заподозрить этого человека либо в неискренности, либо в равнодушии и рабской покорности»³².

Данные выводы подтверждаются исследованием³³, в ходе которого было установлено, что для характеристики «политической лояльности» студенты используют в 2,25 раза больше позитивных образов (при общем количестве 572 положительных и 258 отрицательных). Все ответы носят оценочный и эмоциональный характер, которые можно представить по четырем основаниям: политическая, социально-экономическая, аксиологическая терминология и личностные единичные оценки.

Практически все участники (99%) использовали политические образы, которые у 38% являются положительными. Например, патриотизм (22 — 10,4%), качественная характеристика власти (8 — 3,8%), постоянство выбора (8 — 3,8%). Некоторые исследователи указывают, что «этактистский характер политической культуры России приводит к тому, что в сознании граждан происходит смешение понятий патриотизма и лояльности (трактуемой как «верноподданническая

любовь к власти». — С. III.) к режиму»³⁴, не учитывая при этом характер изменений в политической системе.

В ответах используются фамилии популярных политических и общественных деятелей России [Валуев (1 — 0,5%), Гудков (1 — 0,5%), Жириновский (3 — 1,4%), Лужков (1 — 0,5%), Малиновская (1 — 0,5%), Медведев (3 — 1,4%), Путин (4 — 1,9%)]. Отрицательные коннотации связаны с деятельностью властей (коррупция (5 — 2,4%); негативное политическое поведение (5 — 2,4%); взятки (4 — 1,9%). Социально-экономический аспект оказался немногочисленным. В ответах (8 — 3,8%), в частности, присутствуют нейтральные оценки. Позитивная оценка связана с социальным государством (бесплатная медицина — 4 — 1,9%; общение, общительность, общество — 4 — 1,9%; социальная помощь — 3 — 1,4%). Отрицательные — в структуре и характере деятельности (воровство, откат — 4 — 1,9%; формализация — 3 — 1,4%; фанатизм — 3 — 1,4%).

В аксиологическом аспекте отразилось многообразие идеалов и принципов. Это самый многочисленный (319) и насыщенный с содержательной точки зрения аспект. В положительных характеристиках лидируют доверие (55 — 26%) и преданность (50 — 23,7%), далее — добро (21 — 10%); вера, верность (20 — 9,5%); благо (17 — 8%); поддержка, помощь (15 — 7,1%); снисхождение (11 — 5,2%). По мнению Ю.Д. Шевченко, доверие определяет лояльность к действующим политическим институтам³⁵.

Негативное проявление политической лояльности респонденты связывают с недоверием (12 — 5,7%), равнодушием (9 — 4,3%), лизоблюдством (8 — 3,8%) и равнодушием (6 — 2,8%).

Особое место отводится личной оценке, в которой были представлены не только слова и словосочетания, но и сложные предложения и эссе. Так, в частности, оценивается политика в России: «Политикам нельзя доверять. Я считаю, что люди идут в политику не для улучшения, допустим, экономики, а для приобретения власти, повышения своего статуса»; «в нашем правительстве одни “буржуи”, все кроют деньги, пытаются набить свой карман, тянут всё с госбюджета, наживаются на простых людях, даже не хочу об этом говорить»; «неспособность сподвигнуть общество на критическое мышление и на направление своего мнения, для хотя бы какого-нибудь воздействия на политическую деятельность»; «лояльный политик — это человек, учитывающий пожелания и просьбы общества, но при этом учитывающий не мнение каждого, а запросы социума целиком, так как каждому не угодишь»³⁶.

Итак, под коннотацией респонденты рассматривали не только «узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного данным словом, не входящую непосредственно в лексическое значение слова»³⁷, но и подтвердили вывод

В.Н. Телия, что это «узואальное воплощение культурной интерпретации в значении языковой сущности»³⁸.

Следовательно, проявилась «культурная коннотация»³⁹, которая связана не только с избирательным процессом (3,8%), но и с нравственной позицией респондентов при оценке деятельности власти (как настоящей, так и будущей). Суждения о политической лояльности представлены как оценка эффективности политической и социально-экономической деятельности власти в России.

Таким образом, феномен лояльности требует детального изучения в качестве критерия политической культуры России. Представляется возможным показать уровни его функционирования в культуре, продемонстрировать соответствие типу политической культуры (как в классической теории, так и в отечественной).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура. Методологический очерк. – М., 1996. С. 7.

² См.: *Назаров М.М.* Политическая культура российского общества 1991 – 1995 гг.: опыт социологического исследования. – М., 1998. С. 7.

³ См., например: *Васильев В.П., Щегорцев В.А., Яковлев А.И.* Политическая культура трудящихся: понятие, содержание, структура и функции. – М., 1981; *Лисенков Н.М.* Политическая культура советского человека. – М.: Московский рабочий, 1983.

⁴ См.: *Гомеров И.Н.* Политическая культура как моделирующая система. – Новосибирск, 1995.

⁵ *Пеньков В.Ф.* Политический процесс и политическая культура. К вопросу о методологии и практике политологического исследования в современной России. – М.: NOTA BENE; Тамбов, 2000. С. 144.

⁶ См.: *Сирота Н.М.* Специфика российской политической культуры // Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции, перспективы. Сб. науч. статей. – СПб.: АОС, 2001. С. 166.

⁷ *Орлов И.Б.* Проблема формирования единой российской политической культуры и становление отечественного гражданского общества // Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции, перспективы. Сб. науч. статей. С. 7.

⁸ См., например: *Перов А.В.* Политическая культура российского общества: сущностные основания, динамика и взаимодействие субкультур: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002; *Мирошниченко И.В.* Политическая культура социально-профессиональных групп: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2004; *Колоцкий Б.Б.* Идеино-политические ориентации как фактор политического поведения современного московского студенчества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007.

⁹ См.: *Шатилов А.* Постсоветские подходы к изучению политической культуры // Pro et contra. 2002. № 3. С. 187.

¹⁰ См., например: *Яницкий О.* Забытая страница новейшей политической истории // Pro et contra. 2003. № 2. С. 118.

¹¹ См. там же. С. 128.

¹² *Ахиезер А.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное-исследование) // Pro et contra. 2002. № 3. С. 74 – 75.

¹³ *Яковлева Р.П.* Корпоративная политическая культура: политико-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2009. С. 19.

¹⁴ *Мельченко А.С.* Политическая культура как фактор обеспечения национальных интересов России в условиях глобализации [Текст] : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2009. С.15.

¹⁵ Цит. по: *Баталов Э.* Политическая культура России через призму civic culture // Pro et contra. 2002. № 3. С. 9.

¹⁶ См.: *Алмонд Г.* Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Политология: хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. С. 573.

¹⁷ Цит. по: *Баталов Э.* Политическая культура России через призму civic culture. С. 14.

¹⁸ Например: *Дейнека О.С.* Лояльность как компонент политической культуры // Личность и культура. 2004 № 2; *Стародубцев А.* Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России. Препринт М-02/09. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

¹⁹ См., например: *Андрющенко О.В.* Организационная лояльность: к определению понятийных границ // Личность, культура, общество. – М., 2010. – Т. 12., Вып. 3. – С. 267 – 273.

²⁰ См.: *Шестопал Е.Б.* Политическая психология: Учебник для вузов. – М.: ИНФРА-М, 2002.

²¹ См.: *Белов А.В.* Двойное гражданство и проблема лояльности // Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 157 – 161.

²² Например: *Лазарев М.В.* Политическая лояльность как фактор стабильности государства: дис. ... докт. полит. наук. – М., 2004. С. 34, 35.

²³ *Шаргунов С.* Россия и мировой кризис государств: Комариное сообщество. – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Komarinoe-soobschestvo>

²⁴ *Шмидт С.* Россия и мировой кризис государств: Лоялизм победит. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Loyalizm-pobedit>

²⁵ *Пушков А.* Действия реальнее программ. Россия и мировой кризис государств. – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Dejstviya-real-nee-programm>

²⁶ См., например: *Баранская С.С.* Методика измерения лояльности // Психологические исследования. 2011. № 1 (15). – URL: <http://psystudy.ru>

²⁷ См., например: *Цыганков А.П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие). – М., 1995. С. 67.

²⁸ *Пантелеев А.Ф.* Электоральная интеграция: учеб. пособ. – Саратов: Изд.-во СГУ, 2004. С. 24.

²⁹ См.: *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. – М.: РОССПЭН, 2000.

³⁰ См., например: *Шукурова М.Г.* Доверие как социально-психологический феномен в политике: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005.

³¹ Обретение будущего. Стратегия 2012. ИНСОР. – М., 2011. С. 34.

³² Лукин В.Н. Культурологическая и институциональная традиции в исследовании гражданского общества. – URL: <http://credonew.ru/content/view/514/57>

³³ См.: Левонтина И. Шум словаря // Знамя. 2006. № 8. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/le12>

³⁴ В опросе, который был проведен в первой половине сентября 2012 г., участвовало 211 студентов 1 – 3 курсов гидротехнического и электромеханического факультетов ФБОУ ВПО «Новосибирская государственная академия водного транспорта».

³⁵ Мосин В.И. Политическая культура и субкультура в современной России. Политическая культура и модернизация России на современном этапе // Известия Тульского гос. ун-та. – Тула, 1996. С. 132.

³⁶ См.: Шевченко Ю.Д. Власть и политическая культура: воздействие политических институтов на советские и постсоветские культурные ценности // Образы власти в политической культуре России / под ред. Е.Б. Шестопаля. – М., 2000. С. 21.

³⁷ Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова // Апресян Ю.Д. Избр. труды. – М., 1995. Т. 2. С. 158.

³⁸ Телия В.Н. Нормативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и языке: тезисы доклада. Ч. 1. – М., 1994. С. 15.

³⁹ Матвейченков И.М. Коннотация концепта как контейнер для национальных стереотипов // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 4. С. 48. – URL: http://www.http://vestnik-mgou.ru/vipuski/2011_4/stati/pdf/matveichenkov.pdf

Аннотация

В работе представлен анализ критериев типологии политической культуры современной России (1991 – 2012 гг.). Описаны подходы к определению понятия «лояльность». Рассмотрены характеристики политической лояльности. Через коннотационный подход исследуется понятие «политическая лояльность». Формулируются возможные перспективы использования лояльности в качестве критерия типологии политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура современной России, типология политической культуры, критерии типологии политической культуры, лояльность, политическая лояльность, коннотация.

Summary

The paper presents an analysis of typology criteria of political culture of contemporary Russia (1991 to 2012). The concepts of loyalty are presented in this article. The characteristics of political loyalty are determined. The concept of political loyalty examines through connotations approach. The possible prospects of loyalty are formulated as a criterion of the typology of political culture.

Keywords: the political culture of contemporary Russia, the typology of political culture, the criteria of the typology of political culture, loyalty, political loyalty, connotation.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т.Н. САМСОНОВА

В условиях демократических преобразований современной России вопрос формирования гражданской культуры стоит весьма остро. Строительство демократического государства требует не только создания новых и реформирования действующих политических институтов. Необходимы глубокие изменения стереотипов политического мышления и моделей политического поведения граждан.

Механизм формирования политической культуры сложен и многогранен. Он обусловлен историческими особенностями страны, состоянием и тенденциями ее социально-экономического развития, типом политической системы, доминирующей моделью политической социализации и т.д.

Формированию гражданской культуры максимально должна способствовать система гражданского образования, которое призвано содействовать распространению в массовом сознании ценностей представительной демократии, гражданских прав и свобод в рамках правового государства. В организации системы образования в России всегда была велика роль государства. «Социальная и экономическая деятельность государства должна быть направлена на раскрытие творческого потенциала свободных и ответственных людей. А это во многом проблема воспитания и образования»¹, – заявил на Втором общероссийском гражданском форуме Д.А. Медведев.

Политические ориентации, образующие политическую культуру, как отмечали создатели концепции гражданской политической культуры Г. Алмонд и С. Верба, «тесно связаны с общесоциальными и межличностными ориентациями. В рамках гражданской культуры нормы межличностных отношений, общего доверия и доверия к своему социальному окружению пронизывают политические позиции и смягчают их»².

Современная Россия представляет собой «неустойчивую демократию», которой присущи глубокая внутренняя дифференциация и невысокий уровень доверия граждан к политической власти. Отсутствие четких целей политического развития и дефицит ценностных ориентиров ведут к неготовности и неспособности части россиян интегрироваться в систему новых политических и экономических отношений.

Существующие политические и социально-экономические условия диктуют необходимость совершенствовать систему гражданского образования и воспитания. Ее основная цель – дать знания об основополагающих законах, о политических и социальных структурах

общества, способствовать формированию критического мышления и нравственных позиций гражданина, прививать навыки гражданского участия в политической жизни³. Ключевые направления гражданского образования – воспитание правосознания личности, формирование гражданской идентичности, толерантного сознания, культивирование патриотизма.

Приоритетное направление гражданского образования – формирование правосознания личности⁴. Тревожными признаками в российском обществе являются неуважительное отношение к закону, пренебрежение правами человека. Права человека и гражданина остаются на периферии массового сознания и общественных практик, а также практической деятельности власти. А между тем правовая и нравственная культура личности – это неотъемлемое условие правового государства и гражданского общества. Принятие или непринятие права как основного инструмента регулирования общественных отношений связано, прежде всего, с личными интересами человека. Если эти интересы защищены правом, то оно легко «встраивается» в систему ценностных ориентаций личности. В противном случае личность может номинально принимать нормы права, однако соблюдать их будет только по принуждению. Социологические исследования, проведенные Аналитическим центром Юрия Левады, показывают, что на протяжении последних 20 лет большинство граждан России (от 50 до 70%) считает, что жить в России, не нарушая закон, нельзя. Это обусловлено тем, что люди не чувствуют себя под защитой законов (так считали 68% в 2006 г. и 52% в 2010 г.)⁵. Как писал английский писатель и реформатор С. Смайлс, «чтобы сделать из людей хороших граждан, им следует дать возможность пользоваться своими правами граждан и исполнять обязанности граждан».

Россия переживает системный кризис. Большая социальная дифференциация общества, обнищание значительной части населения и т.д. – все это оказывает негативное влияние на разные поколения россиян. Между тем, власть не проявляет должной ответственности за происходящее в стране. Ослабление законности и правопорядка, рост преступности, произвол и коррупция чиновников в значительной степени подрывают уважение граждан к существующим политическим институтам и лидерам, порождают в обществе разочарование, апатию, а подчас и чувство безысходности. Так, согласно результатам социологического опроса, касающегося оценки россиянами эффективности борьбы с коррупцией, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады в июне 2011 г., число наших граждан, считающих, что воровства и коррупции в стране стало больше, увеличилось, по сравнению с предыдущим годом, с 43 до 52%⁶. Аналогичные данные приводятся в аналитическом докладе «Двадцать лет реформ глазами россиян»⁷.

В России всегда существовала тенденция к взаимопомощи, коллективизму, равенству. И хотя жизнь доказала, что всеобщее равенство не может создать экономически эффективную систему, нужна экономическая система, защищающая слабых. Однако анализ высказываний и особенно действий политиков и крупных бизнесменов свидетельствует о том, что значительная часть политико-экономической элиты страны не хочет ни в чем себя ограничивать ради общего блага.

В условиях кризисного, переходного состояния общества, при смене типов политической культуры большое значение имеет модель политической социализации. При стабильной политической системе подготовка подрастающего поколения, включая его политическую социализацию и воспитание гражданских качеств, обеспечивает сравнительно гармоничную передачу от поколения к поколению основных политических ценностей и ориентаций. Это позволяет новому поколению воспринимать существующую политическую власть и политическую систему в целом как легитимные. В России социально-экономические и политические трудности на какое-то время как бы отодвинули вопросы политической социализации и гражданского образования молодого поколения. Политическая социализация – это не только процесс передачи накопленного политического опыта, но и процесс осмысления и усвоения того нового, что соответствует принципам демократии. Показателями эффективности политической социализации являются уровень политической информированности и политической активности человека, степень его вовлеченности в политическую жизнь.

В процессе политической социализации, гражданского образования и воспитания все более заметную роль играют средства массовой информации, особенно Интернет. Однако роль средств массовой информации двойственна. СМИ уделяют много внимания отрицательным явлениям (неудачи лидеров, скандалы и т.д.). Это вольно или невольно формирует у подрастающего поколения негативное отношение к политике. А недостаток достоверной информации ведет к отчуждению общества от власти и не способствует формированию гражданских качеств личности.

В последние годы стала заметной постепенная утрата традиционного российского патриотического сознания. Вопросы воспитания патриотизма носят дискуссионный характер, являются предметом острого обсуждения в обществе⁸. Одни ставят вопрос: а следует ли целенаправленно заниматься воспитанием патриотизма и разрабатывать с этой целью специальные программы? Отвергая саму идею разработки такого рода программ, сторонники такой точки зрения ратуют за патриотизм не государственный, а «камерный», человеческий, конкретный и прикладной (А. Архангельский). Другие убеждены, что целенаправленное формирование патриотизма и гражданственности

важно для консолидации российского общества и противостояния деструктивным тенденциям национального сознания. «Правители должны не обвинять людей в отсутствии патриотизма, а сделать все от себя зависящее, чтобы они стали патриотами», – писал известный английский историк XIX в. Т. Маколей. Выход России из кризиса возможен лишь при сочетании развития патриотических тенденций с гражданским воспитанием населения страны, при условии содействия развитию гражданского общества и правового государства.

В вопросах воспитания особенно велика роль семьи и школы. Семья и школа – это два главных института формирования гражданина. Наукой доказано, что уже в раннем возрасте складывается разное отношение к политике – либо как к процессу борьбы за господство, в ходе которой приемлемы самые разные методы и средства и возможны уступки в вопросах морали, либо как к законопослушному поведению и легитимной деятельности. Возможно и формирование аполитичной личности. «Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать» (И. Кант).

С целью усиления гражданского образования и развития патриотических чувств в последние годы в школах, лицеях, гимназиях преподаются курсы, в которых излагаются основы права, политологии, социологии, психологии. И отчасти это вызвано тем, что вследствие отсутствия единства в подходе к историческому образованию и ослабления политического воспитания отмечается вопиющая историческая, правовая, культурная безграмотность значительной части подрастающего поколения. Слабые знания по отечественной истории, обществоведению, граждановедению, литературе могут сказаться (и сказываются) на усвоении студентами высших учебных заведений таких предметов, как «Отечественная история», «Политология», «Социология», «Политическая социология» и др. Порой даже складывается впечатление, что часть студентов, в силу своей слабой школьной подготовки, не в состоянии учиться в высшем учебном заведении.

Требуется разработка специальных программ и циклов радио- и телевещания. Необходимо привлекать к обсуждению проблем патриотического воспитания ученых, видных государственных и общественных деятелей, представителей культуры и искусства, а также ветеранов войны, военной службы и труда. Надо активно противодействовать фактам искажения и фальсификации истории Отечества. Важно создавать образы положительных героев в художественных произведениях, рассчитанных на различные возрастные группы населения. «С одной стороны, наша страна находится в более уязвимом положении по сравнению со многими странами мира, так как наработки прежней системы образования и воспитания отброшены. С другой стороны, у России есть уникальный шанс создать систему образования и воспитания, адаптированную к реалиям

XXI в. ...В образовательных учреждениях надо развивать, помимо профессиональных качеств, нравственное, эстетическое и мировоззренческое сознание учащегося; надо помочь ему стать не просто трудовой единицей в производственно-рыночных отношениях, но и полноценным членом общества, гражданином страны, сознательным носителем родной культуры и традиций⁹. «И школа, и вуз не должны устраняться от воспитания личности»¹⁰.

Разрыв между надеждами и реалиями наших дней, социальные трудности, с которыми сталкиваются в повседневной жизни миллионы россиян, сложности адаптации к новым рыночным отношениям вызывают подчас чувство безысходности (фрустрацию), приводят к цинизму и политической апатии значительной части населения страны. Наблюдается определенное размывание моральных ценностей, ослабление духовно-нравственных принципов в разных социальных слоях. Растут индивидуалистические настроения, культивирование личной автономии и свободы при отсутствии автономного контроля и невысоком уровне ответственности. (В наибольшей степени это относится к молодежи.) Новые демократические ценности должным образом не систематизированы и не передаются адекватно от политической системы к личности. Как показал социологический опрос, проведенный ВЦИОМ в марте 2011 г. в 138 населенных пунктах 46 субъектов Российской Федерации, за последние шесть лет россияне стали меньше интересоваться политикой. Доля тех, кому политика интересна, сократилась с 48 до 39%, а тех, кто политикой не интересуется, выросла с 50% до 59%¹¹.

Создатели концепции гражданской культуры Г. Алмонд и С. Верба рассматривали ее как тип смешанной политической культуры, в которой политические ориентации участия сочетаются с патриархальными и подданническими. В результате формируется сбалансированная политическая культура, в которой «политическая активность, вовлеченность и рациональность существуют, но при этом уравновешиваются покорностью, соблюдением традиций и приверженностью общинным ценностям»¹². Многим российским гражданам, несмотря на радикальные изменения в экономической и политической системе, по-прежнему свойственны подданнические настроения, а также приверженность к политической культуре «наблюдателей» (это понятие было введено в научный оборот в 1990-е гг. голландскими исследователями Ф. Хьюнсом и Ф. Хикспурсом). Гражданская культура не исключает подданнические тенденции, однако их превалирование снижает ее гражданский потенциал. Это и наблюдается в современной России, где пока недостаточно развит средний класс, который является основным субъектом гражданского общества.

Человеку-гражданину присуще определенное уmonoстроение, которое проявляется в способности к свободной (никем и ничем не

навязанной), но в то же время ответственной организации повседневной жизни; гражданственность – это «сознательное и активное выполнение человеком своих гражданских обязанностей и гражданского долга, разумное использование своих гражданских прав и свобод»¹³. Политическое участие и гражданская активность связаны с реализацией гражданских прав и свобод и соответствующих компетенций (знаний, навыков, способностей). В результате обеспечивается воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также гражданской идентичности. «Традиционный гражданин и его поведение (гражданственность), – отмечает Л. Любимов, – формируются в контексте обеспечения политической системой таких принципов, как свобода личности, свобода слова, право на справедливый суд, право собственности и его эффективная защита». Однако из этих принципов, по его утверждению, «лишь свобода личности обеспечивается российской политической системой»¹⁴.

Как показывают социологические исследования, россияне в целом признают необходимость вовлечения граждан в решение текущих государственных задач (по официальным данным в России насчитывается свыше 360 тыс. некоммерческих организаций (НКО), из них реально действующих – 136 тыс., т.е. около 38%¹⁵), но в то же время большинство высказывает мнение о малой пользе политического и общественного участия¹⁶. Так, согласно общероссийскому опросу, 54% респондентов признаются, что не разбираются «в хитросплетениях российской политики и не представляют, что нужно сделать для того, чтобы голос отдельного человека, прежде всего их собственный голос, мог быть услышан при принятии важных государственных решений»¹⁷.

Реальный статус гражданина определяется соотношением прав и свобод человека, с одной стороны, и гарантиями их реализацией, правовыми санкциями власти, с другой. Причем сущность гражданина при каждом виде государственного устройства подвержена изменениям. Сохраняя определенную преемственность, господствующая в обществе культура может существенно отличаться от той, что существовала одно-два поколения назад. Доминирующие ценностные ориентации и установки со временем меняются. Как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, такой процесс характерен для посткоммунистических стран, переживающих состояние транзита¹⁸. Социологические наблюдения за тенденциями в сфере массовых установок показывают, что период первичной адаптации россиян к новым условиям, когда речь шла о выживании, видимо, завершается, и в российском обществе постепенно складывается «энергетический» потенциал гражданственности и соучастия¹⁹.

В свете рассмотренной нами проблематики считаем целесообразным привести выводы, сделанные на основе масштабного социологи-

ческого исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многомерных социологических замеров)» В.В. Петуховым – одним из руководителей проекта: «Сегодня общество подошло к рубежу, когда люди либо окончательно согласятся с существующим порядком вещей, либо начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. В целом, оставаясь не включенными в “большую” политику, не доверяя большинству государственных и общественных институтов, россияне, тем не менее... демонстрируют интерес и реальную готовность к коллективным действиям и самоорганизации. Начинает “просыпаться” молодежь и средние слои населения... Можно с определенной долей уверенности констатировать, что эти группы и слои населения не только включатся в общественную и политическую жизнь, но и востребуют для реализации своих интересов демократические институты и процедуры»²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Январские тезисы Дмитрия Медведева // Российская газета. 2008. 24 января.

² Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. С. 129 – 130.

³ См.: Григорьева Н.А. Государственная политика и практика развития гражданского образования в России (1958 – 2006 гг.). – М., 2007; Самсонова Т.Н. Проблемы гражданского образования в России // Вест. Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 4; Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2.

⁴ См., например: Возможно ли в России правовое государство? VII Старовойтовские чтения // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 19. – М., 2011; Смирнов В.В. Политология прав человека и политические права в России // Полис. 2010. № 6.

⁵ См.: Возможно ли в России правовое государство? С. 70.

⁶ См.: Овчинский В. Без конфискации нет борьбы с коррупцией! // Московская правда. 2011. 23 июня.

⁷ См.: Двадцать лет реформ: уроки на завтра // Московская правда. 2011. 30 июня.

⁸ См.: Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4; Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8; Самсонова Т.Н. Воспитание гражданина. – URL: <http://www.washingtonprofile.org/ru/node/4879>; Самсонова Т.Н. К вопросу о патриотизме в современной России // Ломоносовские чтения – 2008. – М., 2008.

⁹ Митрополит Кирилл. Православие и образование // Политические исследования. 2008. № 2. С. 12 – 13.

¹⁰ См.: Известия. 2009. 23 марта.

¹¹ ВЦИОМ: интерес россиян к политике снизился. – URL: <http://actualcomment.ru.news/22575>

¹² Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. – М., 1997. С. 600.

¹³ Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – URL: <http://www.jur.vslivar.org.ru/html.3278>

¹⁴ Любимов Л. Парализуемая гражданственность // Известия. 2011. 28 октября.

¹⁵ См.: Панфилова Э.А. Текущее состояние гражданского общества как отражение парадоксов новой России // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 19. – М., 2011. С. 42.

¹⁶ Подробнее см., например: Седова Н.Н. Гражданская активность и социальное участие как важнейшие элементы политической модернизации // Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М., 2010.

¹⁷ Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). – М., 2011. С. 277.

¹⁸ См., например: Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М., 2009. С. 158.

¹⁹ См.: Социальные факторы консолидации российского общества / под ред. М.К. Горшкова. – М., 2010. С. 253.

²⁰ Петухов В.В. Российские реформы и переосмысление россиянами роли демократических институтов и ценностей // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 20. – М., 2011. С. 21.

Аннотация

Автор исследует проблемы становления гражданского общества в современной России, анализирует факторы и направления формирования гражданской культуры, а также программы по гражданскому и патриотическому воспитанию. Показано, что агенты политической социализации – семья и школа, средства массовой информации и т.д. – призваны играть значимую роль в совершенствовании системы гражданского образования и воспитания, в повышении уровня политических знаний и навыков политического участия. Необходима последовательная реализация в нашей стране хорошо продуманных программ по воспитанию гражданских качеств.

Ключевые слова: гражданская культура, гражданин, гражданское воспитание, патриотизм.

Summary

The author reveals the shortcomings of civil society in contemporary Russia; examines the picture of factors associated with promoting civic culture as well as civic and patriotic education programs. The agents of political socialization, particularly family, schools, mass media etc. may have a bigger role to play in improving student civic development, political knowledge, and political participation skills. Thoughtful civic education programs may go a long way in the country.

Keywords: civic culture, citizen, civic education, patriotism.

Рефлексируя проблему

Вячеслав ЗИМИН

Знакомство с материалами данной подборки свидетельствует, что к проблеме политической культуры, многогранной и многозначной, не ослабевает интерес исследователей – как философов, так и представителей политической науки. В статьях отмечается, что политическая культура формирует облик гражданина, во многом определяет его поведение. С другой стороны, являясь активным субъектом и ее носителем, он сам оказывает влияние на ее создание.

Мы понимаем, что в политическую жизнь России включаются новые граждане и, чтобы их участие в ней было компетентным, необходим постоянный рост политической культуры. Особенно большие требования предъявляются к политическим лидерам. В статье *Г.Л. Тульчинского* особо отмечено то, что от характера ценностей и уровня развития политической культуры зависят во многом темпы и характер политических преобразований (модернизации России), особенности политического процесса, а также развитие других сфер общественно-политической жизни. Подробно раскрыто нормативно-ценностное содержание российской культуры и показаны культурные барьеры модернизации.

Т.Н. Самсонова рассмотрела ряд направлений и особенностей формирования гражданской культуры в современной России и особо выделяется такое направление, как формирование правосознания личности. Согласен, что особый упор в деле повышения правовой культуры общества должен быть сделан на правовое обучение, информирование населения о существующих юридических предписаниях. Необходимо, на наш взгляд, создать в России взаимосвязанную, четкую систему правового просвещения, правового и политического воспитания населения. Нужно создать все условия, чтобы полнее реализовать права и свободы граждан Российской Федерации. Особенно важно обеспечить модернизацию и улучшение жизни россиян, стабильность и безопасность в российском обществе.

Политическая культура определяет характер взаимосвязи государства и гражданского общества и значительно влияет на избирательные процессы и итоги выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Интересно раскрыта исследуемая тема *Е.Л. Сысолятиной*. Согласен, что действительно профессиональная культура российских парламентариев формируется медленно. Некоторые наши депутаты имеют невысокий уровень не только политической, но и общей культуры, а это оказывает определенное влияние на наше население. Требуется детального изучения в качестве критерия политической культуры России феномен лояльности, который в значительной мере рассматривается в работе *С.А. Шапиро*.

В целом все авторы подняли важные проблемы, с которыми сегодня сталкивается политико-правовая культура России и которые необходимо в дальнейшем решать.

Светлана ШАПИРО

Вопрос о формировании гражданской культуры, поднятый в статье **Т.Н. Самсоновой**, безусловно, актуален, при этом необходимо учитывать, что механизмы её формирования в современной России пока представлены расплывчато. С одной стороны – власть декларирует идею гражданского и патриотического образования и воспитания. С другой – катастрофическое сокращение часов в образовательных стандартах по дисциплинам социально-политического направления (например, политология – 36 аудиторных часов, в некоторых случаях вузы отказываются от отечественной истории в пользу теории государства и права). По-прежнему актуально высказывание Р. Даля, что «решающая роль в этой области принадлежит учебным заведениям и средствам массовой информации. Но, хотя мы и призываем уделять больше внимания этой проблеме, ответа на вопрос, каким образом она может быть разрешена, у нас пока нет».

В.А. Зимин прав – в отечественной науке накоплен большой опыт в интерпретации понятия «политическая культура». Это не только политологический, но и глубокий социально-философский анализ. Данные концепции развиваются в контексте анализа отечественных и зарубежных теорий. Интересны исследования субъектов политической культуры, однако следовало бы уточнить, работники каких категорий предприятий (крупные, средние, мелкие) были опрошены. Проблема валидности в исследовании политической культуры по-прежнему актуальна. Отношения демократического политического режима с парламентаризмом как механизмом деятельности власти представляются актуальными – как это и показано **Е.Л. Сысолятиной**. Не ясно только, почему возникает риторический (видимо) вопрос о тождестве политического режима и парламентаризма? Практика показывает, что существуют политические режимы, где парламент не функционирует (парламентская республика и парламентская монархия существенно отличаются). Отсюда проблема: парламентская культура – это культура законодательной власти (законотворчества) или конкретных парламентариев? Возможно и расширенное ее толкование как политической культуры нации, тогда она действительно связана с гражданским обществом.

Как показано **Г.Л. Тульчинским**, связь политической культуры и образа жизни, социального опыта представляется её сущностной характеристикой. Базовые ценности социогенеза (безопасность, справедливость, свобода) оказывают влияние и на процесс формирования политической культуры общества. Нормативно-ценностное содержание российской культуры через комплекс ее базовых ценностей (правда, апофатизм, универсализм, эсхатологизм, чудо, истина как красота) потенциально проецируется и на ее политическое содержание. Вопрос формирования политической культуры связан не только с потенциалом российской модернизации в его имперском наследии, но и с конкретной деятельностью государства и политической элиты.

Консолидация российского общества через формирование проектно-сетевых общественных отношений не представляется возможной (за исключением городов федерального значения). В отдельных случаях региональная политическая элита агрегирует интересы граждан, но социально-экономические условия (бюджетная дисциплина, механизм распределения денежных средств) не всегда приводят их к достижению поставленных целей.

Татьяна САМСОНОВА

В свете рассмотренных нами проблем хотелось бы добавить следующее. В современной России проявляется кризис идентичности, стремление к замене гражданской идентичности этнической. В значительной степени обусловлено это отчуждением людей от современной общественно-политической жизни. Можно сказать, что в настоящее время существуют два уровня гражданской идентичности – федеральный и региональный. При этом региональный уровень гражданской идентичности является не только территориальным компонентом национально-государственного самосознания, но выступает и в качестве имеющего самостоятельное значение феномена. Более того, за последние годы в России развился устойчивый «синдром потери идентификации на общегосударственном уровне». Поэтому важнейшей задачей, которая должна быть решена в ходе построения гражданского общества, является формирование российской гражданской нации, идеология которой включает принципы ответственного гражданина, версию общего прошлого с его драмами и достижениями, патриотизм и лояльность государству. И в массовом сознании постепенно стало складываться понимание того, что советский период является безусловным историческим наследием нашей страны, полный разрыв с которым нарушает преемственность и взаимосвязь поколений, ведет к потере чувства коллективной идентичности в обществе.

И еще один важный вопрос, которому, думается, необходимо уделять больше внимания – это исследование политических субкультур. Фрагментированность политической культуры присуща всем обществам, переживающим состояние транзита. В России фрагментированный характер политической культуры «накладывается» на большую социальную, культурную, этническую, конфессиональную, региональную разнородность, присущую нашей стране. И все эти факторы оказывают заметное влияние, затрудняя процесс становления и развития гражданского общества. Вместе с тем, направленность проводимых реформ и развития нашей страны позволяют сделать вывод, что основное направление изменения российской политической культуры – это тенденция формирования гражданской политической культуры. «Заря гражданственности новой над нами в небесах горит» (В. Сологуб).

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ

В ряде докладов, представленных на VI Российский политологический конгресс, прозвучало признание слабости и ограниченности традиционного сведения политической культуры (Г. Алмонд и С. Верба) к ценностным установкам и ориентациям. Это сводит политическую культуру к психологическому феномену мотивации, которая, в свою очередь, не причина, а объяснение поведения. Тем самым анализ попадает в замкнутый круг. Достаточно убедительную картину этого дает весьма обстоятельный обзор представлений о политической культуре отечественными авторами, приведенный в материале *В.А. Зимина*. Политическая культура оказывается и взглядами, представлениями, и традициями, практически историческим опытом.

Поэтому все очевидней становится признание необходимости учета «внешних» социальных факторов и компонентов политической культуры, формирующих сознание и мотивации: институтов, норм, практик, политической системы, режима. Это позволит говорить и о путях, способах формирования политической культуры и управления этим процессом. Более того, политическая культура состоит из множества субкультур, роль которых пока не изучена вообще. И, наконец, почему-то упорно игнорируется многообразие деловых (корпоративных, организационных) культур, учет которых важен как на микроуровне, так и на макроуровне, включая национальный и международный аспекты.

Что касается современной российской политической культуры, то она является характеристикой определенного состояния российского общества. Поэтому в ее анализе надо исходить из особенностей этого общества. А это общество имеет определенную динамику. Значит, и в анализе политической культуры важна не только и не столько некая ее квалификация, но и выявление тенденций динамики развития.

Предложенный *С.А. Шапиро* анализ лояльности как компоненты политической культуры весьма содержателен. Однако лояльность — критерий из другой плоскости, связанной с легитимностью — признанием гражданами или подданными данной конкретной политической власти. Поэтому лояльность характеризует более короткий временной лаг и вряд ли можно рассматривать как устойчивую характеристику способа политической жизни, т.е. политической культуры. Однако анализ лояльности выводит на другую — ключевую — характеристику социума, важнейшую для понимания конкретной политической культуры, а именно — доверие, отсутствие которого разъедает российское общество. При этом главная особенность современной российской культуры — недоверие: к власти, социальным институтам, личностное... Некоторыми участниками отмечалось, что это порождает утрату смыслов, отчуждение, раскол, а также (как следствие?) определенное бессилие власти в решении реальных проблем. Это недоверие и разъединенность усиливаются современными сетевыми коммуникациями.

Поэтому следует признать, что главной проблемой развития российской политической культуры является формирование реально работаю-

щей институциональной (прежде всего — правовой) среды, без которой невозможно обеспечение гражданского самосознания, без которого недостижима не только легитимность государства, но и конструктивная консолидация общества.

Нельзя не отметить попутно и теоретико-методологическую проблему. Концепции, выработанные на материале западных демократий, не улавливают некоторые важные реалии российской политической культуры, давая о них искаженное или оценочное представление. Дело, однако, не в каком-то «особом пути» или особой «русской цивилизации» (общечивилизационный тренд достаточно очевиден), а в стадии (зрелости) российского общества. И проблема в выработке модели, увязывающей стадии такой зрелости, выявлении факторов, определяющих созревание. Иначе — анализ оказывается неадекватным и оценочным. Показателен в этом плане детальный культурологический анализ российского парламентаризма, развитый *Е.Л. Сысолятиной*. Этот анализ убедительно показал на конкретном примере, как неразвитость институциональной среды извращает и дискредитирует такой важнейший компонент политической системы, как парламент, превращая его в собственную противоположность — как по формированию, так и по деятельности, а главное — по результатам этой деятельности.

Елена СЫСОЛЯТИНА

Вопрос о характере преобразований в политической сфере чрезвычайно актуален для современной России. Особенно это касается преобразований в области политической системы (избирательного законодательства) и гражданского общества. Подобного рода проблематика была озвучена и в обращении Президента РФ В.В. Путина к Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г., и в предыдущем послании Президента РФ Д.А. Медведева в 2011 г. Уместно предположить, что приоритетность указанных проблем коренится не столько в институциональной составляющей политической системы, сколько в ее субъективном измерении, затрагивающем сферу публичных взаимодействий. И здесь на первый план выходит проблема взаимодействия между властью и обществом, частным проявлением которой являются вопросы об установлении диалога между российским государством и обществом, о налаживании каналов обратной связи, а также о способах оказать поддержку или неодобрение ключевым политическим решениям и лицам, которые стоят за их принятием. Каким же образом возможно раскрыть это субъективное измерение политической системы, приблизиться к нему? Предположительно через феномен культуры. Прежде всего, речь идет о культуре политической, раскрывающей специфику политического сознания и поведения россиян — от рядовых избирателей до профессионалов-управленцев.

Так, в статье *Т.Н. Самсоновой* поднят вопрос о том, почему в нашей стране государство не находит должного отклика на принимаемые им

ключевые политические решения со стороны гражданского общества. И такая ситуация не нова. Государство здесь заинтересовано в том, чтобы в одностороннем порядке создавать гражданское общество, в то время как гражданское общество нуждается в свободе самоопределения и самореализации. Ему необходим серьезный опыт добровольного участия в политике и определенная доля рациональности при исполнении гражданского долга.

Г.Л. Тульчинским представлена интереснейшая модель корреляции таких важных для любого современного государства ценностей, как «безопасность – справедливость – свобода». Автор проработал и институциональную ось, включающую правовую и социальную культуру. На соотношении ценностной и институциональной осей Г.Л. Тульчинский выстроил уникальную ценностно-нормативную модель, с помощью которой возможно прояснение российской специфики развития гражданского общества и государства. *Л.Г. Титова* актуализировала значимость политической культуры для достижения социальной справедливости в российском обществе, а также для преодоления угрозы национальных конфликтов и других противоречивых ситуаций в отечественной публичной сфере. Вызывают интерес и идеи автора о поиске смысла в социальном и политическом развитии, о важности политического образования. *С.А. Шапиро* удалось осветить феномен лояльности, указав ее скрытый и демонстративный характер.

В.А. Зимин выявил две главные особенности методологии отечественных исследований политической культуры. Речь идет о значимости политических ценностей, свойственных развитым западным демократиям, следствием чего становится акцентуация низкого уровня демократичности российской политической культуры. Всем участникам данного проекта удалось обозначить важные аспекты развития российской политической культуры, ее влияние на специфику отечественной политической системы, на взаимодействие между государством и обществом в России.

Людмила ТИТОВА

Обсуждение проблем формирования политической культуры в России выявило отчетливую социальную направленность материалов подборки, критическое отношение авторов к современным проблемам развития российской демократизации и модернизации и выявление путей, средств и форм становления новой гражданской политической культуры.

Так, *Е.Л. Сысолятина* решает эти проблемы с позиций выявления особенностей российского парламентаризма, который представляет собой явление нового периода российской истории – периода зарождающейся демократии, когда апробируются ее идеалы в отечественном контексте, а парламентаризм и демократия рассматриваются автором с позиций культурной ценности и того, и другого. Российский парламент в настоящее время исключается, как считает автор, из процесса принятия

политических решений, практически неподотчетен обществу, будучи элитарным политическим институтом и мало контактирует со средствами массовой информации, оставаясь, таким образом, «непрозрачным» для общества. Согласно авторской точки зрения, в России в настоящее время существует недемократическая по своему содержанию парламентская субкультура. Являясь частью российской политической культуры, она тем самым демонстрирует особый, достаточно непоследовательный характер процесса становления демократии в России. Совершенно очевидно, что возникает немаловажная для российской политической теории и практики проблема будущего российского парламентаризма и возможности соединения формальной и реальной демократии в России. Суть проблемы, поставленной автором, на наш взгляд, заключается в неустойчивости российского социально-политического процесса, который, в свою очередь, определяется неустойчивостью российской политической культуры. Сохраняя в настоящее время по отношению к демократическим ценностям транзитный характер, российская политическая культура не может не нести в себе черты традиционализма. Это является одной из причин противоречивости становящейся демократии – противоречий между парламентаризмом и парламентом, традицией и инновацией, интересами элиты и общества. Традиция в транзитном обществе – это, прежде всего, сохранение ценностного компонента предыдущей политической системы в сознании россиян, так как новые политические институты довольно непоследовательно воплощают демократические идеалы и могут выполнять функции прямо противоположные задачам устойчивого развития. Противостояние ценностей, незавершенный характер политической культуры, несформированность политических институтов как демократических является важнейшим фактором дестабилизации российского общества, пролонгирует обострение социальных противоречий в будущем.

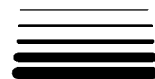
Важнейшей составляющей политической культуры являются гражданские ценности, реализующиеся в активности россиян. *Т.Н. Самсонова* видит решение проблемы в привитии россиянам гражданских качеств, акцентируя внимание на необходимости изменения привычек, мышления людей, вступающих в новую систему отношений, адаптации и интеграции. Причем автор разводит задачи политической социализации (приобщение к жизни в политическом социуме), политического образования (обучение политическим технологиям) и гражданского образования (привитие гражданских качеств). Тем самым в механизм формирования гражданской культуры включаются гражданское воспитание и образование, правовое, политическое, нравственное и патриотическое воспитание. При всей сложности проблемы следует согласиться с главной идеей автора: процесс формирования гражданской культуры в России должен осуществляться как преемственный, вбирающий в себя навыки общественной активности предыдущей эпохи и в то же время как отчетливо инновационный, в котором главное внимание обращается на политическую социализацию россиян и технологию их гражданского становления.

Ряд новых идей относительно развития российской политической культуры формулируется *Г.Л. Тульчинским*, характеризующий культуру как явление, связанное со всеми сторонами жизни человека. Выделяя политическую культуру, автор подчеркивает, что в ее создании в равной степени участвует и общество и власть, однако задачи становления демократического, гражданского общества требуют перейти от приоритета государства в этом процессе к приоритету общества. Отличие западной модели культуры от российской не только в том, что на Западе сформировалась гражданская культура, а российскому обществу еще только предстоит пройти этот путь, но и в том, что российская политическая культура постоянно воспроизводит образцы неформальных институтов и спонтанных форм деятельности, в том числе и в политическом процессе. В то же время потребности меняющегося общества требуют конкретизации культуры, выработки новых технологий ее формирования в России. И, по мнению Г.Л. Тульчинского, положительный ответ на вопрос о возможностях развития гражданской культуры в России прежде всего зависит от формирования России как гражданской нации.

Однако обсуждение проблем политической культуры показало, что вопросов в ее современном состоянии больше, чем ответов. Будучи связанной с общественными изменениями и прямо и косвенно определяя социально-политические трансформации, она представляет собой, несомненно, противоречивое явление, особенно в России, стране, чья история — свидетельство противоборства света и тени, добра и зла, и поиск правды здесь всегда обретал большую остроту, чем у любого другого народа. Высокий духовный потенциал нации создавал прочную основу патриотизма и самопожертвования, что активно использовалось всеми политическими субъектами на всем протяжении российской истории. Задачи формирования политической культуры в такой стране неотделимы от исторического творчества нации и социокультурных практик на каждом отдельном этапе ее существования. В современных условиях, политическая культура становится областью высокой ответственности, которую несут политические субъекты за те ценности, которые они внедряют в сознание нации. Россия не может исключить себя из мирового сообщества, но сохранить идентичность страны — прямая и непосредственная задача российской политики. На этой основе и должно происходить формирование российского гражданского общества и гражданской культуры — такой позиции придерживалось большинство участников дискуссии.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Год Германии в России

Вслед за Годом Франции и Годом Испании в России, журнал «Философские науки» принимает участие в мероприятиях Года Германии в России и России в Германии. Почетное место немецкой философии как в мировом философском процессе, так и в культуре собственной страны не требует обоснования. Поэтому, открывая серию публикаций, посвященных философии и культуре Германии, редакция надеется, что она будет встречена нашими читателями с интересом.

ГЕРМАНИЯ: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Н.В. МОТРОШИЛОВА

Прескриптум

В последнее время я попыталась поработать в некоторых относительно новых (для себя) жанрах, общий смысл и определенная необычность которых для философии — особая близость к животрепещущим проблемам самой жизни, к ее событийным поворотам и потрясениям, которые чаще всего пропадают за густым «лесом» общих философских абстракций. Так уж случилось, что первая публикация по результатам моих новых жанровых поисков появилась именно в журнале «Философские науки», к которому я испытываю особую расположенность в частности за его открытость, готовность предоставить печатное пространство не только традиционным по форме, но и нестандартным «философским исследованиям». Таким, например, которые я предприняла под влиянием пребывания в Германии в 2011 году и тамошних острых дебатов, возникших в «жизненном мире» из-за как будто неожиданных, но — увы — «запланированных» всем ходом развития современной цивилизации трагический событий в Японии, в Фукусиме. Тогда я предложила журналу работу (2011. № 6), выполненную в непривычной форме «философского репортажа» (с применением методов философско-лингвистического анализа понятий, фигурирующих в различных сферах «жизненного мира»).

Нередко считается, что приемы *непосредственного наблюдения* далеки от философии с ее упомянутым «лесом» специальных абстракций. Думаю, это неверно. Можно было бы показать, сколько ярких философских рассуждений в истории мысли отталкивалось от глубоких

впечатлений и переживаний, испытанных философами в обычном течении их повседневной жизни и насколько действенными были произведения, в которых их авторы постарались сохранить для читателей свои мысли вместе с именно обобщенными восприятиями, впечатлениями, переживаниями. И сколь ценны для истории свидетельства увиденного и пережитого — особенно тогда, когда времена и их живые свидетели отдаляются от читателей на целые века... Но отвлечемся от истории и великих примеров. Иногда полагают, что в сегодняшнем мире с его уникальными возможностями фиксации событий жизни, артефактов мысли и культуры можно не заботиться о, так сказать, запечатлении впечатлений. Думаю, и это предубеждение можно оспорить, ведь сегодня все в человеческом мире меняется так стремительно, что сравнение двух картин или картинок бытия, которые так или иначе удерживаются, документируются, может заблаговременно сказать о назревающих бытийных поворотах и переворотах, побудить именно к их философскому осмыслению.

Получилось так, что в XXI веке я регулярно посещала Германию — страну, которой (как лауреат престижного Фонда имени А. фон Гумбольдта и как кавалер немецкого государственного ордена Bundesverdienstkreuz) я благодарна за признание, за уникальные совместные российско-немецкие проекты (прежде всего это проект двуязычного немецко-русского издания основных сочинений И. Канта). Много в бытии этой страны в конце XX — начале XXI века мне нравилось и вызывало добрую зависть. Мне еще несколько лет назад казалось, что Германия, другие страны после Второй мировой войны коренным образом изменили свою жизнь и приобрели запас социально-исторической прочности против возможных злобно-бесовских, варварских всплесков истории. Увы, сейчас, в начале второго десятилетия XXI века, в этом нет уверенности...

Нижеследующие путевые заметки написаны в 2008 году и относятся к периоду, когда если не уверенность, то надежда на это была.

Предлагаю вниманию читателей свои тогдашние заметки, тесно связанные с теми философскими темами, которыми я занимаюсь в последние годы — с проблемами цивилизованности и варварства в условиях глобальных кризисов. Посвящаю эти заметки году Германии в России — и соответственно России в Германии. Раньше я предполагала озаглавить их так: «Что мне нравится в Германии». Скажу, не вдаваясь в обоснования, поскольку для этого нужно было бы написать уже другие заметки (пусть прошло-то всего несколько лет): боюсь, теперь правильно было бы написать — «Что мне (еще недавно) *нравилось* в Германии»...

Этими заметками я хочу воздать должное Германии, ее народу — и скорее не тем сторонам жизни этой страны, о которых обычно говорят философы и к исследованию которых я тоже имею отношение. Словом, речь пойдет не о высокой культуре, которая запечатлелась в

литературе, художественном творчестве, в любимой мною немецкой философии, деле моей жизни. Ибо то, о чем я хочу сейчас написать, хотя и связано с высшими этажами культуры, но обладает относительно самостоятельным смыслом, значением, наконец, бытием, так что способность народа к созданию рафинированной культуры не всегда переливается в высокую культуру повседневной жизни и не всегда ею определяется (как показывает, к сожалению, многовековой опыт России, моей родины, всем сердцем любимой...).

С самого начала хочу оговорить: Германия — не идеальная страна. Послушайте передачи по немецкому телевидению, почитайте немецкие газеты. Беспокойство населения, дискуссии политиков, разговоры с теми же простыми людьми показывают, что проблем весьма много и что вскрываются они поистине беспощадно. Это, кстати, сближает Германию и современную Россию, в которой — что бы ни говорили западные «специалисты по правам человека» и «свободе слова» — сегодня беспрецедентно высок уровень самокритики и открытости в высказывании критических суждений в адрес порядков, которые имеют место в стране, и в адрес правящих кругов. И еще одно предупреждение: Россия — моя родина, которой я и — к счастью — мои дети преданы так, что идея поселиться где-то еще никогда не приходила нам в голову (а ее в нашем случае вполне можно было бы реализовать: мой покойный муж, известный российский американист Юрий Замошкин был почетным гражданином трех американских штатов; да и мне в Европе нашелся бы приют). Мы всегда считали и считаем: родина — как мать, она одна; ее легко покинуть, но правильнее всего трудиться дома и делать все, чтобы твоя Родина шла вперед, и притом своей дорогой. А поэтому нелिцеприятный разговор — для сопоставления — о российском Lebenswelt, жизненном мире (слово, пущенное в широкий оборот Эдмундом Гуссерлем, немецким философом, которым я занимаюсь), продиктован любовью и болью.

Так вот: я буду рассуждать о культуре в повседневной жизни немцев сегодняшнего дня, т.е. о культуре в самом широком смысле этого слова, о тех внутренних структурах их повседневности, о цивилизованности, о которых они-то уже мало говорят, потому что принимают их в качестве само собой разумеющихся основ и подмечают главным образом тогда, когда случаются отклонения от правил, от сложившегося порядка. Порядок (Ordnung) здесь ключевое слово. Что немцы привержены к порядку и придерживаются его, говорится везде и давно. Но вряд ли полностью познано то, какие огромные преимущества приносит эта черта жизни, ежедневного поведения именно в условиях *современной* цивилизации. Наша жизнь сегодня — это взаимосвязь такого количества звеньев, это потребность в *одновременном* и четком выполнении такого количества мелких, средних и больших функций, задач, что ее нельзя сопоставить не только с

прежними веками, но даже и с прошлыми десятилетиями. И вот если хоть в одном из тысячи звеньев допускается головоупячество (переводится хорошим немецким словом «Schlamperei»), то в тар-тарары летит вся цепочка. Конечно, Schlamperien случаются и в Германии. Немцы долго помнят о них. Например, один мой немецкий друг обстоятельно разъяснял мне, как плохо работает Deutsche Bahn, немецкая железная дорога. Как бы в подтверждение его слов на его юбилей из-за какого-то сбоя на железной дороге опоздал (и провел чуть ли не целый день в поездах) профессор, который должен был произносить Landatio, поздравительный доклад. Этого профессора ждали, ждали — и он в конце концов появился...

В последние 15 лет я регулярно бываю в Германии, конечно, езжу в поездах, так что и мне пару раз случалось переживать если не железнодорожные сбои, то хотя бы напряжения — из-за того, что один поезд чуть опаздывал, и была опасность не поспеть при пересадке на другой поезд. А все-таки подобные случаи — редкие исключения из строго соблюдаемых правил. Удобные, чистые, чаще всего (не всегда, правда одинаково) комфортные немецкие поезда более чем в 90% случаев ходят точно по расписанию; при пересадках графики поездов подогнаны друг к другу; в поездах в сеточках каждого кресла есть Zeitplan, т.е. точный график остановок и пересадок; за несколько минут объявляют следующую остановку и благодарят за путешествие. В совсем новеньких поездах есть табло, подробно информирующие о каждой части пути и т.д. Все это простые, для немцев привычные, элементарные вещи, однако, ведь они и есть та повседневность (Alltag), с которой сталкиваются обычные люди и которая их всего больше затрагивает. Но есть и люди необычные — не в смысле высоты их положения, словом, я не о тех, кто летает на частных самолетах или кого возят в лимузинах собственные или государственные шоферы. Я — о людях, чья судьба могла бы смертельно обидеть, если бы... если бы они не жили в Германии.

Приведу один пример. Однажды в Марбурге на перекрестке, у светофора я случайно познакомилась с незрячей молодой женщиной. Уже и светофор в Германии помогает ей жить. Когда она, простукивая палочкой бордюр тротуара (которому, кстати, по этой причине положено быть прямым, как и самому тротуару — сразу напрашивается сравнение с неизменными колдобинами и углублениями на российских тротуарах), подходит к светофору, то он звуковыми сигналами предупреждает ее, красный или зеленый свет зажжется. Мы разговорились с этой женщиной, пока шли в один и тот же магазин и пока она ожидала такси, чтобы погрузить, казалось бы, более чем необычные для нее покупки. О покупках — несколько позже. Сначала — о ней. Оказалось, что она работает на телестудии во Франкфурте-на-Майне, а это в часе езды на поезде от Марбурга. И она *каждый рабочий день*

ездит туда и обратно. Я думаю, что с ее стороны это человеческий подвиг, хотя она сама, по-видимому, не усматривает здесь ничего чрезвычайного. Однако эта молодая женщина может вести нормальную, насыщенную жизнь еще и вот по какой причине: вся структура повседневной жизни помогает ей. Об этом рассказала мне она сама, конечно, не вспоминая о деталях, о которых я сейчас поведу речь. Каждый будний день она проделывает свой привычный путь к автобусной остановке. Автобус (за редчайшими исключениями) приходит минута в минуту (по расписанию, обязательно имеющемуся на каждой остановке). И хотя в городах Германии, как и везде в мире, бывают пробки, автобусам реально и строго отводятся специальные дорожки, которые не имеет права занимать автомобильный транспорт. (То же относится к транспорту, подобному машинам скорой помощи.) Поэтому моя марбургская знакомая, приходя в одно и то же время к автобусу, вовремя прибывает на вокзал и сядет в нужный ей поезд, путь к которому через вокзал она за несколько лет изучила так, что преодолевает его именно «вслепую». Кстати, уровень входа в немецкие автобусы совпадает с уровнем тротуара, что очень важно для инвалидов и детских колясок, для старых людей, для тех, у кого в руках чемодан и т.д. (Опять вспоминаю, что в России приходится карабкаться по нескольким ступенькам в автобус и потом спускаться по ним; и как трудно было, когда мне случилось сломать ногу...) Конечно, как сказано, и в Германии бывают срывы. Но та молодая женщина в Марбурге смогла припомнить два-три случая за несколько лет.

В магазине с ней тоже было интересно. Оказалось, что она хочет купить... ящик вина и два ящика пива! Она рассказала, что живет вместе со своим другом (тоже незрячим); и вот сегодня они устраивают большую вечеринку; придет более десятка приятелей. Сначала она выбрала (в этом случае с моей помощью) вина; потом пришел работник магазина, погрузил нужные ящики на тележку; затем появился шофер вызванного между тем такси, забрал тележку и молодую даму... Вот и вся история. Я нахожу ее очень важной и характерной: она отчетливо показывает, что порядок, точность, надежность — вещи весьма человеческие, иногда незаметно гуманные. И наоборот — беспорядок обижает, оскорбляет людей, а для тех, кому судьба послала инвалидность, слепоту и другие подобные испытания, он вообще означает невозможность вести более или менее сносную жизнь.

Еще одна деталь. На немецких вокзалах сейчас можно встретить молодых людей (видимо, студентов) в синих униформах с надписью: помощь на вокзалах (это церковная помощь). Если нужно, вам внесут чемодан в вагон, что опять-таки помогает старым или не очень здоровым людям (впрочем, уже есть поезда, вагоны которых вровень с уровнем платформы; но пока еще есть вагоны, более старого образца, такая помощь очень кстати).

Я заговорила о тротуарах, и это тоже напомнило мне один разговор — в Кёльне. Вообще-то в Германии редко увидишь, что ремонт дороги делается на Ваших глазах среди белого дня. Но тут днем настлала асфальт. Я как человек любопытный (и в Германии люблю беседовать с разными людьми) остановилась, легко опознала главного среди мастеров и спросила его, как они добиваются тех самых ровеньких краев и отсутствия ям посреди тротуара, которые и помогают таким людям, как марбургская незрячая женщина, каждый день смело и без всякой помощи шагать по тротуарам города. Мастер ответил, что их специально учат всему этому и что каждый из них лично, как и их фирма, строго отвечает за качество. Но больше всего поразило меня вот что. Мастер сказал: если я сделаю это хорошо, можно надеяться, что (некий) герр Шмидт сделает такой же славный тротуар возле моего дома; а там ходят мои дети...

Я — философ и сразу перевожу сказанное мастером в теоретическую плоскость. То, что просто, ясно, осознанно выразил немецкий мастер, ведь и есть *главная черта цивилизации и цивилизованности*. Он вряд ли подозревал, что ее, эту черту, более чем два тысячелетия назад великий Аристотель назвал «взаимной предупредительностью»: я заведомо делаю свое дело хорошо и исправно — в надежде на то, что другие люди так же поступят в отношении меня самого и моих близких. Кстати, такая же максима применима к отношениям целых стран и союзов государств: можно злоумышлять против них, строить козни, проявлять подозрения и недоверие; а можно — сейчас даже настоятельно нужно — начинать, как говорил Аристотель, «с одолжения», с добра и доверия. Оправданно ли надеяться, что государственные деятели не на словах, а на деле дорастут до этой максимы, что их мысли, идеи, мотивы станут такими же зрелыми, как и сознание того немецкого мастера? Вовсе не уверена в позитивном ответе на этот вопрос, животрепещущий и болезненный для современной человеческой истории.

Хотелось бы сказать и о тех особенностях немецкой повседневности, которые одновременно связаны и с сознанием, ценностями, мотивами миллионов людей, и с центральными структурами экономической жизни страны. Эти особенности немцам тоже кажутся само собой разумеющимися. Однако то, насколько трудным бывает их проникновение в обычную жизнь, можно видеть на примере современной России. Например, на той улице Москвы, по которой я (всего-то 500 метров) иду от метро к своему дому, в новейшее время «свободного рынка» появились: два магазина офисной мебели, два магазина обуви, три-четыре маленьких павильона с игровыми автоматами (теперь их, слава богу, удалили), один салон татуировки и пирсинга, один магазин оптики, один магазин мужской одежды, две аптеки. И все это (за исключением одного магазина обуви) очень дорогие заведения, в течение дня пустующие, с немалым количеством

продавцов, не знающих, куда себя девать от безделья. Да, есть еще салон-парикмахерская, где прическа стоит более сотни евро... Правда, продукты можно купить в двух небольших частных магазинчиках, которые к тому же и работают круглые сутки. Однако невозможно и представить себе, чтобы на углу моей улицы в современной Москве — как это имеет место в любом немецком городе и поселке — могла бы примоститься маленькая булочная, в которой продавалось бы что-то вроде свежайших немецких булочек, или чтобы по соседству обязательно были бы недорогая прачечная или химчистка. В Москве как раз «свободная» рыночная экономика вымела с наших улиц то, что так нужно простым людям в их повседневном существовании. Кстати, это не мешает помнить тем западным и российским догматикам якобы свободного рынка (как и якобы свободных выборов), которые полагают, что Россия осчастливлена их рецептами, требованиями, выговорами. Ведь любые наилучшие общие схемы исполняются — или не исполняются, превращаясь в свою противоположность — на конкретной исторической почве данной страны.

В Германии мне очень нравится то, чего катастрофически и парадоксально не хватает в современной России. У нас большинство населения — люди либо просто бедные, либо очень скромного достатка. А все лучшее в инфраструктуре повседневной торговли, сферы питания в последнее десятилетие оказалось повернутым по преимуществу, если не исключительно, к очень богатым людям. Особенно поражают наши рестораны. Раньше, в эпоху социалистического дефицита, их было сравнительно мало. И всегда существовала проблема найти в них свободное место. Да и вообще было трудно купить в магазинах что-либо насущно необходимое. Сейчас (и не только в Москве) магазины, рестораны, кафе — буквально на каждом шагу. Но обычные люди не могут просто зайти в ресторанчик, чтобы пообедать, тем более поужинать всей семьей. В Германии же ресторан и обед, ужин в нем — дело обычное, причем и для людей достаточно скромных доходов. Это относится и к магазинам. Есть, конечно, очень дорогие рестораны и бутики, но наряду с ними даже на центральных улицах городов можно легко найти множество доступных ресторанов, кафе и больших магазинов с демократическими (конечно, по немецким меркам) ценами.

И у нас нельзя не видеть значительных сдвигов: вместо всеобщего и возраставшего дефицита социалистической поры и у нас сейчас в каждом районе есть немало рынков, магазинов, где продукты и одежда подешевле; есть совсем дешевые рынки и товары. Но они почему-то заботливо упрятаны от глаз людей и часто вынесены за черту города, что, скажем, для необозримой Москвы особая проблема. А ближе к центру и на центральных улицах наших городов буквально господствуют такие рестораны, магазины, цены и товары, что можно подумать: в этой стране живут исключительно богатые люди... И еще небольшая деталь:

продается такая одежда, что можно подумать, будто фигуры всех женщин и мужчин в этой нашей стране повторяют параметры известных модельеров... Германия же в ее повседневной жизни явно, отчетливо и намеренно ориентируется на людей среднего и небольшого достатка — и даже не на средний класс в западном понимании, что подразумевает весьма состоятельных людей. Подобно этому пожилые и старые люди могут рассчитывать на достойный их выбор.

Прошу понять меня правильно: я совсем не хочу сказать, что Германия — не стратифицированная страна. Например, в 1995 году я почти год жила в Кёльне, причем (случайно) в фешенебельном районе, где находится гостевой дом Кёльского университета. И гуляя там по красивейшим улицам, я могла — издали, конечно, — видеть, как живут немецкие богачи. Это совсем, совсем особый, замкнутый, а для простых людей — по-своему призрачный мир. Более того, во всей современной цивилизации я обеспокоенно вижу такую пагубную черту, которая уже сегодня, а еще больше в будущем чревата серьезными социальными взрывами: самые богатые или очень богатые люди планеты создали для себя в высшей степени элитарный мир деятельности, жизни, общения, досуга, заботливо отгородили его от другого мира — мира повседневности и обычных людей. И то, что пропуском в этот мир далеко не всегда являются ум, талант, честность, тогда как большие деньги всегда таким пропуском являются, — одна из язв современной цивилизации. Раз ученые с мировыми именами, получившие Нобелевскую премию за многолетнюю работу, на двоих-троих делят суммы, сопоставимые с гонорарами теннисистов, футболистов, звезд шоу-бизнеса (порой очень скромного таланта), то это значит: что-то весьма неблагоприятно в этом «лучшем из миров»...

А все-таки в Германии огромное богатство существует не на фоне большой и оскорбительной бедности народа, да и ведет оно себя не так безвкусно и кичливо, как вот уже два десятилетия проявляют себя разжиревшие «черные коты» из новых русских.

Принимая во внимание проблемы старых и пожилых людей Германии, о которых каждый день с болью и возмущением говорят по немецкому телевидению, пишут в немецкой прессе, все же не могу не отметить: чему в Германии я по-настоящему завидую, так это положению пенсионеров, во всяком случае, когда вспоминаю о бедствиях пенсионеров в моей родной России. Германия так много сделала для своих стариков и пожилых людей, что порою можно услышать: надо бы так же позаботиться и о молодых или более молодых, ведь именно по молодому и среднему поколениям больше всего ударяет самая большая проблема современной Германии — многомиллионная безработица. А вот старые люди (если, конечно, они работали, не оказались на социальном дне и получают нормальную пенсию) в этой стране живут относительно благополучно.

Благодаря пенсии можно не только рассчитывать на приличное жилье, питание, одежду. Можно позволить себе путешествия, посещения театров, концертов и т.д. Старики в этой стране живут, выглядят и держат себя достойно.

Впрочем, и русские старики-пенсионеры — это особый слой, в том смысле, что и они ведут себя гордо, что они чаще всего стараются выглядеть достойно. Но их достоинство, гордость часто скрывают неимоверно трудную жизнь, особенно в тех случаях, когда старики одиноки, и на помощь не приходят более состоятельные дети, родственники, друзья. А вот чего в последнее время «добились» наши власти, так это полного «равенства» пенсионеров: сколько бы ни получали они раньше, когда работали, какие бы заслуги ни имели, от государства все получают в качестве пенсии равные и мизерные суммы... Впрочем, еще до пенсии, до пенсионного возраста зарплаты в современной России таковы, что люди с наиболее высоким уровнем образования по оплате стоят, как правило, в самом низу социальной лестницы. Беспокоит ли такое «равенство» само население нашей страны в целом? Вряд ли. И здесь я снова приведу в качестве контрастного примера разговор с одним простым человеком в Германии. В Мюнхене еду в такси. Разговорилась с таксистом — судя поговору, коренным баварцем. Он спросил, откуда я и чем занимаюсь. Когда узнал, что я профессор из России, спросил о зарплате профессора в России — во сколько раз он (она) зарабатывает больше, чем таксист. Я ответила, что вопрос поставлен неправильно: надо спрашивать, во сколько раз *меньше*, чем таксист, зарабатывает российский профессор. Его следующий вопрос меня удивил: не протестуют ли против этого в России *таксисты и люди других профессий*? И пояснил, что при подобных порядках в своей стране он первый бы вышел на демонстрацию протеста, потому что страна, потратившая немалые деньги на образование своих ученых людей и потом не умеющая их ценить, доказывает, что совсем не способна правильно вести государственное хозяйство. Впрочем, этот разговор состоялся в начале 90-х годов, когда безработица среди «академиков», как называют в Германии образованных людей, еще не была такой высокой, как сегодня. И все равно вопросы, заботы, сознание этого простого человека Германии представились мне очень показательными и важными. Хотелось бы мне встретить подобного таксиста в России...

И last but not least — мое последнее по порядку, но не по значению наблюдение над Lebenswelt Германии. С моего первого посещения Западной Германии для меня было принципиально важно понять, как в своих умах и сердцах немцы разных поколений справились с болезненной проблемой нацизма и Второй мировой войны. А эта проблема была своего рода травмой для меня и моей семьи.

Вспоминаю, как еще молодой женщиной, только что вступившей в самостоятельную жизнь после окончания Московского университета

и аспирантуры в Институте философии Академии наук, я приехала к своим бабушке и дедушке в город Белгород, который расположен в сердце европейской России. Мой дед, человек довольно образованный и начитанный (я видела: после колебаний и сомнений) решил задать мне такой вопрос: почему я стала заниматься *немецкой* философией после того, что, как он выразился «немцы сделали для нас»? Он имел в виду не только общие беды войны, но и утраты нашей семьи. Мой отец, получивший университетское образование, по всем отзывам, человек способный, многообещающий, в 1942 году погиб на фронте (и его останки потом, в 1976 году, обнаружили в болотах около Новгорода!). Два его брата, начинающие писатель и художник, тоже были унесены войной...

Так вот, я не успела ответить на понятный вопрос деда. Меня опередила бабушка. Она сказала деду примерно так: «Ну как же ты не понимаешь — Неля занимается тем, что немцы делали целые века, а наше горе — от тех людей, которые заправляли Германией только двенадцать лет...» Вряд ли можно было дать более мудрый ответ.

Говоря о своих бабушке и матери (а мама, до войны — молодая, цветущая женщина, умерла всего в 49 лет...), я думаю о том, что огромная роль женщин в наших странах — общая черта их истории. Отвлекусь в сторону от главной темы. Моя бабушка после войны своими руками разбирала руины разрушенного войною дома и восстанавливала его. У нее было два платья — в одном она выходила в город, в другом строила дом. И это второе платье, рассказывала она мне, за два года истлело от тяжелой работы. Я вспомнила об этом, когда на одной из выставок в Бонне (она была посвящена первым послевоенным годам в Германии) увидела впечатляющий фотоснимок: немецкие женщины, которые вытаскивали из руин и обтесывали полуцелые кирпичи, сложили их в длинные, почти километровые штабеля, чтобы из них можно было построить новые дома. Значит, у женщин наших стран, жертв этой бессмысленной и беспощадной, не ими развязанной войны, была общая судьба.

В России и, может быть, еще больше, чем в Германии, настоящим основанием социальной жизни и истории страны являются труд и долготерпение российских женщин. Я совсем не хочу обижать российских мужчин. Однако вынуждена сказать: в России безответственность и алкоголизм немалого числа мужчин привели к тому, что тяжесть ответственности за семьи, за детей, нередко перелagается на плечи женщин. И они, женщины моей страны, всегда достойно несли и несут эту свою ношу. Могу сравнить их социально-историческую роль в России с пирамидой, очень широкой у основания, но со «срезанной» верхушкой. Это значит, что в самых разных областях жизнедеятельности народа женщины, как правило, многочисленны, активны, ответственны. Но как только дело доходит до руководящих ролей (до верхушки пирамиды), мужчины решительно оттесняют женщин. В советское время были «квоты» участия женщин в Советах и правительстве. Однако

все это носило чисто «декоративный» характер и существовало для показухи. Сейчас нет и этого. И вот я с (белой) завистью и радостью за Германию вижу, как широко в этой стране женщины представлены в верхних эшелонах власти, в политике. Я уже не говорю о том, что одна из этих женщин — умная, образованная, энергичная Ангела Меркель (притом выросшая в ГДР) — стала Bundeskanzlerin! Ведь теперь рядом с нею — несколько женщин-министров, женщин, всерьез играющих ключевую роль в политических партиях и Бундестаге, в правительстве Земель Германии.

Но я отвлеклась от темы: нацизм, война и сознание современных немцев. Я, понятное дело, не общаюсь в Германии с правыми радикалами, неонацистами и не знаю о мире их настроений и об их совести. А в других слоях, которые мне знакомы больше, я вижу устойчивые ценности и настроения — неприятие нацизма, войны, реваншизма, переживания за то, что был такой мрачный, бессмысленный период в истории страны, что мне лично всегда было чрезвычайно важно. Думаю, что это важно и миллионам людей в России. По отношению к моей стране я все время ощущаю живой интерес простых немцев, искреннее желание видеть улучшения в нашей жизни и способствовать им, насколько это в их силах. Однако чем дальше, тем больше я ощущаю беспокойство из-за того, что люди тех дел и профессий, которые призваны глубоко, основательно, разносторонне информировать население Германии (и других стран) о России, по моему глубокому убеждению и опыту пребывания на немецкой земле, в массе своей не просто не выполняют этой функции, а делают нечто прямо противоположное. Есть, конечно, и исключения: я лично знакома с рядом высококвалифицированных, честных немецких корреспондентов, работавших и работающих в России, знающих и любящих высокую культуру моей страны. Но их — редко появляющиеся! — отдельные репортажи не меняют общей, весьма мрачной, картины. Читатель может сказать, что и я сама в этих заметках, обрисовывая *позитивные* черты жизненного мира Германии, по контрасту упоминаю скорее о бедах и болезнях в социальной жизни России. Но передо мной (в одной краткой статье на особую, частную тему) и не стоит задача, которой в общем и целом должны руководствоваться журналисты — давать объективную, разностороннюю, а не идеологически предвзятую, какому-то слою угодную картину жизни такой огромной и такой важной страны, как Россия. А что эта картина получается искаженной, я готова доказывать на фактах. Но это уже другая тема и другая история, которыми не предполагалось заниматься в этих заметках.

В этих кратких путевых заметках речь не идет о том, что мне *не нравится* в Германии: это тоже особый разговор, и он уже требует другого случая и полной доверительности между тем, кто пишет, и теми, кто читает.

НЕМЕЦКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И «ИДЕИ 1914 ГОДА»*А.М.РУТКЕВИЧ*

В немецкой историографии на протяжении нескольких десятилетий длится спор относительно роли немецких элит в развязывании Первой мировой войны. Начало этим дебатам положила книга Ф. Фишера о стремлении германского правящего класса к мировому господству¹.

Сильнейшее раздражение оппонентов Фишера вызвало не только то, что он писал об ответственности всей немецкой верхушки за развязывание войны, но также то, что он возлагал эту ответственность главным образом не на юнкерство и кайзера, а на немецкую буржуазию, представители которой активно участвовали и в планировании войны, и в составлении планов аннексий и контрибуций. Первая мировая война была первой из войн, сопровождаемой невиданной ранее войной слов: все участвовавшие в конфликте страны вели пропаганду как за рубежом (в еще не вступивших в войну странах), так и в собственных странах — для мобилизации населения, оправдания своих действий и т.п. Немецкие интеллектуалы, принадлежавшие, прежде всего, к либеральной буржуазии, играли ведущую роль в этой идеологической и пропагандистской борьбе.

И Англия, и Франция обосновывали свое вступление в войну защитой цивилизации от варварского милитаризма, но и Германия желала не просто захватывать новые территории. Даже далекие от мудрствований генералы размышляли о судьбах всего мира. Фельдмаршал Мольтке писал о том, что латинские народы уже прошли зенит своего развития, славяне еще слишком дики и несут кнут и духовное варварство; Британия преследует только материальные интересы. «Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий»². Германская элита видела во внешней экспансии средство одоления внутренней угрозы, победы над взбунтовавшимися «варварами» в самой Германии. Как говорил канцлер фон Булов, «национальная политика — истинное средство в борьбе с социал-демократами». Крупная победа социал-демократов на выборах в 1912 г. была одним из важнейших побудительных мотивов для начала войны. Пангерманизм буржуазных политических организаций становился все более расистским во время войны. Глава Всенемецкого союза, Генрих Клас, уже тогда требовал начать «безжалостную борьбу с еврейством»³. Даже оказавшая огромное воздействие на умы легенда о вонзенном красными и евреями «ноже в спину» победоносной армии родилась в этих кругах еще в июле 1918 г.

Немецкая буржуазия считала казарму «школой нации», а собственное «верноподданничество» (Untertanmentalität) образцом для подражания всех прочих народов.

Совсем не склонный к преувеличениям левых историков, желающих находить во втором Рейхе все черты третьего, Томас Ниппердей⁴ отмечал, что наряду с «официальным» национализмом (с сильной монархической составляющей), ориентацией на сохранение status quo, существовал куда более агрессивный либеральный национализм, который он называет «интегральным». Не прусские юнкера, а немецкая буржуазия была его носителем. Сотни тысяч членов насчитывали уже указанные союзы: Alldeutsches Verband, Wehrverein, но рядом с ними действовали также весьма сильные Ostmarkverein, Allgemeine Deutsche Sprachverein, ставившие перед собой задачи вытеснения одних славян и онемечивания других. Уже названия других союзов: Deutsche Kolonialgesellschaft, Deutsche Flottverein передают то, что они были нацелены на борьбу Германии «за место под солнцем». Они были тесно связаны и с промышленниками, и с правительственными кругами. На 1914 г. во флотском союзе состояло — 331 тыс. прямых членов и 1 млн. 100 тыс. членов через его отделения.

Помимо «красных» члены этих союзов видели врагов в этнических меньшинствах (поляки, евреи), в пацифистах, иногда в левых либералах и католиках. «Борьба за выживание» была объявлена непререкаемым принципом политики: мир виделся поделенным на добро и зло, свет и тьму; в борьбе действует максима «победа или смерть», а условием победы являются «порядок и авторитет». Идеологию Всенемецкого союза можно считать völkisch, поскольку в ней присутствует и популизм, и национализм с элементами расовой доктрины⁵. Впоследствии, уже после Второй мировой войны, довольно распространенным станет истолкование истории немецкой буржуазии, согласно которому в начале XX в. она по-прежнему уступала решение важнейших вопросов юнкерству, была аполитичной, а потому покорно принимала прусский милитаризм. Действительно, мечта немецкого бюргерства об объединении Германии была осуществлена «железом и кровью», высшие посты в государственном аппарате занимали дворяне. Однако сама немецкая буржуазия далеко ушла от гуманистических мечтаний времен Гердера и Шиллера. «Никогда ранее не произносили и не писали такого числа славословий власти, причем власти насильственной»⁶. Если в некоторых других странах, вроде России, Ницше воспринимали прежде всего как «бунтаря» (а потому его читали и почитали «левые»), то в Германии он оказался философом германского империализма par excellence. Хладнокровный администратор и техник войны, фельдмаршал Людендорф, «лучше, чем кто бы то ни было другой воплощал тип нового буржуазного господствующего класса, отодвинувшего во время войны прежнюю

аристократию; он был воплощением идей Всенемецкого союза, его brutальной воли к победе, одержимости, с которой на кон ставилось все ради власти над всем миром»⁷.

Программа милитаризации экономики, подготовки к войне, концентрации всех сил на борьбе за новые колонии за морями (Англия!) и территории на континенте (Россия!) предполагала проведение столь же решительной внутренней политики – репрессивный закон против социалистов, введение цензуры, ограничение избирательного права, прекращение Judenemanzipation (евреи должны быть лишены гражданских прав и рассматриваться как иностранцы). Еще во времена англо-бурской войны эти союзы вели яростную антианглийскую кампанию, теперь Англия становится первейшим врагом в борьбе за мировое господство. У этого союза было наибольшее влияние на правящие элиты (включая окружение кронпринца и военных в Генштабе). Во многом благодаря усилиям этих империалистических элит Германия раньше других стран начала подготовку к войне. Собственно говоря, война началась в 1914 г. именно потому, что германская экономика прошла весь четырехлетний цикл подготовки хозяйства к войне, тогда как Франция последовала за нею лишь в 1912 г., а Россия вообще к войне не была готова (у Великобритании в готовности был лишь флот, и потому считалось, что она в войну на континенте вообще не вступит). Германские элиты готовили эту войну и стремились к ней.

Рассматривая притязющую на философские глубины немецкую публицистику тех лет, следует учитывать, что в рамках правящего класса Германии шли непрерывные споры о целях войны, о том, кто является главным соперником Рейха. Для группы политиков и промышленников вокруг канцлера фон Бетман-Гольвега таким противником была Россия, для «военно-морской партии» во главе с адмиралом фон Тирпицем таковым была Англия. Если в тексте интеллектуала война рассматривалась прежде всего как схватка с «мировой плутократией» и «капитализмом», то он явно склонялся ко второй группе немецкой элиты.

Геополитика в явной или неявной форме всегда предполагает некую историософию. Германия была родиной двух наиболее разработанных философско-исторических моделей. Первая из них, представленная прежде всего Фихте и Гегелем, утверждает необходимое движение всего человечества, проходящего на своем пути ряд ступеней. Один народ сменяет другой как выразитель и лидер в этом движении – к началу XIX в. таковым стали немцы. Другая модель восходит к Гердеру и романтикам: есть множество народов с их неповторимыми культурами, нет единого человечества и управляющих его развитием законов. Этот круг идей получил развитие сначала в «исторической школе права», затем у немецких экономистов и социологов (от Франца фон Листа до Вернера Зомбарта).

Во время войны немецкие мыслители склонялись либо к подчеркиванию своеобразия немецкого духа, «особого пути» (Sonderweg) Германии и «Срединной Европы» (Mitteleuropa), либо провозглашали, что Германия несет человечеству новую эру, отменяющую наследие либерализма и «идей 1789 года», которым противопоставлялись «идеи 1914 года». Антикапиталистическая риторика в то время проникает в статьи и книги далеких от социализма авторов. Если В. Зомбарта, выпустившего в 1915 г. книгу «Торгаши и герои»⁸, в которой главным врагом немцев объявлялась торгашеская плутократическая Англия, еще можно было считать «левым», то крупнейший промышленник и организатор военной индустрии во время войны В. Ратенау явно не принадлежал к «красным». Между тем, именно в его произведениях – вышедших как непосредственно перед войной, так и во время войны (книга «Von kommenden Dingen», 1917) – неизбежным представлялось движение к плановому хозяйству и общей «механизации» общественной жизни. Именно к этой антибританской (а потом и антиамериканской) пропаганде примыкали сочинения ряда социал-демократических публицистов.

Идея тождества между прусским милитаризмом и социализмом появилась задолго до первой мировой войны. Еще в 80-е гг. XIX столетия Карл Каутский высмеивал книгу Г. Туха, в которой решение социального вопроса чуть ли не было равнозначно превращению Европы в одну большую казарму. Социал-демократы принимали в те времена призывающие к миру резолюции и в соответствии со словами «Интернационала» обещали превратить империалистическую войну в гражданскую. Хотя харизматическому вождю партии Августу Бебелю принадлежали слова: «Если речь идет о войне с Россией, я сам возьму в руки винтовку», вплоть до августа 1914 г. социалисты считали себя пацифистами – таковыми их считали и их противники, т.е. двор кайзера, офицерство, практически вся немецкая буржуазия. Даже накануне войны 25 июля 1914 г. руководство партии приняло резолюцию, осуждающую австро-венгерское правительство за «фривольную провокацию войны». Но уже через несколько недель парламентская фракция социал-демократов в подавляющем большинстве своим одобряет военные кредиты и повторяет вслед за официальной пропагандой, что война была развязана Сербией и Россией, что Германия ведет оборонительную войну за «правое дело».

Подобную эволюцию проделали почти все социалисты Европы. Когда дом горит, то не время заниматься поиском того, кто виновен в поджоге, нужно сначала потушить пожар. Пробудившийся патриотизм социалистов вряд ли нужно – вслед за партийной коммунистической историографией – характеризовать как «предательство» интересов рабочих своих стран. Но часть руководства эсдеков пошла много дальше того, что можно назвать патриотизмом. От первоначальной

позиции («мир без завоеваний») партийное руководство к 1916 г. перешло к поддержке планов аннексий германского руководства: захват территорий может служить экономическому и историческому «прогрессу», в борьбе с «кровавым царизмом» хороши все средства.

Само по себе это согласие с целями германского империализма еще ничем не отличает немецких социал-демократов от прочих европейских социалистов, поддержавших свои правительства в условиях войны. Идеино к этому социалисты были отчасти готовы: еще за десять лет до войны в Фабианском обществе в Великобритании возникли идеи «социал-империализма». Особенностью германских правых социал-демократов было то, что тотальная мобилизация всех ресурсов в условиях войны оказалась для них желанным образцом социалистического общества. Разве Энгельс в «Анти-Дюринге» не писал о том, что на место анархии капиталистического производства придет более совершенная плановая экономика? Правда, ни Энгельс, ни Маркс не писали о том, что эта новая социалистическая экономика возникает в рамках национального государства, а социализм есть средство мобилизации трудовых ресурсов ради военной победы. Но у другого основоположника СДПГ, Фердинанда Лассаля, уже присутствовала подходящая идея «государственного социализма», а слова «организация» и «дисциплина» вожди этой партии (К. Либкнехт, А. Бебель) любили не меньше прусского офицерства.

Термины «национальный социализм» и даже «национал-социализм» появляются в изданиях немецких социал-демократов с 1915 г. Первопроходцем был Август Винниг, напечатавший статью в издании профсоюза немецких строителей. В ней говорилось о том, что военная экономика предполагает не только нормирование ресурсов, но также иную организацию всего общества, участие в управлении профсоюзов — дисциплина и организация становятся ключевыми словами в определении того, что Винниг уже тогда назвал *Elemente eines neuen Deutschtums*. Классовая борьба исчезает в новом рейхе, пролетариат становится союзником и сотрудником государства, поскольку судьба Германии и судьба рабочего класса неразрывно друг с другом связаны.

Среди социалистов, пересмотревших свои прежние пацифистские убеждения, наиболее интересна фигура Пауля Ленша (он принадлежал левому флангу СДПГ), который вместе с Розой Люксембург воевал с «ревизионистами». Еще в августе 1914 г. он был с теми, кто противился голосованию за военные кредиты, но с 1915 г. он входит в группу правых («Группа Кунова — Хэниша — Ленша»), которая идет дальше всех прочих в переосмыслении программы и политики социал-демократов в духе «военного социализма». Ленш хорошо разбирался в вопросах экономики (после войны он вышел из партии и стал профессором экономики в Берлинском университете), а по-

тому увязывал необходимость пересмотра пацифистских позиций социалистов с изменениями в отношениях между государством и хозяйственной сферой общества. Образование синдикатов и картелей ведет к монополистической организации рынка, ко все большему сращиванию частного капитала с государством. Растет и роль государственного планирования — война лишь усилила и ярко выявила эту тенденцию. Мировая война для Ленша имеет революционный характер, поскольку она ведет к стиранию старых классовых и сословных различий, к плановому «государству организации», в котором все индивиды становятся клетками единого организма. Возникающее в условиях войны общество отменяет индивидуалистические принципы 1789 г., поэтому и социал-демократическая партия не может оставаться прежней классовой партией пролетариата. Из крайне левой партии она становится «партией центра», в которой свою роль будут играть и интеллектуалы, и чиновники, и офицеры. Социалистический идеал вообще никогда не был тождествен буржуазным идеям прав и свобод, его сердцевину составляет идея равенства в организованном обществе. Такое общество может возникнуть только в рамках национального государства, а потому социализм выступает у Ленша как «спаситель национализма». В отличие от других руководителей партии, делавших оговорки в духе прежних лозунгов («мир без аннексий», «всеобщее разоружение» после войны), он считает такого рода идеалы абстрактными и оторванными от действительности. Мы живем в мире национальных государств, интересам немецких рабочих отвечает сильная экономика в могущественной империи. У рабочих есть свое отечество, за которое они готовы умирать.

Не меньший интерес представляет книга Иоганна Пленге: «1789 и 1914. Символические годы в истории политического духа»⁹. Пленге не был членом СДПГ, хотя относился к близким правому крылу этой партии публицистам. Во время войны он печатался в издаваемом А.Л. Парвусом *Die Glocke*. Пленге был правым гегельянцем, он критиковал Маркса и его последователей в своих довоенных работах «Маркс и Гегель» (1911) и «Будущее в Америке» (1912): марксисты не видят того, что грядущий социализм будет не социализмом «свободных ассоциаций трудящихся», но социализмом функционеров, «офицеров и унтер-офицеров хозяйства и управления».

Книга начинается с оппозиции идей Канта и Гегеля — в германской истории идей она оказывается определяющей. Война возвращает нас к закрытому торговому государству Фихте и к гегелевскому возвычиванию Пруссии как образцового государства. Война ведет к преодолению классовых противоречий в национальном государстве, она уже привела к централизации, к планированию хозяйственной жизни. «Война производит экономику, экономика — войну!»¹⁰. Именно это составляет существо «идей 1914 года». Нечто подобное про-

исходит и в других воюющих странах, но там нет соответствующей интеллектуальной традиции. «За нами будет XX век. Как бы ни окончилась война, мы являемся образцовым народом. Наши идеи будут определять жизненные цели человечества»¹¹. 1914 год является годом перелома, поскольку с ним связано «свободное включение крупных хозяйственных органов в государство», сделавшееся «всеобъединяющим центром всех членов экономической жизни». Возникает «народное товарищество национального социализма»¹².

Пленге пишет, что «идеи 1914 года» являются «золотой серединой» между государственным социализмом и демократизмом. Они объединяют такие противоположности, как организация и индивидуализм, чиновничество и народная свобода, система обязанностей и права человека. Движение к государственному социализму началось еще до войны. Капитализм вообще не был мирным — эпоха капитализма есть эпоха колониальных захватов, передела мира во имя экономических целей. «Капитализм возник не на каких-то островках мира во всемирной истории... Капитализм был орудием для государства, а государство, со своей стороны, орудием капитализма, желавшего расширить свои рынки, подавить своих противников с помощью политических средств»¹³. Капитализм начинался с освобождения, он завершается организацией. Он освободил крестьян, освободил производство от цеховых ограничений, провозгласил свободу торговли и свободу слова. Это привело к быстрому техническому и экономическому развитию. Но само это развитие привело к концентрации капитала, к гигантским предприятиям, которые переплетаются с государственными институтами и гасят прежние свободы. 1789 год был годом победы идей свободы, 1914 год символизирует завершение этого исторического периода.

Пленге признает то, что военное хозяйство есть временное явление, что после войны произойдет возврат к некоторым чертам прежней эпохи. Но сохранится идея «немецкой организации», планового хозяйства, четкого разделения труда в рамках единого экономического организма. Идеи 1914 г. для него именно поэтому суть идеи «национального социализма». Вслед за Гегелем он говорит о движении мирового духа через ступени, находящие свое выражение в «идеях». Теперь он принимает вид национального государства с плановой экономикой, национальной и социалистической в одно и то же время. Прежняя социалистическая идея была для Пленге чуть ли не анархической: обобществление средств производства мыслилось социал-демократами как движение к «свободным ассоциациям трудящихся». Война показала истинное лицо будущего социализма: плановое хозяйство требует диктатора, поскольку ему требуется центр организации. Еще в статьях 1915 г. Пленге сравнивал кайзера с Наполеоном («мировой идеей на коне» у Гегеля), причем кайзер представал не как

традиционный монарх, а как «вождь немецкого народа», диктатор и организатор побед.

Не затрагивая два больших раздела книги, посвященных внешней политике и демографии, обратим внимание только на главную мысль Пленге: грядущий социализм не будет утопическим «царством труда» довоенных социалистов, он будет национальным и военным социализмом. «Философски это можно выразить следующим образом: хотим мы того или нет, мы вступаем в закрытое торговое государство Фихте, которое будет строиться на основе гегелевских представлений о государстве»¹⁴. Оно будет закрытым для мирового капитала, который способен только грабить народы (и сравнивается Пленге с пиратами). Это будет сильное национальное государство, в котором одна и та же сила пронизывает все части и посредством единой воли направляет все члены организма к решению стоящей перед нацией задачи. К довоенному обществу уже нет возврата — война изменила и общество, и государство. «Посредством войны мы сделались более чем когда-либо социалистическим обществом»¹⁵. Правда, социализм для Пленге не есть огосударствление всего и вся, не ликвидация частной собственности. И собственность, и основные права личностей сохранятся, но изменится сама среда их существования, иными будут идеалы. Социализм есть организация, которой соответствует определенный тип человека. «Революция 1914 года» рождает нового человека, с новой моралью. Пленге дает набросок, в котором уже содержатся основные черты «Рабочего» Эрнста Юнгера. Он пишет о новой «морали господ» (Herrenmoral), критикуя при этом Ницше, поскольку тот оставался индивидуалистом, а новая мораль является национальной и социалистической. Идея организации вообще является «аполлоновской», а не «дионисийской»; высший тип представляет собой рационального человека организации, а не дионисийского «сверхчеловека».

Идеи Пленге и Ленша оказали немалое влияние на правое крыло СДПГ (так называемое «неолассальянство»), но было бы ошибочным делать всю немецкую социал-демократию непосредственным предшественником и побудителем национал-социализма, как это представлялось Фридриху Хайеку¹⁶, для которого любой национально окрашенный социализм уже является нацизмом. Обвиняя всех социал-демократов, Хайек решал свои задачи — апологетики либерализма австрийской школы. В действительности, СДПГ, вопреки своей марксистской программе, была главной опорой Веймарской республики, а ее правое «милитаристское» крыло ослабло после воссоединения «большинства» и «независимых» в начале 20-х гг. Некоторое влияние этой идеологии продолжали испытывать немецкие профсоюзы — их вожди куда легче находили общий язык с национал-социалистами. Но истинным наследником Вальтера Ратенау и Иоганна Пленге был В.И. Ленин: в статьях 1918 — 1920 гг. он

часто обращался к опыту военного «государственного социализма». Именно эти идеи легли в основание планового хозяйства, а не чуждая большевикам традиция крестьянского «мира».

Томас Манн так передал суть «идей 1914 года»: «...что после Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью и повести за собой мир; что двадцатый век принадлежит нам и что по истечении провозглашенной около ста двадцати лет назад буржуазной эпохи мир должен обновиться под знаком немецкой эры, стало быть, под знаком того, что не совсем четко определяется как милитаристский социализм» и иронически завершает свои воспоминания об идеологических исканиях тех лет: «Эта мысль, чтобы не сказать — идея, завладела нашими умами вместе с убеждением, что война нам навязана, что лишь священная необходимость заставила нас взяться за оружие, — оружие, кстати сказать, давно прикопленное и которым мы столь превосходно владели, что, конечно, жаждали пустить его в ход»¹⁷.

Именно в годы мировой войны немецкая социал-демократическая партия окончательно переходит на позиции реформизма. Характерны слова первого президента Веймарской республики Эберта: «Я ненавижу революцию как грех». Подавление выступлений коммунистов и левых социалистов в Берлине, Гамбурге, Саксонии, союз с ультраправыми воинскими союзами (Freikorps) при ликвидации Баварской советской республики — от революционного марксизма социал-демократы отошли быстро и решительно. Но к «идеям 1914 года» ни руководство СДПГ, ни аппарат партии не имели прямого отношения¹⁸. Во времена Веймарской республики эти «идеи» становятся важной составляющей «консервативной революции», в первую очередь, «национал-большевистского» ее крыла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914 – 1918. – Dusseldorf, 1961.

² Цит. по: *Уткин А.И.* Первая мировая война. – М.: Эксмо, 2002. С. 165.

³ Цит. по: *Weler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich 1871 – 1918. – Göttingen. S. 216.

⁴ См.: *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866 – 1918. Bd. II. – München: Beck, 1992.

⁵ В 1933 г. постаревший Г. Клас приветствовал приход Гитлера к власти, прямо считая его наследником Всенемецкого союза, причем для этого имелись веские основания. Об идеологии национально-либеральных союзов см.: *Eley G.* Wilhelmismus, Nationalismus, Faschismus. Zur historischen Kontinuität in Deutschland. – Münster: Westfälische Dampfboot, 1991.

⁶ *Elias N.* Studien über die Deutschen. – Frankfurt a / M.: Suhrkamp, 1992. S. 236.

⁷ *Haffner S.* 1918/1919. Eine deutsche Revolution. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1981. S. 28.

⁸ См.: *Зомбарт В.* Собр. соч. В 3 т. Т. 2. – СПб., 2005.

⁹ См.: *Plenge J.* 1789 und 1914. Die symbolischen Jahre in der Geschichte des politischen Geistes. – Berlin: Julius Springer, 1916. Пленге ссылается на вышедшую годом ранее книгу шведского юриста Кьеллена, в которой уже присутствует оппозиция этих двух дат (впервые она была использована неизвестным автором в передовице «Frankfurter Zeitung»).

¹⁰ Ibid. S. 18.

¹¹ Ibid. S. 20.

¹² Ibid. S. 82.

¹³ Ibid. S. 74.

¹⁴ Ibid. S. 121.

¹⁵ Ibid. S. 123.

¹⁶ Книга Ф. Хайека «Дорога к рабству», к сожалению, донныне является для многих читателей единственным источником сведений о немецкой социал-демократии первой трети века. В ней идеи небольшой группы раскольников, вроде П. Ленша и А. Виннига или независимого философа и публициста И. Пленге, выдаются за позицию всей партии, причем именно в СДПГ он видит ту силу, которая готовила победу НСДАП во времена Веймарской республики. Лживость этих обвинений очевидна для всякого, кто имеет хотя бы малейшее представление о немецкой истории, но англоязычные либералы чаще всего такого представления не имели ни в 1944 г., когда вышла «Дорога к рабству», ни, тем более, сегодня (См.: *Хайек Ф.* Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005).

¹⁷ *Манн Т.* Доктор Фаустус. – М.: АСТ, 2004. С. 359.

¹⁸ Некоторое воздействие этой идеологии обнаруживается только в рамках организации «молодых социалистов», выпускавших журнал «Sozialistische Blätter» в конце 20-х гг.

Аннотация

Сражения Первой мировой войны впервые в европейской истории сопровождались широкомасштабной словесной войной интеллектуалов. В Германии в этой пропаганде принимали участие представители правого крыла социал-демократической партии, противопоставившие «идеи 1914 года» либеральным «идеям 1789 года».

Ключевые слова: Первая мировая война, «идеи 1914 года», немецкая социал-демократия, философия истории, правое гегельянство.

Summary

Battles of the First World War were accompanied by the full-scale war of words of the intellectuals. In Germany the representatives of the right wing of Social-Democratic Party took part in this propaganda, opposing the «ideas of 1914» to the liberal «ideas of 1789».

Keywords: First World War, «Ideas of 1914», German Social-Democracy, philosophy of history, right Hegelianism.

«ЭФФЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ» И РЕГУЛЯРНОЕ ПРАВО: ДИХОТОМИЯ КАРЛА ШМИТТА

Р.В. ГУЛЯЕВ

В политической мысли XX в. едва ли найдется фигура, вызывающая столь же широкий спектр реакций, как немецкий мыслитель Карл Шмитт. Представитель течения «консервативной революции», критик веймарского парламентаризма и либеральной демократии; теоретик, давший фундаментальные определения понятиям суверенитета и политического; прагматик, пытавшийся использовать нацистский режим для укрепления собственных позиций в академической среде; мыслитель во «внутренней эмиграции», сохранивший верность собственным взглядам и после войны, несмотря на фактическое исключение из публичной интеллектуальной жизни страны, — любая из этих трактовок образа Шмитта может быть в достаточной степени аргументирована.

В этой статье речь пойдет о достаточно противоречивом этапе жизни Шмитта, обычно остающемся на периферии внимания исследователей, а именно о «чудовищной среде», в которой Шмитт «завяз уже в 1912 г. и оставался в ней до 1919 г.»¹ — среде поэтов-романтиков, предлагавших свое видение этого переломного для Европы времени и места Германии в послевоенном мире. Увлечению Шмитта вылилось в несколько произведений, главное из которых — очерк о поэме «Северное сияние» Теодора Дойблера². Проследившая преемственность поэзии Дойблера от идей «великих швабов» Гегеля и Шеллинга, Шмитт провозглашает его тем, в ком духовное единство Запада из мечты стало реальностью. Гений возносится над рациональностью, художественное постижение истины — над точностью научных формулировок, а либеральные ценности гуманизма и терпимости объявляются атрибутами царства Антихриста³. Однако уже в скором времени Шмитт пересмотрел свои взгляды и на романтизм, и на перспективы объединения Европы.

В 1919 г. вышла работа «Политический романтизм»⁴, в которой Шмитт исследует особенности «романтического субъекта» и реализацию этой модели в области политического. Романтический субъект — это тот, который в любой ситуации видит в первую очередь возможность для творческой самореализации, оформления собственного переживания, при этом не слишком беспокоясь о соответствии своего высказывания истинному положению вещей. «Его аргументы и умозаключения представляют собой своеобразно окрашенное оформление его утвердительных и отрицательных аффектов, которые, будучи однажды окказиональным образом возбуждены каким-либо предметом внешнего мира, возвращаются с тех пор в ”возвышенном

кружении” вокруг себя самих»⁵. Следствием этой установки является зачастую демонстрируемая романтиками поверхностность в описании исторических событий, политических и правовых контекстов, в которых действует личность. Особенное значение эти обстоятельства приобретают в условиях парламентской демократии, когда романтики из субъектов творчества становятся субъектами политики. Парламент превращается в трибуну для бесконечной «говорильни» и самопрезентации, оказываясь неспособным к быстрым и решительным действиям в случае необходимости.

В своей статье «Ужасы автономии» Юрген Хабермас высказывает надежду, что Шмитт не окажет такого «мощного тлетворного влияния на англосаксонский мир», как Ницше и Хайдеггер, и одновременно «разоблачает» подлинную сущность якобы нейтрального исследовательского интереса Шмитта к тем или иным проблемам. «За полемическим высказыванием Карла Шмитта о политическом романтизме скрываются эстетизированные колебания его собственной политической мысли. И в этом отношении его духовное родство с фашистской интеллигенцией проявляется со всей отчетливостью»⁶.

Джон Ролз в предисловии к «Политическому либерализму» высказывается в более общем ключе, не указывая прямо на роль Шмитта в приходе нацистов к власти, но, безусловно, подразумевая не в последнюю очередь именно его: «Причина падения Веймарского конституционного режима заключалась в том, что ни одна из традиционных немецких элит не поддержала его конституцию и не пожелала участвовать в ее претворении в жизнь. Никто из представителей этих элит более не верил в состоятельность либерального парламентаризма... Не имевший их поддержки президент Гинденбург был вынужден обратиться к Гитлеру, который такой поддержкой обладал и о котором консерваторы думали, что смогут его контролировать»⁷.

Американский историк Ричард Волин занимает нейтральную позицию по отношению к политическим метаниям Шмитта, указывая на важнейшую проблему его творчества. «Шмитт ясно дает понять, что [утверждением о том, что «Гегель умер»] он не пытается подвергнуть сомнению священную традицию этатизма в немецкой политической мысли — напротив, он сам пытается сделать в нее посильный вклад»⁸. Смерть гегелевского Rechtsstaat, т.е. «верховенства закона», конституционного правового государства, которую сам Шмитт и диагностирует в статье «Государство, движение, народ», вышедшей вскоре после прихода Гитлера к власти, является для него, по словам Волина, «сомнительным поводом для радости»⁹, однако одновременно — тем условием, в котором отныне предстоит жить.

Как можно заметить, все эти трактовки так или иначе предполагают скорее *концептуальный*, нежели *исторический* подход к взглядам Шмитта. Однако более продуктивным представляется не пытаться

свести все творчество Шмитта к какому-либо одному высказыванию, а попробовать увидеть развитие этой проблематики в работах, последовавших непосредственно за «Политическим романтизмом».

«Диктатура» как ответ романтикам

Вышедшая в 1921 г. работа «Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы» во многом является практическим продолжением этой критики. Относительно небольшой текст посвящен восстановлению оригинального значения понятия диктатуры (которое уже в то время воспринималось в значительной степени как идеологический лозунг, а не как научный термин). Диктатура описывается в последовательной исторической перспективе — как теоретический конструкт и как инструмент политики — от Античности до реставрации французской монархии после Наполеоновских войн. Шмитт выделяет два типа диктатуры: традиционный комиссарский, когда законный суверен временно передает часть своей власти отдельному лицу для выполнения какой-либо конкретной задачи, и суверенный, когда ничем не ограниченная диктатура производится от лица некоторой надполитической сущности (например, *volonté générale*, «всеобщей воли») и служит основанием для создания принципиально нового политического порядка. Завершается работа появившимся во втором издании 1928 г. приложением, в котором содержится анализ Веймарской конституции, указание на ее слабые пункты и предложения по расширению экстренных полномочий президента, что помогло бы обеспечить большую стабильность политической системы в случае кризиса. Таким образом, он буквально по пунктам реализует альтернативную «политическим романтикам» программу: кладет в основу сюжета определенный *политический концепт* и последовательно отслеживает как его теоретическое развитие в научных трактатах, так и практическую реализацию в различных юридических документах. Собственную *субъективность* из повествования он тщательно устраняет, занимая подчеркнuto нейтральную позицию. Вместо «возвышенного кружения» над выбранной темой предлагается строгий концептуальный анализ, прагматически привязанный к актуальным политическим вызовам.

В этой статье мы проанализируем те фрагменты «Диктатуры», где этот подход Шмитта выражен наиболее ярко, и постараемся ответить на ряд вопросов. *Во-первых*, действительно ли в этой работе продолжается линия «Политического романтизма» и помимо прямо названных задач Шмитт предлагает альтернативу бессодержательному с политико-правовой точки зрения романтическому анализу определенных исторических событий? *Во-вторых*, можно ли преодолеть авторскую установку на исследовательскую нейтральность и выделить его собственные оценки описываемых явлений? И, *в-третьих*,

насколько оправданными с точки зрения этой работы выглядят расхожие представления о Шмитте как об эстате и консерваторе, отстаивающем максимально дегуманизованную концепцию политического (в противоположность, опять-таки, либерально-демократической установке)?

Анализ «Диктатуры» с учетом указанных вопросов стоит начать не с открывающего работу раздела об истории понятия от Античности до Ренессанса, а с весьма показательного «Экскурса о Валленштейне-диктаторе», которым Шмитт заканчивает вторую главу. История герцога Альбрехта фон Валленштейна, имперского генералиссимуса времен Тридцатилетней войны, предоставляет богатый материал для самых разнообразных романтических (в широком понимании) трактовок. Личность в истории, честолюбие против верности долгу, коварная судьба, возвышающая своих любимцев, чтобы затем сокрушить их, — все эти темы вполне однозначно отсылают нас к романтической литературной традиции, и показательны, что самое известное художественное произведение, посвященное этим событиям, — трилогия «Лагерь Валленштейна — Пикколомини — Смерть Валленштейна» — принадлежит Шиллеру, одной из наиболее значимых фигур для немецкого романтизма XIX в. Центральный сюжет трилогии — обстоятельства, предшествовавшие убийству генералиссимуса. Валленштейн, стремящийся к скорейшему завершению опустошительной войны, начинает тайные переговоры со шведами. Об этом становится известно другим имперским военачальникам, которые мечтают обвинить Валленштейна в измене и занять его место. Сын главного заговорщика, молодой командир кирасирского полка Макс Пикколомини, разрывается между верностью императору, личной преданностью Валленштейну и любовью к его дочери Тэкле. В итоге большая часть офицеров отворачивается от генералиссимуса, Пикколомини, будучи не в силах преодолеть противоречий, погибает, Валленштейн бежит в Эгер, где также гибнет от рук заговорщиков. Функционально «диктатура» Валленштейна описывается, например, следующим образом (реплика графини Терцки): «Страшным ты им всегда являлся; и неправ совсем не ты, который постоянно был верен самому себе, а те, которые, страшась тебя, однако вручили власть тебе же... Ты восемь лет назад огонь и меч по всей земле германской с собою нес... с презрением относился к имперским всем законам, признавал одни права — неумолимой силы и попираал немецких всех владык, чтоб расширять для своего султана (т.е. императора. — Р. Г.) владычество»¹⁰. Все это вполне соответствует взгляду Шмитта на представления романтиков о политике — диктаторство Валленштейна является, можно сказать, его «личной чертой», подчеркивающей величие и противоречивость его души, при этом реальные полномочия описываются максимально абстрактно и представляют для автора явно второстепенный интерес.

Можно лишь предполагать, насколько общим местом в европейской литературе стала именно такая трактовка этого сюжета.

На первый взгляд, Шмитта, кроме вопроса, есть ли формальные основания для того, чтобы считать Валленштейна диктатором, вообще ничего не интересует. В первом же абзаце он довольно язвительно упоминает¹¹ (Далее ссылки на эту работу даются в скобках. — *Ред.*) о традиции использования термина «диктатура» в качестве «политического словца» применительно к Валленштейну и затем дает собственный последовательный и подробный анализ проблемы. Результат оказывается достаточно неожиданным: в 10 пунктах сохранившегося договора между Валленштейном и Фердинандом II оговариваются лишь чисто военные полномочия главнокомандующего, а также полагающееся ему вознаграждение за службу. Ему прямо запрещается принимать самостоятельные политические решения вроде заключения перемирия или законодательного ограничения прав имперских сословий. Рассуждения о личных качествах генералиссимуса и его амбициях, лежавшие в основе большинства предыдущих высказываний на эту тему — от Пуфендорфа до Шиллера, — оказываются для Шмитта предметом глубоко второстепенным, поскольку в действительности ни на одном из этапов карьеры Валленштейна речь не шла о предоставлении ему диктаторского полномочия. Следовательно, он и не может рассматриваться как политический субъект, принимающий политические же решения (а его субъективные черты обладали бы политическим значением лишь в этом случае). Четко проговорив фактическую сторону дела, Шмитт все же позволяет себе ремарку относительно личных качеств Валленштейна, характеризуя его как «необычайно способного организатора... руководящегося только рациональными идеями целесообразности» и явившего «великолепный по своей исторической уникальности пример меркантилистского государственного правления», но при этом абсолютно чуждого «почтению к действующим уложениям Священной Римской империи и к унаследованным привилегиям сословий» (С. 114). Однако возникает вопрос: если Валленштейн никогда не был подлинным политическим субъектом, то кто им был в этой ситуации?

Политическим субъектом, принимающим решение об отмене действующего законодательства и введении чрезвычайных полномочий, мог стать только император, однако он «не решился добыть для себя исключительные права на основании своего полномочия» (С. 116). Шмитт остается верным себе и не дает прямых оценок этому решению (вернее, нерешительности) Фердинанда II, говоря лишь о том, что Священная Римская империя могла бы стать подлинной монархией и что эта возможность не состоялась. Однако косвенно его отношение к этой ситуации все же можно вывести из одного обстоятельства. Говоря о вступлении на престол Фердинанда III в декабре 1636 г., он

употребляет термин «капитуляция» (Там же) для обозначения того факта, что отказ нового императора от претензий на полную суверенную власть был закреплен на государственно-правовом уровне. До реального окончания войны в этот момент оставалось еще 12 лет. Почему же Шмитт, вообще-то не склонный в своих работах к излишним эффектам, использует такой сильный термин?

Вероятно, здесь Шмитт стремится указать на тот факт, что именно отказ от возможности объявления чрезвычайной ситуации окончательно превращает Священную Римскую империю, *civitas christiana*, в политический фантом. «У императора была отнята последняя возможность сформировать мощную центральную власть с помощью введения чрезвычайного положения. При “чрезвычайно настоятельной потребности” императору хотя и не нужно запрашивать разрешения сословий, но для сбора необходимых налогов он все же должен выслушать мнение шести курфюрстов... Также и при явном нарушении мира или упорном неповиновении того или иного сословия ему не разрешается объявлять его вне закона без соизволения курфюрстов, следовательно, даже при очевидных обстоятельствах впредь будет необходим особый процесс, и прежняя точка зрения императора, в соответствии с которой объявление вне закона может вступать в действие *ipso facto*, уже не допускается» (Там же). Таким образом, здесь Шмитт ставит точку в своей отповеди романтикам, связывавшим поражение дела императора то ли с возвышением Валленштейна, то ли с его убийством, — на самом деле, доказывает Шмитт, Валленштейн никогда не имел приписываемой ему власти и значения, а личность конкретного полководца второстепенна по отношению к тому, даны ли ему полноценные полномочия комиссара-диктатора. Сама же ситуация показывает, что в критических условиях традиционные права, дискуссия и противоположность интересов затрудняют принятие решения и снижают эффективность любого из выбранных вариантов. И если бы историческая часть «Диктатуры» на этом закончилась, были бы все основания считать Шмитта безусловным эстатистом и сторонником принципа единоначалия власти. Однако в следующих главах разбирается другой важный исторический сюжет — Великая французская революция.

Диктатура и революция

Анализ диктаторской практики французской монархии Шмитт ведет с середины XVII в., когда короли начинают назначать в области страны своих интендантов, реализующих их указы на местах. Таким образом, речь идет о той степени полномочия, которой так и не смогли достичь германские императоры. Несмотря на то, что функции интендантов в основном надзорные, в глазах свободных сословий они олицетворяют собой растущую королевскую власть и вызывают

более или менее активное противодействие местных парламентов (С. 120 – 121). На этом фоне разворачивается дискуссия между сторонниками «промежуточной власти» и рационалистами-физиократами о том, как именно должны реализовываться властные решения.

Главным сторонником «промежуточных инстанций», *corps intermédiaires*, т.е. органов сословного самоуправления, опосредующих на местах любое решение короля и его бюрократии, Шмитт называет Монтескье. В основе его теории государства лежит достаточно простой принцип: «Всякая чрезмерная политическая власть... расценивается как враждебная» (С. 124). Единственное средство избежать деспотизма (который по сути и является не чем иным, как сконцентрированной полнотой власти) – сочетать принцип разделения властей с сохранением всевозможных традиционных парламентов, собраний и т.п., которые в силу своего консерватизма и природного недоверия к «произвольным и внезапным проявлениям государственной воли» (С. 122) будут оспаривать любое сомнительное решение власти в независимых судах и добиваться более компромиссных постановлений. Можно лишь предполагать, какое раздражение подобная система вызывала у тех, чья деятельность была напрямую связана со скоростью и эффективностью принимаемых решений, например у того же Валленштейна. Шмитт цитирует такой фрагмент из его переписки: «Эти, из империи, приходят ко мне, много мне говорят о решениях имперского сейма, о Золотой булле и т.п. Не знаю, куда и деваться, когда они заводят эти речи» (С. 114).

При всем при том Шмитт подчеркивает, что концепция разделения властей не является ни республиканской, ни демократической: «Непосредственная демократия сталкивается с тем же возражением, что и абсолютная монархия: народу тоже не должно принадлежать “непосредственное господство”; демократия античных республик тоже была лишена опосредующих, промежуточных инстанций» (С. 124). С рассматриваемым сюжетом эта ремарка связана лишь косвенно: в синхроническом смысле непосредственная демократия для Монтескье – не более чем теоретическая конструкция (или образ из античной истории, т.е. столь же идеальный объект). Однако она привлекает внимание именно этой своей «необязательностью» (как и многие другие вещи, прочитываемые у Шмитта «между строк»). Во-первых, эта мысль очень важна для стройности сюжета работы: она весьма продуктивно предваряет следующую главу «Диктатуры», посвященную событиям Великой французской революции; во-вторых, Шмитта явно не устраивают попытки либерально-демократических авторов «монополизировать» Монтескье на том основании, что его учение оказало ключевое влияние на авторов Конституции США¹². Сама фигура Монтескье – всесторонне образованного интеллектуала-консерватора, сознательно устранившегося

от активного участия в публичной жизни и практически в одиночку противостоящего набирающему силу популистскому прогрессизму – не могла не вызывать симпатий Шмитта. Здесь, таким образом, возникает *первая видимая «точка напряжения» внутри «Диктатуры»*: до сих пор Шмитт выступал в целом как апологет этого института, в конце предыдущей главы косвенно обвиняя императора в отсутствии решимости для предоставления диктаторских полномочий, когда они были необходимы. Монтескье же, принципиальный противник любого неопосредованного проявления политической воли, удостоивается от Шмитта неожиданно подробного и тонкого анализа; эта симпатия становится еще более явной, когда Шмитт начинает говорить о противниках Монтескье, выведших диктатуру на принципиально новый уровень.

Разговор о рационалистах-просветителях начинается с оглашения их стремления к «узаконенному деспотизму» (*despotisme légal*). Используя этот термин XVIII в., Шмитт одновременно подчеркивает собственную изначальную дистанцированность от деятелей Просвещения: вся его предшествовавшая апологетика и положительные коннотации относились к диктатуре, но никак не к деспотизму. Уже Вольтер, первый из сторонников просвещенного абсолютизма, «находит постыдным и гнусным»¹³ тот порядок аристократической автономии, который отстаивает Монтескье (чуть раньше эти же институты, и также с отсылкой к Вольтеру, называются «варварской бессмыслицей»). Попытка дискредитации взглядов оппонента через указание на их аморальность – практика, которую Шмитт вполне мог видеть в веймарском парламентаризме и к которой едва ли мог испытывать хоть какое-то сочувствие. Однако Вольтера от более радикальных суждений еще удерживает некоторый скептицизм в отношении абсолютизма, как и то, что он «слишком хорошо знает положительные стороны демократии» (С. 130). «Философы-экономисты», среди которых Шмитт выделяет Кене, Дюпона де Немура, Мерсье де ла Ривьера и, с некоторыми оговорками, Гольбаха, успешно преодолевают эти сомнения.

Исходный пункт их теорий таков: идеальный социальный и политический порядок существует и достижим, путь к нему открывается посредством «естественного» рационалистически-абстрактного мышления. Во главе государства должны находиться те, кто к такому мышлению способен; поскольку их целью является всеобщее благо, никто не имеет права сопротивляться их решениям. «Государство должно подчиняться законам экономического развития, в остальном же ему дозволено все» (Там же). Просвещенный деспотизм существует как на уровне государства, так и в качестве личного деспотизма того, кто знает истину, над тем, кто к ней глух. «Диктовать позитивные законы, – цитирует Шмитт Мерсье, – значит командовать, а для

этого-то и потребно „публичное насилие“, без которого бессильно любое законодательство» (С. 131). Трудно сказать, что здесь вызывает наибольшее неприятие со стороны Шмитта — безоговорочный примат экономики (унаследованный, понятно, всеми возможными вариантами социализма и вызывающий критику самых разных консервативных авторов — от Ницше до Зомбарта) или столь же безапелляционное размывание области политики философскими, моральными и педагогическими категориями.

Главное отличие этих авторов от Монтескье, по Шмитту, заключается в их неспособности отделить общий принцип от его конкретного применения, на чем, собственно, и строится обоснование отделения законодательной власти от исполнительной: «В абстрактном смысле суверенитет вполне может быть неделимым и безграничным. Но в конкретной практике каждому отдельному функционеру должно отводиться некоторое ограниченное полномочие, и две наивысшие инстанции, законодательная и исполнительная, тоже не должны расширять свои полномочия» (С. 125). С одной стороны, это положение Монтескье вроде бы ставит понятия суверенитета и закона в более уязвимую позицию по сравнению с мыслью того же Мерсье — суверенитет «в абстрактном смысле», законы как «абстрактные принципы» грозят обернуться политической фикцией, фактическим отсутствием как суверенитета, так и законности. С другой стороны, в противном случае закон сводится к техническому обоснованию решений исполнительной власти (прямота Мерсье, уравнивающего «позитивный закон» с приказом или командой, едва ли нуждается в дополнительных комментариях), и его фиктивность — не риск, но состоявшаяся реальность. Только будучи осознанным как общее правило (а не конкретная инструкция), подвергающееся интерпретации каждый раз применительно к текущим условиям, закон может оставаться неизменным, общеобязательным и независимым от чьего бы то ни было произвола — но при этом не превратиться в самодовлеющую силу, для которой компетенции конкретных исполнителей — лишь досадная помеха. Таким образом, потенциальное утверждение об этатизме Шмитта в случае Монтескье получает первое серьезное возражение — законодательство и принятие решений здесь принципиально разделены по разным инстанциям, более того, однозначно призваны *ограничивать эффективность* друг друга; и Шмитт не пытается выдвинуть даже косвенных опровержений этой концепции.

Однако главный предмет шмиттовского анализа мысли Просвещения — все же «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо. «По этой противоречивой книге легче всего показать, насколько критическим было положение континентального индивидуализма, и где располагался тот пункт, в котором он оборачивается государственным абсолютизмом, а его требование свободы — требованием террора»

(С. 137). Заметим, что и из этого тезиса следует более сложное отношение Шмитта к предмету исследования, чем может показаться на первый взгляд. Он не критикует индивидуализм и стремление к свободе как таковые, но показывает, как эти идеи, будучи сформулированными в афористичной и абстрактной манере, сочетаются с конкретными социально-политическими интересами и, будучи особым образом интерпретированы, превращаются сначала в революционные лозунги, а затем — в идеологическое основание для установления режима правового нигилизма и политического террора.

Главная политическая категория у Руссо — всеобщая воля нации, *volonté générale*, которая является не просто суммой волей входящих в нее индивидов. *Volonté générale* фактически независима от партикулярных волей — они ее не формируют, а могут лишь совпадать с ней или не совпадать; поэтому, собственно, всеобщая воля не зависит, как замечает Шмитт (С. 143), от формы правления. Искоренять испорченность и вести общество к преобладанию морального существования над природным может и один человек, и группа — важно то, что знание ими истины объединяет в их лице власть и право. Описывая эту концепцию, Шмитт не делает прямых указаний на ее уязвимость, как в случае Мабли (С. 135 — 136), но красноречивыми умолчаниями все же намекает на ту легкость, с которой разговор о всеобщей воле и общественном благе может перейти в логику политического и правового отчуждения тех, кто к этой воле не принадлежит. «Вопрос о неотчуждаемых правах индивидуума и о сфере свободы, не допускающей вмешательства суверенной всеобщей воли, можно больше не поднимать. Он устраняется простой альтернативой, в которой индивидуальное либо согласуется с всеобщим, и тогда в силу такой согласованности имеет некую ценность, либо не согласуется, и тогда как раз оказывается ничтожным, злым, испорченным и тогда вообще не является волей, достойной внимания в моральном или правовом смысле» (С. 141).

Однако в отношении позиции самого Руссо Шмитт замечает, что она близка традиции стоицизма, т.е. предполагает в первую очередь внутреннее преодоление каждым отдельным индивидом собственных страстей как предпосылку для каких бы то ни было политических действий (а не является лозунгом, эти самые действия сопровождающим). Отсюда же и мысль о том, что лишь «добрый» народ (т.е. имеющий простые нравы, исповедующий открытость в отношениях и чуждый излишним потребностям) достоин свободы и непосредственной демократии. Стремление к развенчанию стереотипов приводит Шмитта к на первый взгляд парадоксальному тезису о том, что «Общественный договор» — не «руссоистское» и не «романтическое» произведение... традиционный порядок, в соответствии с которым рациональная способность возвышается над иррациональными аф-

фектами, здесь еще не сменен на обратный» (С. 143). Под «руссоизмом» здесь явно понимается искаженная трактовка идей «Общественного договора» (возникшая отчасти под влиянием более поздних работ самого Руссо, о которых Шмитт упоминает, но на которые прямо не ссылается), в первую очередь распространяющая понятие «добраго» народа на любое подчиненное большинство вне зависимости от его качеств и текущих исторических обстоятельств. Моральная добродетельность, достижение которой должно быть первым шагом для проявления *volonté générale*, объявляется априори присущей любой силе, способной принять политическое решение. Максима «мы не можем принять политическое решение, пока не уверены до конца в собственной добродетельности» подменяется противоположной: «Раз мы способны к политическому решению, значит мы добродетельны (а наши оппоненты аморальны)». Резюмируя эту ситуацию, Шмитт прибегает к некоторой афористичности: «Руссо вызвался показать, как возможно государство, в коем нет ни одного несвободного. На практике ответ заключался в том, что несвободных уничтожали» (С. 145).

В пятой главе «Диктатуры», посвященной установлению во Франции революционной суверенной диктатуры, этот процесс описывается с показательной сухостью юридического документа, избавленного от излишних эффектов. Мы видим, как через последовательную цепочку декретов Конвента сначала определяются приоритетные для новой власти направления деятельности: установление контроля над армией, поддержание порядка в пограничных провинциях, проведение мобилизации населения и реквизиции продовольствия, установление контроля над местными органами власти. При этом Конвент разделяет упомянутое недоверие Мабли к исполнительной власти, отряжая многочисленных комиссаров для контроля исполнения декретов на местах. Результатом этого стало ничем не ограниченное господство законодательной власти, объединившей процессы принятия законов и их исполнения. Комиссары, которые и назначаются из членов Конвента, открыто говорят о собственных *rouvoirs illimités*, беспредельных полномочиях. Они имеют возможность арестовывать «всех подозрительных лиц, которые еще только могли нарушить общественное спокойствие» (С. 183). Будучи ограниченными в возможностях использования государственной казны, они тем не менее вправе «оказывать давление на состоятельных граждан, не только для того чтобы подвигнуть их подписаться на революционные займы, но и в интересах всех мыслимых патриотических обязанностей» (С. 185). В их ведении «чистка местных органов власти и служб от контрреволюционеров и аристократов» (С. 181). Логический финал этой деятельности еще более масштабен: «Многочисленными революционными декретами целые категории граждан государства

были объявлены врагами отечества... Не только дворяне, отказавшиеся от присяги священники и их приверженцы, не только ростовщики, спекулянты и распространители ложных сведений, но и вообще все, кто потворствовал “испорченности граждан” и “разрушению власти и общественного здравомыслия”, объявлялись врагами отечества и наказывались смертью. Вследствие этого они были лишены какой бы то ни было правовой защиты и стали объектом действия, руководствующегося только политическими целями» (С. 186).

Цель и действие здесь становятся смысловым центром не только политической структуры революционной «суверенной диктатуры», но и всего повествования Шмитта. Препятствия, которые не давали в свое время Валленштейну действовать максимально эффективно и привели императора к малодушной «капитуляции», наконец преодолены. Революционное государство, подлинный суверен, выносит главное (в трактовке позднего Шмитта) политическое решение – определяет своих врагов, подлежащих уничтожению, и требует безусловного подчинения от всех, кто не желает попасть в эту категорию. Выбор здесь до предела прост – повиноваться и принимать решения «всеобщей воли» как свои собственные или же оказывать сопротивление, руководствуясь словами Гоббса о том, что «человек охотнее выбирает меньшее зло, которое в данном случае состоит в опасности смерти при сопротивлении, чем большее зло, а именно верную и неминуемую смерть при отказе от сопротивления»¹⁴ – и трудно себе представить, чтобы Шмитт нашел в самой ситуации такого выбора хоть что-то привлекательное.

Важно отметить, что в этом описании Шмитт совершенно не предстает противником демократической процедуры или республиканизма. Напротив, он показывает, что революционный террор возможен и при более-менее децентрализованной структуре комиссаров на местах, и при жесткой вертикали управления, и при уже устоявшемся политико-правовом порядке, из которого делаются *исключения* (как временные, так и территориальные). Суверенная диктатура делает именно то, что и должен делать суверен, – назначает врагов и стремится к их уничтожению, и само по себе это не может вызвать возражений Шмитта. Однако тот факт, что этими врагами оказываются случайные граждане того же государства, расставляет акценты в этой проблематике совершенно определенным образом. Такая ситуация стала возможна по причине свершившейся революции – и Шмитта определенно можно назвать противником революции хотя бы потому, что установление нового суверена сопровождается состоянием правового нигилизма и чрезвычайного положения, возведенного в норму. Критерием отнесения целых групп граждан к категории врагов служит их «неразумность» и «испорченность» – и Шмитт выступает против, во-первых, установления таких зыбких и неясных критериев

в качестве основы нового правового порядка, а во-вторых — против идеологии Просвещения (и ее недобросовестных интерпретаторов), открывшей дорогу к такому различению. Наконец, явно подозрительно он относится к прогрессистским лозунгам, которые в максимально абстрактной форме декларируют наступление «новых эпох» и под этим предлогом устраняют «устаревшие» нормы и институты, которые могли бы скорректировать или замедлить проведение революционной политики. Хотя понятие врага разрабатывается Шмиттом в более поздних работах, в «Диктатуре» он совершенно не избегает мысли о том, что враги с неизбежностью существуют и подлежат уничтожению; однако он делает все, чтобы не допустить произвольного и одностороннего зачисления кого-либо в эту категорию.

Заключение

Джорджо Агамбен, говоря об обстоятельствах прихода нацистов к власти, в частности, об указе «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г., приостановившего на неопределенный срок конституционные гарантии личной свободы, свободы слова, неприкосновенности жилища и т.д., рассуждает вполне в контексте глав «Диктатуры», посвященных чрезвычайному положению (по сути здесь точно так же расчищалось правовое пространство для выявления «испорченных граждан» и расправы над «врагами отечества»). Более того, для национал-социалистических юристов это было именно «желанное чрезвычайное положение» (*ein gewollter Ausnahmestand*)¹⁵ — однако в контексте вышесказанного остается открытым вопрос, насколько желанным оно было для самого Шмитта.

Агамбен видит его вину в другом — он называет Шмитта главным среди правоведов, «определивших приказ фюрера единственным и непосредственным источником права»¹⁶ и, в частности, наделившим (в работе «Государство, движение, народ», 1933) юридическим значением понятие «раса». «Национал-социалистское понятие расы (или, пользуясь словами Шмитта, «племенное равенство») работает как общая статья закона (аналогичная «состоянию угрозы» или «доброму обычаю»), не отсылая, тем не менее, к внешней ситуации факта, но воплощая в жизнь совпадение между реальностью и правом»¹⁷. Показательно, что Шмитт работает как раз над поиском объективных критериев для определения категории врагов государства — и хотя я бы предпочел воздержаться от комментариев по поводу расы в качестве такого критерия, но трудно не заметить в этом развитии именно затронутой в «Диктатуре» проблематики (как трудно представить себе и масштаб репрессий, которые были бы развернуты, если бы режим Гитлера объявил своей задачей искоренение всех «испорченных», «неразумных» и «внутренне несвободных»). Фюрер, однако, прямо унаследовал многие атрибуты революционного Конвента — точно

так же выступал от имени единой воли народа, объединял в своей фигуре власть и право и устранял все инстанции, препятствующие непосредственной реализации его решений. Более того, он и пришел к власти именно тем путем, об опасности которого Шмитт пытался предупредить веймарских законодателей¹⁸. Это делает весьма спорной мысль о безоговорочном неприятии Шмиттом Веймарской республики и столь же безоговорочной поддержке нацистов. И если он на некоторых этапах своей жизни принял решения, подтверждающие эти обвинения, то эти решения представляются скорее идущими вразрез с его теоретической позицией, нежели вытекающими из нее.

Возвращаясь к заявленным в начале работы вопросам, можно сказать следующее: представляется, что Шмитт действительно полемизирует с романтиками — *но нигде не отвергает ценности индивидуального человеческого существования и не снимает с государства задачи по обеспечению его правовой защиты*. Жизнь и права отдельного гражданина остаются за скобками исследования диктатуры — однако Шмитт рассматривает все возможности, чтобы оградить эти ценности от непосредственного властного вмешательства, даже в исключительных обстоятельствах. «Эффективное действие», выходящее за пределы правового регулирования, Шмитт действительно допускает — но указывает на необходимость его четкой встроенности в текущий порядок. Такое действие, будь это диктатура или введение чрезвычайного положения, должно быть строго целесообразным, иметь формализованные признаки, позволяющие определить его начало и окончание. Шмитта действительно можно назвать этатистом — но это не делает его сторонником любого установившегося суверенного режима. Диктатура, ставшая суверенной, и чрезвычайное положение, существующее в качестве перманентной нормы, — это не высшая ступень развития этих инструментов, а их *искажение*, обнажающее механизмы политического, от чего «Диктатура» в целом предостерегает. Более поздние работы Шмитта были написаны в ситуации, когда эти предостережения не помогли, и он, очевидно, пытается привести право в соответствие с новой реальностью (коль скоро не удалось удержаться реальность в рамках прежнего права). Такой взгляд на раннее творчество Шмитта позволит более точно воспринять динамику его взглядов, не упуская и не упрощая положения отдельных его работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Филиппов А.* Политический романтизм Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 68.

² См.: *Schmitt C.* Theodor Däublers «Nordlicht»: drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. Unveränderte Ausgabe der 1916 bei Georg Müller in München erschienenen Erstauflage. — Berlin, 1991.

ГОРОД В ОБЛАКАХ¹

Аристотелевская критика концепции государства Платона

P. PEH

Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо.
Аристотель. Политика. Книга I. 1253a29-31

Основания аристотелевской критики проекта государственного устройства Платона

Спор между Платоном и его учеником Аристотелем об истинном знании смело можно назвать одной из больших удач, которые случались в истории философии. Он не только дает нам возможность точнее осмыслить аристотелевскую, а также платоновскую философию, но и предоставляет уникальный в своем роде материал для понимания вопросов, способствовавших возникновению и развитию философских концепций обоих философов. В первую очередь, это относится, конечно, к Аристотелю, чье философское становление определила полемика с Платоном, однако это справедливо также и для Платона, в поздней философии которого обнаруживается очевидное отражение дискуссий с его учеником. Особую роль в этой связи играет политическая философия, которая, благодаря Сократу и поставленным им вопросам о благой жизни, заняла к тому времени центральное место в греческой философской мысли¹. Кроме того, вопрос о политике попал в число основных философских тем софистов. Главное политическое сочинение Аристотеля – «Политика» – вероятнее всего, относится к тому времени, когда сам он был членом платоновской Академии. Эта работа несет на себе следы полемики Платона с младшим поколением его учеников. И влияние этого спора в «Политике» заметнее, чем в большинстве прочих его трудов. Платон, кажется, проявляется на каждой странице «Политики», даже там, где Аристотель предлагает собственные, совершенно новые пути осмысления проблем.

Основным положением, вокруг которого ведется спор между Платоном и Аристотелем, является вопрос о лучшей конституции, ее особенностях и возможности реализации на практике. Как Платон, так и Аристотель сходятся в одном: цель лучшей конституции – это «полис» (πόλις)², который обеспечит жителям достижение наивысшего счастья. Отталкиваясь от платоновского проекта конституции и зачастую критически оценивая его, Аристотель выстраивает в своих политических трудах особую модель государства, которая может быть понята как своего рода контрпроект платоновской теории. Из множества возражений, выдвинутых Аристотелем против Платона, следует обратить особое внимание на два основных возражения, которые могут быть сформулированы следующим образом:

³ См.: Филиппов А. Политический романтизм Карла Шмитта. С. 68.

⁴ См.: Schmitt-Dorotić C. Politische Romantik. – München; Leipzig, 1919.

⁵ Цит. по: Филиппов А. Техника диктатуры // Шмитт К. Диктатура. – СПб., 2005. С. 294.

⁶ Habermas J. The Horrors of Autonomy: Carl Schmitt in English // Habermas J. The New Conservatism: Cultural Criticisms and the Historians' Debate. – Cambridge, 1989. P. 135.

⁷ Rawls J. Political Liberalism. Expanded edition. – N. Y., 2005. P. 59 – 60.

⁸ Wolin R. Carl Schmitt: The Conservative Revolutionary Habitus and the Aesthetics of Horror // Political Theory. Vol. 20. No. 3 (Aug. 1992). P. 424.

⁹ Ibid. P. 425.

¹⁰ Шиллер Ф. Смерть Валленштейна // Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. Т. II. – СПб., 1901. С. 303.

¹¹ См.: Шмитт К. Диктатура. – СПб., 2005. С. 99.

¹² О степени влияния Монтескье на Американскую революцию говорит, в частности, Ханна Арендт, уподобляющая его влиянию Руссо на Французскую революцию (См.: Арендт Х. О революции. – М., 2011. С. 205). При этом Арендт не в меньшей степени, чем Шмитт, озабочена слиянием демократии и либерализма и также связывает эту тенденцию с идеологией Просвещения.

¹³ Шмитт К. Диктатура. С. 129.

¹⁴ Гоббс Т. Левиафан. Глава XIV // Гоббс Т. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1991. С. 106.

¹⁵ Агамбен Д. Номо сасег. Суверенная власть и голая жизнь. – М., 2011. С. 214.

¹⁶ Там же. С. 215.

¹⁷ Там же. С. 219.

¹⁸ См.: Филиппов А. Техника диктатуры. С. 320.

Аннотация

Статья посвящена проблеме взаимосвязи права и эффективного политического действия в работе Карла Шмитта «Диктатура». Через эту проблему затрагивается вопрос о соотношении государства и прав индивида в системе ценностей самого Шмитта.

Ключевые слова: политическая теория, диктатура, консервативная революция, чрезвычайное положение.

Summary

The article is concentrated on correlation of regular law and effective political action in Carl Schmitt's «Dictatorship». This problem is connected with the question of relation between state and individual rights in Schmitt's system of values.

Keywords: political theory, dictatorship, conservative revolution, state of emergency.

- платоновская модель государства является неудачной, потому что она нереализуема на практике (даже на уровне тезиса);
- счастье, которое обещает платоновский проект жителям полиса, недостижимо.

Оба возражения основываются на суждениях, речь о которых пойдет далее.

Цель политического трактата Аристотеля — отыскать «лучшее политическое общество», т.е. общество, которое дает «людям полную возможность жить согласно их стремлениям» (ζῆν ὄτι μάλιστα κατ' ἐδύχην)³. Говоря о цели лучшего государства, Аристотель оценивает как ошибочные (οἱ καλῆς) все существующие государственные формы, а также все предложенные другими мыслителями проекты. И несмотря даже на то, что многое в них выглядит привлекательным, чаще всего, согласно Аристотелю, они оказываются непригодными (χρήσιμος) и неприменимыми в действительности. Но именно это требование было крайне необходимым для Аристотеля. По его мнению, нужно принимать во внимание не только проект конституции лучшего государства, но также ставить вопрос о возможности реализации этого проекта. Более того, отобранная из таких критериев конституция должна быть представлена на предмет того, может ли она быть «относительно легко» (ράω) осуществимой и для всех полисов «наиболее подходящей» (κοινωτέραν)⁴. Оба этих требования — требование от конституции, которая не должна содержать или почти не должна содержать трудностей, препятствующих ее реализации, и требование некоего конституционного политического строя, который не предполагает создания совершенно новых форм совместной жизни внутри отдельного общества, но в своем становлении опирается на привычные и потому надежные общественные структуры — направлены, прежде всего, против платоновского проекта государства. Платон ведь создал в некотором роде абсолютно новую для своего времени (а по большому счету, и не только для своего времени) модель. Модель государства, где женщины и дети отданы во всеобщее владение, где частная собственность упразднена, а культурная жизнь подвергнута жестким ограничениям для того, чтобы сдерживать развитие определенных пристрастий людей, модель государства, которым управляет не равенство и свобода, а маленькая группа философов, обладающих неограниченной властью. И это лишь несколько элементов концепции платоновского государства, против которых Аристотель (равно как и многие другие) выступил с резкой критикой.

Я хотел бы в дальнейшем сконцентрироваться на двух элементах платоновского проекта конституции, которые подвергаются критике со стороны Аристотеля и которые помогут яснее увидеть, в чем же заключаются ключевые различия между философскими и полити-

ческими воззрениями Платона и Аристотеля. Здесь идет речь, во-первых, о широко обсуждаемой проблеме *единства* внутри полиса и, во-вторых, о понятии *образования*, которое как для Платона, так и для Аристотеля, было важнейшим элементом лучшего государства⁵.

Платоновское понятие единства

Прежде всего, давайте обратимся к концепции единства политического сообщества. Общественному благу полиса по Платону угрожают внутренние противоречия и разобщенность. Несомненно, здесь мы видим влияние, оказанное на него жизнью в родных Афинах, которые к последней трети V в. не только вели почти тридцатилетнюю войну со Спартой, но также были измотаны постоянными внутренними вооруженными конфликтами между аристократическими и демократическими группами. Поэтому для него, как подчеркивается в ряде мест «Государства», не существует величайшего блага (μεῖζον ἀγαθόν) для государственного устройства, кроме того, «что связует государство и способствует его единству» (συνδῆ τε καὶ ποιῆ μίαν)⁶. Таким образом, единство (Ομόνοια) творится в государстве. Но каким будет город, представленный как единство? Как может множественность сводиться к единству таким образом, что в результате возникает некая целостность? В платоновском «Государстве» мы находим две различные формы или типа *единства*: структурный (architektonisch) и функциональный (funktionalistisch).

Структурный тип единства отображает структуру власти в полисе. Согласно проекту Платона, в государстве должен править один человек или немногочисленная группа людей, находящаяся на вершине иерархически упорядоченного общества, тогда как множество других остается в подчинении. «Единство» означает применительно к этой ситуации соответствие всех частей политического сообщества такому состоянию, когда «лучшее» (οἱ ἀμείβοντες) меньшинство управляет, а «худшее» (οἱ χείρονες) большинство подчиняется. Такое понимание, по мнению Платона, идет от природы самой структуры господства из «благоразумия» (σωφροσύνη). Платон использовал благоразумие и единогласие в контексте политической философии как синонимы. К ним добавлялось третье понятие, которое Платон вводит, когда говорит о единстве в государстве — это понятие симфонии (συμφωνία). Это заимствованное из музыки понятие, которое первоначально означало «гармония», Платон использует для того, чтобы описать природу единого (можно сказать единогласного) общества. Как в оркестре различные инструменты и звуки собираются в единую звуковую форму, так и в полисе люди должны соединяться в гармоничном единстве⁷.

Согласно функциональному типу единства, различные части и звенья государства рассматриваются в первую очередь как носители определенных функций. С этой точки зрения частям полиса как орга-

нам в живом организме предписываются установленные и неизменные функции. Более того, эти части служат не только для решения различных задач, но также и для определения особенно важных функций внутри государства. Принципиальное значение для обеспечения сплоченности, для укрепления единства в государстве, с точки зрения Платона, имеет то, что каждый отдельный человек в государстве выполняет только ту работу, которая является исключительным предметом его деятельности. То есть земледелец работает с землей, горшечник изготавливает горшки, а страж следит за исполнением законов и государственной безопасностью. Только при должном соответствии задач и функций образовывается настоящее государство⁸. И только тогда государство как политический организм обладает наилучшим строем, когда оно «ближе всего по своему состоянию к отдельному человеку», подчеркивает Платон (5 книга «Государства»)⁹. При этом голова служит для мышления — что соответствует правящим философам, грудь соответствует мужеству — отличительной черте стражей, а все, что ниже, относится к крестьянам и ремесленникам.

Одна из самых сильных интенций Платона в сфере политического проявлялась в том, чтобы привести полис к максимальному *единообразию*¹⁰. Как уже было сказано ранее, полис должен стараться привести свою форму и структуру к образу отдельного человека. Против этого с резкой критикой выступал в своих политических работах Аристотель. Платоновская попытка как можно сильнее унифицировать государство, по мнению Аристотеля, губительна для самого государства, потому что государство по своей природе есть множественность¹¹. Хотя государство, как и семья, должно стремиться к построению внутреннего единства, это единство должно пониматься особым образом (*οὐ πάντως*)¹².

В чем же причина того, что Аристотель столь яростно оспаривает платоновскую идею унификации государства? Почему он посвящает почти всю вторую и третью книгу «Политики» критике единства государства в платоновском понимании этого слова? Очевидно, что для Аристотеля, когда он утверждает, что государство по своей природе есть множественность, важным является нечто большее, чем просто поиск истинного определения государства. Как следует из текста «Политики», Аристотеля интересует, какое влияние на жизнь отдельных граждан оказывает определение государства как множественности. Другими словами, Аристотель задается вопросом о том, какие последствия для отдельной личности несет такая глубокая унификация государства, к которой стремится Платон в «Государстве». Аристотель тем самым отвергает и по форме, и по содержанию всю платоновскую концепцию государства. По форме — потому что каждая попытка элиминировать множественность внутри государства приводит к тому, что государство как таковое исчезает. По содержанию — потому

что, если бы государство строилось таким образом, что отменялось бы право отдельных граждан на выбор собственного образа жизни и на стремление к личному счастью¹³, то, с точки зрения Аристотеля, это противоречило бы основной идее государства: автаркии.

Аристотель заменяет платоновскую мысль о стремлении к единству внутри государства мыслью о стремлении к максимально возможной автаркии, которая представляет собой условие реализации свободной и в значительной степени независимой жизни. Такова по античным понятиям жизнь в соответствии с божественным порядком, потому что только бог является действительно самостоятельным и в абсолютном смысле свободным. Люди лишь в определенной мере могут достигнуть автаркии тем, что сплываются в государстве, объединяя свои силы и способности. В этом смысле, как замечает Аристотель в третьей книге своего политического сочинения, «большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности»¹⁴.

Образование и государство

Теперь же перейдем ко второй части моего размышления об аристотелевской критике платоновского проекта государства — к вопросу о роли образования в государстве.

Специфические особенности государства, его сильные и слабые стороны проявляются, прежде всего, в образовательной системе этого государства. Это знали и Платон, и Аристотель. И оба должным образом оценивали важность образования. Поэтому две заключительные книги «Политики» содержат собственную аристотелевскую концепцию системы образования, которая существенно отличается от платоновского проекта. Однако здесь заметно то, что Аристотель весьма осторожно критикует позицию Платона. Один из примеров этой сдержанности можно обнаружить в отрывке из второй книги «Политики». Аристотель опять-таки высказывается против платоновского стремления к унификации внутри государства. Задача воспитания (*παιδεία*) состоит в том, чтобы привести государство к общности и единству. Поэтому, продолжает он, странно (*τόπος*), что человек (Платон), который намеревался использовать образование для того, чтобы привести государство к совершенному (*σπουδαίος*) состоянию¹⁵, полагал, будто добьется этого с помощью всевозможных средств, способствующих унификации государства, а не через обращение к *обычаям, философии и законам*. Другими словами, употребляя в качестве основного средства достижения лучшего общественного состояния не *образование*, а такие методы, как отмену частной собственности, общественное владение детьми и женами и т.д. Скорее всего, данный пассаж кажется несколько путанным, однако его смысл очевиден. Не без иронии, которая передается через использование слова *τόπος*

(одного из любимых понятий Платона), Аристотель критикует своего учителя. И это несмотря на то, что Платон всегда подчеркивал высокое значение образования и был первым основателем Академии, в которой сам Аристотель пробыл почти двадцать лет.

Итак, Аристотель ставит под сомнение убеждение Платона в том, что единство и гармония могут быть установлены в государстве без обращения к *обычаям, философии и законам*. Аристотеля явно удивляло, что в качестве главного орудия работы с государством Платон выбрал не образовательную систему, а такие средства, как отмена частной собственности, общественное владение женщинами и детьми и т.д. На первый взгляд, это почти абсурдные обвинения, учитывая то, что образование у Платона в «Государстве» занимает видное место. Однако если рассмотреть концепцию образования Платона более пристально, сопоставляя ее с аналогичным проектом, предложенным в «Политике», то аристотелевская критика станет более очевидной для нас.

Платоновская концепция образования основывается на принципе педагогического отбора — постоянный контроль, оценки, экзамены и давление (ученики специально подвергаются стрессовым ситуациям с тем, чтобы проверить их реакции), чтобы выяснить, чья душа смешивается с *золотом, серебром или железом* — в соответствии с одним из платоновских символов¹⁶. В итоге, по окончании длительного образовательного процесса, остается маленькая группа людей, души которых смешались с золотом и которые в состоянии покинуть *пещеру*, чтобы жить «в чистом бытии»¹⁷. Платоновская концепция образования была нацелена на то, чтобы обнаружить и продолжить обучение людей, чьи души — душа в этом контексте понимается как орган мышления — достаточно сильны для того, чтобы повернуться к пещере¹⁸ спиной и отвернуться от всего, что может их развратить. Образование в понимании Платона является не научным предметом, не *τέχνη*, а скорее духовным упражнением (*ἄσκησις*)¹⁹, схожим с античными мистериями, ибо там также идет речь о переходе из одного мира в другой, о знании, доступном лишь немногим, и, в конце концов, об *освобождении*. Поэтому не случайно, что греческое слово *λύσις* означает не только «распутывание», «отделение», но и «освобождение». Это одно из важнейших понятий, связанных с платоновским мифом о пещере. Отсюда очевиден ответ на вопрос о том, почему, по мнению Аристотеля, платоновское понимание воспитания не может способствовать единению внутри государства. Результат образования по Платону, как следует из мифа о пещере, заключается в появлении маленькой группы «избранных», члены которой с вынужденной необходимостью готовы на определенное время брать на себя бремя управления государством. Таким образом, реализация платоновского проекта образования приводит не к единству внутри государства, а к расслоению общества, а это как раз неприемлемо для Аристотеля. Выступая против Платона, Аристотель

говорит в «Политике» об образовании, которое основывается не на отделении и отсеивании, а на сотрудничестве и развитии «коллективной идентичности»²⁰. Поэтому вполне логично, что в аристотелевской системе образования экзамены и перманентный контроль результатов сведены к минимуму. «Нельзя сравнить то огромное давление, которое в наше время испытывает даже школьник, с теми условиями, в которых рос и жил ничем не обремененный член лучшего государства», — замечает в этой связи Экарт Шютрумф, переводчик и ответственный редактор аристотелевской «Политики», изданной в немецком Академическом издательстве (Akademie Verlag)²¹. В рамках этой статьи, к сожалению, невозможно более детально рассмотреть теорию образования Аристотеля. Однако следует кратко коснуться нескольких пунктов, которые являются характерными для аристотелевского понятия образования и делают более ясной разницу между концепциями образования Платона и Аристотеля:

- Образование и добродетель имеют первостепенное значение, когда они способствуют осуществлению лучшей жизни²².
- Все граждане должны быть образованными (в том числе и женщины, которые, как замечает Аристотель, все же составляют половину свободных граждан)²³.
- Образование и воспитание должны быть для всех *одинаковыми*. Этот процесс должен длиться с 7 лет до 21 года и включать в себя обучение чтению, письму, гимнастике, музыке и рисованию.

Платон хотел, чтобы образование помогло человеку полностью отрешиться от пещеры и ее теней. Пайдейя для него состояла в *περιαισθησις τῆς ψυχῆς* (обращение души)²⁴, в то время как ожидания Аристотеля от образования заключались лишь в том, что оно должно заполнить пустое место, которое оставила незаполненной природа²⁵.

В отличие от Платона Аристотель не считает, что одного лишь разума достаточно для того, чтобы привести человека к благой и добродетельной жизни²⁶. Сперва нужно выработать в человеке хорошие привычки с тем, чтобы воспитать в нем характер, который любил бы благое и отвергал плохое. *Закон* в дополнение к *привычкам и разуму* выступает здесь как третий составной элемент.

Цель образования состоит в том, чтобы заполнить свободное время (досуг); понятие досуга Аристотель употребляет для обозначения того, что «заключает уже в самом себе и удовольствии, и счастье, и блаженство»²⁷.

Платон изображает в «Государстве» модель государственного устройства, которая, как он и сам понимал, не может быть реализована, однако он мечтал о том, что его идеал может быть полезен существующим государствам в качестве модели или примера. Аристотель не оценил этот замысел Платона. Он относился к платоновскому проекту государства не как к утопии, а как к попытке предложить

реальный политический порядок для некоего реального государства. И согласно Аристотелю, эта попытка потерпела провал, так как она исходила из специфического понимания понятия *единства*, что оказывалось губительным для самого государства. С точки зрения Аристотеля, платоновская модель государства не только не может быть реализована, его нельзя даже помыслить, потому что оно упускает из виду основную цель государства: обеспечить гражданам добродетельную, счастливую и независимую жизнь.

В этом-то и состоит решающее различие между платоновским и аристотелевским представлениями о государстве. Реальное государство является для Платона результатом необходимости (*χρεία*²⁸): людям приходится объединяться для того, чтобы выжить. Когда Платон говорит об идеальном государстве, то он имеет в виду не реальное общество, а мир чистой мысли, характеризующийся четкостью линий и пропорций (как некий воображаемый *геометрический* мир). Этот мир, основой которого является строгое единство, отделен от всего, что могло бы нарушить это единство, т.е. от всего, что является значительной частью нашего обыденного мира: множественность, разногласие, чувственность, искусство и культура²⁹.

Согласно же Аристотелю, государство происходит не из необходимости, а из желания обеспечить политические условия для возможности достижения счастливой жизни — жизни, ориентированной на добродетель. Когда Аристотель говорит о лучшем государстве, то он думает:

- о *жизни* согласно *добродетели*, требования которой не превышают возможности того, что в состоянии сделать большинство людей;
- об *образовании*, для успешного получения которого требуется не только обладание выдающимися способностями, но и счастливое стечение обстоятельств;
- о *конституции*, которая не предъявляет людям невыполнимых условий;
- короче говоря: о жизни, которую большинство людей способны вести, и о конституции, которая не является оторванной от реальности³⁰.

Проект лучшего государства Аристотеля, как мы видим, выдвигает весьма скромные требования, реализация которых на практике — дело вполне реальное. Однако и у Аристотеля была собственная политическая мечта: он мечтал о государстве, конституция которого предоставляет условия для того, чтобы любой гражданин (*ἰδιώτης*) мог осуществить свою мечту о счастье в мире спокойствия и свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Название, по мнению автора, служит удачной метафорой, отражающей всю суть аристотелевской критики государственного проекта Платона. Для Аристотеля идеальное государство Платона — это «город в облаках», воздушный замок, проект, который не может быть реализован в действительности.

² Лишь начиная с Платона, мы можем говорить о появлении *политической* философии. Он связал сократический вопрос о *благой жизни* с вопросом о *лучшем государстве* и поместил их в философский контекст.

³ Для Платона и Аристотеля большое значение имеет тесная связь между государственным строем (*πολιτεία*) и государством (*πόλις*). Понятие *πολιτεία* подразумевало под собой внутреннее единство полиса и было решающим для определения того, какие возможности имеют отдельные граждане, в частности, как претворить в жизнь их собственные представления о счастье.

⁴ Аристотель. Политика II. 1260b27-29 // Аристотель. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. — М., 1983.

⁵ Аристотель. Политика IV. 1288b35-39.

⁶ Платон и Аристотель подходили к вопросу о лучшем государстве как к проблеме лучшей конституции; потому что для обоих лучшее государство есть следствие лучшей конституции. Согласно античным представлениям, конституция регулирует не только форму правления и политико-организационное состояние государства, но также определяет жизнь каждого отдельного человека.

⁷ Платон. Государство. 462a2-b2 // Платон. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. — М., 1971.

⁸ См. там же. 431d9-b1.

⁹ См. там же. 421A1-3.

¹⁰ См. там же. 462C10.

¹¹ Платон использует для введения понятия «единообразно» числительное «один».

¹² См.: Аристотель. Политика II. 1261a16-22.

¹³ См. там же. 1263b31-32.

¹⁴ См.: Аристотель. Политика III. 1278b21-23.

¹⁵ Там же. 1281a42-1281b2.

¹⁶ См.: Аристотель. Политика II. 1263b36-40.

¹⁷ См.: Платон. Государство. 415a1-7.

¹⁸ Выражение «Жить в чистом бытии» (*εν τῷ καθάρῳ οἰκεῖν*) означает, как говорится в отрывке 520d9 «Государства», что человек удачным образом смог покинуть пещеру. Под этим выражением подразумевается то, что человек ориентирует свою жизнь на мышление и стремится к философскому познанию.

¹⁹ Пещера является обыденным миром людей, и для Платона она — мир теней, потому что люди ошибочно полагают, будто их чувства способны дать им истину.

²⁰ Для Платона образование и воспитание не только лишь *τέχνη*, а форма тренировки философского образа жизни. Именно поэтому он всячески пытался отмежеваться от проекта образования, предложенного софистами. Софисты предлагали, что образование — это искусство, обучить которому можно, в принципе, каждого. В этом смысле Аристотель оказывается ближе к софистскому, нежели к платоновскому проекту образования.

²¹ См.: Lord C. Politics and Education in Aristotle's «Politics» // Patzig G. (Hg.). Aristoteles' «Politik». Akten des XI. Symposium Aristotelicum. Friedrichshafen/Bodensee, 25. 8. — 3. 9. 1987. — Göttingen, 1990. S. 202 — 219.

²² Aristoteles. Politik, Buch VII/VIII. Über die beste Verfassung, übers. u. erläutert v. E. Schütrumpf. — Darmstadt, 2005. S. 120.

²³ См.: Аристотель. Политика III. 1283a24-25.

²⁴ См.: Аристотель. Политика I. 1260b13-18.

²⁵ См.: Платон. Государство. 518d3-7.

²⁶ См.: *Аристотель*. Политика VII. 1337a1-3.

²⁷ Примерно такой же аргумент против Платона Аристотель выдвигает в «Никомаховой этике». Он замечает, что страсти (*πάθος*) обычно укрощаются не логосом, а силой (*βία*) (1179b28-29). И далее мы читаем, что из множества разных аргументов чувства повинуются скорее необходимости, чем рациональным аргументам (*λόγος*), наказаниям, а не прекрасному и благу (*καλόν*) (1180a4-5).

²⁸ *Аристотель*. Политика VIII. 1337b33-1338a1.

²⁹ См.: *Платон*. Государство. 369b7-9 и с9-10.

³⁰ Поворот философии к миру чистых форм, миру вне пещеры предполагает, что почти все, что имеет значение в пещере, устраняется. «Очистку» проходит и культура, которая внутри пещеры предоставляет только ложное понятие истины, прекрасного и блага. Платон также стремился к миру, который в значительной степени очищен от всего, что может отвлечь душу от бескомпромиссного и аскетического поиска истины. В этом смысле государство для Платона по своему характеру является «превентивным государством, противостоящим порокам». (*Hentschke A.B. Politik und Philosophie bei Plato und Aristoteles. Die Stellung der «Nomoi» im Platonischen Gesamtwerk und die politische Theorie des Aristoteles.* – Frankfurt a. M., 1971. S. 417).

³¹ См.: *Аристотель*. Политика IV. 1295a25-40. Этот отрывок служит хорошей иллюстрацией того, что аристотелевский проект воспитания предполагает, что возможность занятия «среднего» положения в государстве реальна, а все желаемое осуществимо и достижимо.

Аннотация

Войти в политическую систему Аристотеля без понимания сути проекта платоновского «Государства» невозможно. Данная статья посвящена рассмотрению спора Платона и Аристотеля о форме политического устройства общества. Автор полагает, что специфические особенности государства проявляются в его образовательной системе, поэтому теме образования в статье отведено особое место. Анализируя аристотелевскую критику ключевых для «Государства» Платона понятий единства и образования, он подводит нас к концепции государства Аристотеля, которая подразумевает возможность реализации добродетельной, счастливой и независимой жизни в обществе.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, государство, общество, образование, единство, добродетель.

Summary

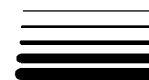
It is impossible to comprehend Aristotle's system without taking into consideration Plato's project stated in «The Republic». This article is considering Plato's and Aristotle's dispute on the form of political structure. The author supposes that specific features of the state become apparent in its education system; education occupies a special place in this article. By the analysis of unity and education as the key concepts of Plato's «The Republic», he leads us to Aristotle's idea of state that implies a possibility of virtuous, happy and independent life.

Keywords: Plato, Aristotle, state, society, education, unity, virtue.

Перевод с немецкого А.Д. Куманькова

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия. Новые публикации

НАУЧНЫЙ ЭМПИРИЗМ. РУДОЛЬФ КАРНАП

Одно из основополагающих направлений философии XX в. называлось в отечественной и мировой философской литературе по-разному: «логический позитивизм», «логический эмпиризм», «неопозитивизм», «научный эмпиризм», «научная философия», «движение за единство науки», «логика науки», «философия науки», «наука о науке», «аналитическая философия». К этому направлению относятся такие известные объединения, как Венский кружок, Берлинское общество, Львовско-Варшавская школа, имена Б. Рассела, М. Шлика, Р. Карнапа, Г. Рейхенбаха, Л. Витгенштейна, А. Тарского и других их единомышленников, последователей и учеников – Ч. Морриса, А. Айера, У. Куайна... Многие члены Венского кружка предпочитали термины «логический эмпиризм» или «научный эмпиризм». Именно благодаря выработке концепции научного эмпиризма, в центре которой были идеи единой науки и международного сотрудничества, стало возможным общеевропейское объединение сторонников научной философии. Особую роль в ее создании сыграл знаменитый Венский кружок, избравший логику в качестве основного инструмента борьбы с метафизикой.

В последние три года отмечались юбилеи многих членов и друзей Венского кружка: так, в 2010 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Алфреда Дж. Айера и 120 лет – Казимежа Айдукевича; в 2011 г. – 120 лет со дня рождения Рудольфа Карнапа, Ганса Рейхенбаха и Эдгара Цильзеля, 110 лет – Альфреда Тарского, Эрнста Нагеля и Чарльза Морриса, 115 лет – Фридриха Вайсмана, 125 лет – Курта Греллинга, наконец, в 2012 г. отмечается 110 лет со дня рождения Герберта Фейгля, Карла Поппера и 130 лет со дня рождения Морица Шлика и Отто Нейрата.

Известно, что Венский кружок стал уникальным объединением мыслителей, успешно практиковавших коллективный стиль работы в философии. Мы предлагаем читателю «Философских наук» почувствовать напряженную интеллектуальную атмосферу заседаний Кружка с помощью публикации, впервые выполненных переводов статей юбиляров из журнала *Erkenntnis*, ставшего выразителем идей научного эмпиризма, или логического позитивизма, в предвоенное десятилетие в Европе (1930 – 1939).

Публикации переводов будут дополняться краткой биографией автора, поскольку не все эти имена хорошо известны отечественным ученым, труды не всех этих авторов переводились на русский язык и изучались. Больше всех «повезло» Рудольфу Карнапу, программной статьей которого мы и начнем серию. Комментарий к этой статье написан Ниной Степановной Юлиной. Это последняя публикация ведущего отечественного специалиста по англо-американской философии.

18 мая 2011 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося философа и логика XX в. Рудольфа Карнапа (1891 – 1970).

1. Биография. Р. Карнап родился в г. Ронсдорф на севере Германии. Закончил гуманитарную гимназию в г. Бармен (ныне часть г. Вуппертайль). Затем с 1910 по 1914 гг. изучал философию, математику и физику в Йене и Фрайбурге, в частности, под руководством Готтлоба Фреге. Активно участвовал в немецком молодежном и студенческом движении. В 1914 – 1917 гг. находился на военной службе в Берлине в качестве физика, прикомандированного к армии. Защитив в 1921 г. докторскую диссертацию по проблеме пространства, написанную под руководством Бруно Бауха, Карнап продолжает изучать философию в Йене, в частности под руководством Ганса Рейхенбаха, вплоть до 1926 г. В 1925 г. по приглашению Морица Шлика он читает первые лекции в Венском кружке. Вскоре Карнап становится одним из лидеров движения логического эмпиризма. В 1926 г., представив свою работу «Логическое построение мира» («Der logische Aufbau der Welt») в Венском университете (опубликована в 1928 г.), Карнап получает разрешение на преподавание в университетах. В 1926 – 1930 гг. он – лектор по теоретической философии в Институте философии Венского университета, в 1930 – 1931 гг. – доцент того же университета, а в 1931 – 1935 гг. – доцент натуральной философии Школы естественных наук Немецкого университета в Праге. Должность ординарного профессора Карнап получил в 1936 г., находясь в это время с лекциями в Гарвардском университете, США.

В том же 1936 г. по научным и политическим мотивам и при помощи Чарльза Морриса и Уилларда Куайна Карнап окончательно эмигрировал в США и в 1941 г. получил американское гражданство. В 1936 – 1952 гг. – профессор философии в Университете Чикаго, в 1952 – 1954 гг. – приглашенный профессор в Институте передовых исследований в Чикаго. В 1936, 1940 – 1944, 1954 – 1961 гг. – заведующий кафедрой в Университете Калифорнии, Лос-Анджелес (UCLA), преемник своего друга и учителя Ганса Рейхенбаха.

Рудольф Карнап умер 14 сентября 1970 г. в Лос-Анджелесе, США.

2. Основные научные достижения. Примкнув в 1926 г. к Венскому кружку, Карнап вскоре стал лидером логического позитивизма и

внес огромный вклад в формирование аналитической философии – самого крупного и влиятельного течения философской мысли прошлого столетия. В его творчестве наиболее полно воплотился тот образ научной философии, который был провозглашен логическими позитивистами.

Одной из центральных тем в исследованиях Карнапа был поиск точного и строгого выражения основной идеи эмпиризма, трактуемой им как сведение всех предложений науки к некоторому классу элементарных («протокольных») предложений, образующих предел их логического анализа и фиксирующих «чистый» опыт. В осуществлении эмпирической редукции Карнап отводил принципиальную роль построению формально-логических языков и строгому определению процедур сведения. Другой важной темой в творчестве Карнапа был поиск адекватного критерия значения, который нашел выражение в верификационизме и которому отводилось центральное место в «очищении» науки от метафизики.

Для Карнапа логика была не только средством, но и предметом интенсивных исследований. Результаты, полученные Карнапом в области логического синтаксиса и семантики, в методологии дедуктивных наук, в построении систем индуктивной логики и в теории вероятности, имеют непреходящее значение для развития современной логики.

Во многом благодаря Карнапу логический позитивизм оставил неизгладимый след на последующем развитии философской мысли. Приоритетное внимание к логическим средствам анализа и аргументации, перевод рассмотрения философских проблем в чисто лингвистическую плоскость («в разговор о словах и их значениях»), проведение философского исследования по научным стандартам и меркам, обоснование философских положений в манере, допускающей объективную критическую оценку и т.д. – все эти качества, отличающие современную аналитическую философию, сформировались во многом благодаря усилиям логических позитивистов и Карнапа в первую очередь.

О.А. Назарова,
руководитель проекта

О СТАТЬЕ РУДОЛЬФА КАРНАПА «ПСИХОЛОГИЯ НА ЯЗЫКЕ ФИЗИКИ»*

Н.С. ЮЛИНА

В нынешней зарубежной литературе принято считать (в этом легко можно убедиться, пролистав энциклопедии и коллективные труды), что история современной философии сознания, в том числе ее физикалистской версии, ведет свое реальное начало с середины XX в. и связана с именами Дж.Дж. Смарта, Ю.Т. Плейса, Д. Армстронга, Г. Фейгля, П. Фейерабенда, Р. Рорти, Х. Патнэма и др., что именно их концепции определили *mainstream* философского развития, который сказывается по сей день. Если же обратиться к содержанию работ этих авторов, нетрудно увидеть, что многие парадигмальные идеи, мотивы, стимулы и общая стилистика уходят своими корнями в дискуссии, которые двумя десятилетиями ранее вели неопозитивисты – Морице Шлик, Карл Гемпель, Отто Нейрат и Рудольф Карнап¹. Для «пятидесятников» неопозитивизм одновременно был и объектом критики, и источником конструктивных идей. Когда следующее поколение философов сделало объектом критики «пятидесятников», неопозитивисты были отодвинуты в тень или преданы забвению. Характерно, например, что в статье «Физикализм» в «Стэнфордской энциклопедии по философии» имя Карнапа не упоминается. Между тем многие сложившиеся еще в 1930-е гг. паттерны имплицитно или эксплицитно сказываются и в нынешних дискуссиях.

В связи с этим очень кстати придется перевод и публикация статьи Рудольфа Карнапа «Психология на языке физики». В российской литературе по неопозитивизму (и в энциклопедиях) эта статья редко упоминается, а между тем она была важным сегментом неопозитивистской программы.

Карнап начинает статью такими словами:

«В данной статье разъясняется и обосновывается тезис о том, что любое предложение психологии может быть сформулировано в физическом языке; (используя содержательный способ выражения:) что во всех предложениях психологии говорится о физических процессах, а именно, о физическом поведении людей и других животных. Это – часть общего тезиса физикализма, в соответствии с которым физический язык является универсальным языком, т.е. языком, на который может быть переведено любое предложение. Этот более общий тезис обсуждался в нашей прежней статье², на формулировке которой мы будем здесь

опираться. Прежде всего, кратко воспроизведем здесь некоторые результаты наших предыдущих исследований»³.

У Карнапа были две стратегические задачи. Первая состояла в обосновании эмпирического базиса знания: нужно было показать, каким образом теоретические высказывания высшего уровня (теории) можно редуцировать к высказываниям, описывающим непосредственный опыт и подвергнуть их формализации (высказывания, не отвечающие этим требованиям, следовало считать псевдо-высказываниями). Для реализации этой стратегии им был предложен логико-лингвистический прием – анализ знания через его языковое выражение с применением к нему методов современной логики и семиотики.

Вторая задача состояла в доказательстве единства знания, или единства науки. Исходя из приоритетности логико-лингвистического анализа (лингвистического монизма), все проблемы надлежало переводить в плоскость логико-методологических средств той или иной дисциплины и на их основе вводить в рамки «единой науки». Согласно Карнапу, науки различаются не природой исследуемых объектов, а различными языками. Эти языки в принципе переводимы в физикалистский язык – наиболее универсальный, intersubъективный и лучше всего поддающийся формализации. Именно такой вариант редукции он предлагал применять ко всем дисциплинам, включая биологию, химию, социологию, психологию. Важно иметь в виду, что под «физикой» Карнап понимал «не систему известных на сегодня физических законов, а науку, которая характеризуется следующим типом образования понятий: каждое понятие сводится в конечном итоге к “параметрам состояний”, которые по определенным процедурам устанавливаются соответствия между числами и пространственно-временными точками. Тогда мы можем сформулировать наш тезис, который является частью общего тезиса физикализма, следующим образом: психология есть отрасль физики»⁴.

В рамках этих двух стратегий – обоснования возможности эмпирически удостоверимого базиса знания и на этой основе доказательства возможности единой науки – «камнем преткновения» была традиционная философия сознания с ее ментальными понятиями «сознание», «психика», «интенциональность», «свобода воли» и др., а также сопряженная с ней психология, которая продолжала считать, что психические события исследуются отличными от исследования природы методами – путем самоотчетов индивидов о внутренних духовных состояниях. Карнап считал, что высказывания, содержащие ментальные термины или ссылки на субъективные переживания, не поддаются рациональному обоснованию и порождают псевдопроблемы. Одним словом, не убрав с дороги «ментализм», нельзя доказать «единство науки». Этот тезис не предполагал, что психология должна

* Работа подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Сознание: философские и научные векторы исследования в англоязычной мысли», грант № 11-03-00421.

отказаться от своего предмета; она может заниматься им, используя привычный язык, но чтобы этот язык можно было признать рациональным, он должен отвечать жесткому требованию — он должен быть переводимым в физикалистский язык.

Чтобы решить эту задачу, Карнапом был предложен метод «трансляции». Как мыслилась трансляция? Это особый лингвистически-бихевиористский прием для осуществления теоретической редукции неопределенного языка психологии в физикалистский язык. В металингвистических дискуссиях, поясняет Карнап, важно проводить различие между *материальным модусом речи*, когда предложения данного языка говорят о каком-либо объекте (в этом модусе речи они могут вводить в заблуждение), и более корректным *формальным модусом речи* (когда способ использования слов подвергается анализу и преобразуется в системный язык). Именно формальный модус речи с его системным языком позволяет избежать ошибки редукции. Для подчеркивания этого эпистемологического различия Карнап ввел понятие *протокольного языка*, в котором предложения формулируются в материальном модусе речи, т.е. о непосредственно данных вещах, и понятие *системного языка*, в котором формулируются предложения, способные входить в формальный язык науки. Каждому предложению системного языка соответствует некоторое предложение физикалистского языка таким образом, что два предложения взаимотранслируемы. Задача состоит в показе возможной взаимотранслируемости и для предложений психологии. Психология отличается от других наук использованием специфических для нее категорий и высказываний, однако по структуре и синтаксису ее язык принципиально не отличается от языков других наук, что делает возможным перевод языка психологии в физикалистский язык. Различные протокольные языки, таким образом, выступают под-языками (sub-languages) и входят как подчиненные в физикалистский язык — универсальный и интерсубъективный. Это и есть тезис физикализма⁵. Различные области науки, включая психологию, становятся частью единой науки.

Строго говоря, метод «трансляции» Карнапа не был радикальным. Он не предполагал прямолинейную редукцию ментальных событий к нейрофизиологическим процессам мозга, а тем более микроредукцию психических событий к атомам, протонам и прочим микроэлементам. Карнап говорил, что поскольку на нынешнем уровне научного развития нам не известны факты микрофизиологии или микрофизики, рассуждать в этих терминах преждевременно, разумнее ограничиться лингвистическим уровнем. При таком анализе «фактами» будут не какие-то научные открытия или интроспективно наблюдаемые события, а то, что публично наблюдаемо. Это *факты физического поведения и вербальные факты*: только они делают возможным перевод их на лингвистический уровень и верификацию по критерию истинности.

Отбросив психологизм, Карнап с надеждой обратился к бихевиоризму с его центральным понятием «поведение» (сначала он ориентировался на немецкие варианты бихевиоризма, а позднее, в США, его привлекла скиннеровская версия): «Представленная здесь позиция в основных чертах совпадает с тем направлением в психологии, которое обозначается как “бихевиоризм”, или “поведенческая психология”, если мы примем во внимание теоретико-познавательное основоположение этого направления и отвлечемся от его специфических методов и эмпирических результатов»⁶.

В случае животных в качестве материала выступает их физическое поведение, а в случае человека — поведение вербализованное, «которое в своей основе не отличается от других поведений». Иначе говоря, предметом психологии являются не непосредственные чувственные данные, интенции, верования, ментальные события, а только физическое поведение и вербальные формы, выраженные в протокольных высказываниях.

Уже в 1930-е гг. неопозитивистам задавали вопрос: как быть с такими феноменами, как качественная окрашенность опыта, ценностные факты и субъективные переживания личности? Эти вопросы они отнесли к «иррациональным сферам». Загадки жизни и смерти, говорил Карнап, являются не теоретическими вопросами, а «жизненными ситуациями», к которым философия не имеет отношения. Задавался также вопрос о том, как решается проблема сознания/тела. Эта проблема представлялась ему метафизической и нерешаемой.

Конечно, признавал Карнап, физикалистский взгляд на психологию вызывает у людей сопротивление — чувство, которое всегда возникает при свержении привычных идолов. Тем не менее, физикализм следует рассматривать как завершающий этап длительной эволюции человеческого знания, ведущий к развенчанию антропоцентричного взгляда на человека как уникальное явление во Вселенной.

«Коперник лишил человека превосходства его центрального положения во Вселенной; Дарвин отнял у него достоинство особого сверх-животного существа; Маркс низверг факторы, каузально объясняющие ход истории, из сферы идей в сферу материальных событий; Ницше лишил истоки морали их ореола; Фрейд отправил факторы, каузально объясняющие представления и поступки людей, в темные глубины, в “низменные” области. Известно, насколько сильно это эмоциональное сопротивление мешало спокойной, объективной проверке этих теорий. Теперь же психология, которая до сих пор, как теория психических и духовных процессов, обладала определенным рода превосходством, должна быть низведена до того, чтобы стать частью физики»⁷.

В более поздних работах Карнап, не теряя оптимизма в отношении движения знания в сторону объективации, формализации и «единой

науки», предлагал более «мягкие» (толерантные) трактовки принципов физикализма и редукционизма. (Но мы будем рассматривать эволюцию его взглядов.)

Программа неопозитивистов была подвернута критике по множеству принципиальных параметров. Ее изъяны виделись в эмпирическом фундаментализме, в неправомерности принципа жесткой редукции теоретического и эмпирического, в формализме и логцизме и многом другом. Говорилось о том, что метод трансляции психического к физикалистскому, хотя и претендовал на «теорию», скорее был *идеологическим проектом*, реализация которого виделась в тумане. Говорилось и об иллюзорности преодоления метафизики путем перевода традиционных проблем на метаязыковой уровень. В этом случае онтологизации подвергались знаковые системы и логические правила языка, они превращались в конечные предельные основания мира.

Сегодня концепции неопозитивистов чаще всего помещают в разделы об истории методологии науки в XX в., и к ним редко обращаются в дискуссиях. На наш взгляд, такое забвение неоправдано. На самом деле неопозитивизм жив, во всяком случае, имплицитно. Можно сказать, что многие неопозитивистские новации продолжают работать как регулятивные идеалы. Философия может оставаться живой не в своей оригинальной форме, а в том, что она задала парадигмы, тренды, обозначила новые проблемы, предложила новую стилистику мышления. (Достаточно сравнить стилистику неопозитивистов с той, которая была присуща Дж. Ройсу, Ф. Брэдли и даже Дж. Дьюи.)

Обозначенная Карнапом дилемма «эмпирический фундаментализм *versus* антифундаментализм» по-прежнему стоит на повестке дня. Сегодня никто не спорит, что расширение объяснительных возможностей науки происходит с помощью эмпирических редукционистских методов, которые позволяют получать эффективные результаты и обнаруживать новые причинные связи явлений. Правда многие философы (и ученые) оговаривают, что проекты свести психическое к чему-то физическому ни на эмпирическом, ни на лингвистическом уровне не идут дальше спекулятивных гипотез.

Нынешние споры о «каузально закрытой физической Вселенной» — это продолжение споров неопозитивистов о «единой науке». А металингвистический уровень обсуждения этой проблемы в аналитической философии тоже является наследием неопозитивизма. Регулятивный идеал «единой науки» предполагал возможность нахождения методологических приемов, позволяющих сводить психологию к нейрофизиологии, нейрофизиологию к биологии, биологию к химии, химию к физике. Странники междисциплинарных исследований не теряют надежду найти «связующие законы» разных дисциплин.

Правда, пока никто не смог привести весомые аргументы в пользу существования таких законов.

Не сошел со сцены и бихевиоризм, на который делали ставку Рудольф Карнап и Карл Гемпель. Явные симпатии к бихевиоризму проявлял Уиллард Куайн, а Дэниела Деннета можно считать создателем особой версии бихевиоризма. Можно также напомнить, что метафизическим посылом этих двух авторов являются тезис о «каузальной закрытости физической Вселенной» и идеал «единой науки».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Юлина Н.С. Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. — М.: ИФ РАН, 2006. С. 9 — 42.

² См.: Карнап Р. Физикалистский язык как универсальный язык науки / пер. с нем. А.Л. Никифорова // Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. — М.: Идея-Пресс; «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 170 — 212.

³ Карнап Р. Психология на языке физики // Философские науки. 2013. № 1. С. 128.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ См. там же. С. 129. В публикуемом переводе употребляется другая терминология: метод перевода («трансляции»), «содержательный способ выражения» (материальный модус речи), «формальный способ выражения» (формальный модус речи), «предложения взаимопереводимы» (взаимотранслируемы).

⁶ Карнап Р. Психология на языке физики. С. 136.

⁷ Там же. С. 130.

ПСИХОЛОГИЯ НА ЯЗЫКЕ ФИЗИКИ*

Р. КАРНАП

1. Введение. Физический язык и протокольный язык

В данной статье разъясняется и обосновывается тезис о том, что любое предложение психологии может быть сформулировано в физическом языке; (используя содержательный способ выражения:) что во всех предложениях психологии говорится о физических процессах, а именно, о физическом поведении людей и других животных. Это – часть общего тезиса физикализма, в соответствии с которым физический язык является универсальным языком, т.е. языком, на который может быть переведено любое предложение. Этот более общий тезис обсуждался в нашей прежней статье¹, на формулировке которой мы будем здесь опираться. Прежде всего, кратко воспроизведем здесь некоторые результаты наших предыдущих исследований.

Когда мы ведем речь о некотором языке, мы различаем обычный, «содержательный способ выражения» (например, «Предложения данного языка говорят о таких-то и таких-то предметах») и более правильный «формальный способ выражения» (например, «Предложения данного языка содержат такие-то и такие-то слова и построены таким-то и таким-то образом»). При использовании содержательного способа выражения сохраняется опасность возникновения путаницы и псевдопроблем. Если в дальнейшем мы иногда и будем, из-за его большей понятности, использовать этот способ выражения, то лишь в качестве перефразировки формального способа выражения.

Для теоретико-познавательных дискуссий прежде всего важны протокольный язык, в котором формулируются исходные протокольные предложения (используя содержательный способ выражения: предложения о данном) соответствующего субъекта, и системный язык, в котором формулируются предложения системы науки. Проверка (верификация) предложений системы субъектом S осуществляется таким образом, что из этих предложений выводятся предложения протокольного языка S и сравниваются с предложениями протокола S . Возможность такого рода выводов предложений протокольного языка образует содержание некоторого предложения; если для предложения не существует такого рода совокупности выводов, то оно не имеет никакого содержания, является бессмысленным; если из двух предложений выводится одно и то же, то они совпадают по содержанию, говорят одно и то же, являются взаимопереводимыми.

Каждое предложение системного языка может быть переведено в предложение физического языка и обратно. Для предложений пси-

хологии это будет показано ниже. Кроме того, каждое предложение протокольного языка какого-либо субъекта может быть обратимым образом переведено в некоторое предложение физического языка, а именно в предложение о телесном состоянии данного субъекта. Тем самым различные протокольные языки становятся частями физического языка. Физический язык является универсальным и интерсубъективным; в этом состоит тезис физикализма.

Если физический язык на основании того, что по своему характеру он является универсальным, будет превращен в системный язык науки, то вся наука превратится в физику. Метафизика будет исключена как бессмысленная. Различные научные области станут частями единой науки. (В содержательном способе выражения:) существует в принципе только один тип объектов, а именно, физические процессы, и в области этих процессов существует всеобщая закономерность.

Физикализм не следует понимать так, будто он стремится обязать психологию изучать только физически выразимые состояния дел. Напротив, здесь имеется в виду следующее: психология может изучать все, что ей угодно, и формулировать свои предложения как ей угодно; но эти предложения в любом случае переводимы на физический язык.

Мы говорим о некотором предложении P , что оно является переводимым (точнее, обратимо переводимым) в предложение Q , если существуют всеобщие (т.е. не имеющие пространственно-временных ограничений) правила, по которым Q может быть выведено из P , а P может быть выведено из Q ; (используя содержательный способ выражения:) P и Q утверждают одно и то же состояние дел; (говоря теоретико-познавательного:) каждое протокольное предложение, которое подтверждает P , подтверждает также и Q , и наоборот. Определение выражения a с помощью выражений $b, c \dots$ представляет собой правило перевода, с помощью которого любое предложение, в которое входит a , может быть обратимым образом переведено в некоторое предложение, в которое входит уже не a , а $b, c \dots$. Тем самым, переводимость всех предложений языка L_1 на (полностью или частично) другой язык L_2 обеспечивается тогда, когда для каждого выражения из L_1 имеется определение, которое непосредственно или опосредованно (т.е. с помощью других определений) сводит его к выражениям из L_2 . Таким образом, наш тезис утверждает, что для каждого психологического понятия (т.е. выражения) можно сформулировать определение, через которое оно непосредственно или опосредованно сводится к физическим понятиям. Тем самым не выдвигается требование, чтобы психолог формулировал все свои предложения в физической терминологии. Психология может, как и прежде, использовать для своих целей собственную терминологию. Требуется лишь разработка указанных определений, посредством которых психологический язык включается в язык физический. Мы утверждаем, что эти определе-

* Перевод выполнен по изданию: Carnap R. Psychologie in physikalischer Sprache // Erkenntnis. 1932 – 1933. Bd. 3. S. 107 – 142 (публикуется с сокращениями)

ния могут быть сформулированы, ибо они неявно уже лежат в основе методов психологии.

Если наш тезис правилен, то также и общие предложения психологии, психологические «законы» являются переводимыми на физический язык. Таким образом, они являются физическими законами. Тем самым, однако, не делается никаких утверждений относительно того, можно или нельзя вывести эти физические законы из тех физических законов, которые действуют в неорганической сфере. Вопрос выводимости законов совершенно не зависит от вопроса выводимости понятий... Тем не менее, как только мы осознаем, что предложения психологии принадлежат физическому языку, и после того как мы преодолеем прежде всего эмоциональные затруднения, которые противодействуют этому вполне доказуемому тезису, мы будем склонны принять и пока что недоказуемое предположение, что психологические законы представляют собой частные случаи тех физических законов, которые действуют в неорганической сфере. Здесь, однако, мы никак не касаемся этого предположения.

Позволим себе краткий комментарий, выходящий за рамки предмета нашего исследования, по поводу эмоционального сопротивления тезису физикализма. То или иное положение всегда сталкивается с такого рода сопротивлением, если оно ниспровергает какого-то идола, если оно требует от нас отказаться от какого-то представления, связанного с ощущением достоинства и превосходства. Коперник лишил человека превосходства его центрального положения во Вселенной; Дарвин отнял у него достоинство особого сверхживотного существа; Маркс низверг факторы, каузально объясняющие ход истории, из сферы идей в сферу материальных событий; Ницше лишил истоки морали их ореола; Фрейд отправил факторы, каузально объясняющие представления и поступки людей, в темные глубины, в «низменные» области. Известно, насколько сильно это эмоциональное сопротивление мешало спокойной, объективной проверке этих теорий. Теперь же психология, которая до сих пор, как теория психических и духовных процессов, обладала определенным рода превосходством, должна быть низведена до того, чтобы стать частью физики. Конечно, для кого-то такой тезис может показаться обидным требованием. Поэтому мы позволим себе высказать просьбу, чтобы читатель в данном случае проявил совершенно особую объективность и непредубежденность, которые и в других случаях всегда необходимы при проверке того или иного научного положения.

2. Формы психологических предложений

Для психологии также важно различие между единичными и общими предложениями. *Единичное психологическое предложение*, например, «Господин *A* вчера днем был сердит» (аналогично физическому

предложению «Вчера днем в Вене температура воздуха была +28°»), относится к определенному человеку в определенное время. *Общие психологические предложения* имеют разную форму, из них самыми важными, вероятно, являются следующие две. Предложение может сообщать об определенном строении определенного типа процессов, например, «Состояние удивления всегда (или: всегда у господина *A*; или: всегда у членов такой-то группы) имеет такую-то структуру». *Физическая аналогия*: «Мел (или: мел такого-то вида) всегда бел». Второй важной формой является форма всеобщего условного предложения о следующих друг за другом процессах, т.е. форма каузального закона. Пример: «Если при таких-то условиях возникают представления такого-то рода, то у всех людей (или: у господина *A*; или: у членов такой-то группы) всегда (или: часто; или: иногда) возникают эмоции такого-то типа». *Физическая аналогия*: «При нагревании тела в большинстве случаев расширяются».

Научное исследование прежде всего стремится получить общие предложения. Эти предложения, однако, не могут быть установлены непосредственно, но лишь на основе имеющихся единичных предложений, через процедуру так называемой индукции, т.е. образования гипотез.

[...]

Наконец, следует рассмотреть еще предложения о психофизических взаимосвязях, например, предложения об отношениях между физическим раздражением и восприятием. Последнее также получается по индукции, а именно, частично из физических, частично из психологических единичных предложений. Сюда также относятся и важнейшие предложения гештальтпсихологии.

Общие предложения имеют характер гипотез по отношению к конкретным предложениям, т.е. проверка общего предложения осуществляется через проверку выводимых из него конкретных предложений. Общее предложение лишь в той степени обладает содержанием, в какой имеют содержание выводимые из него конкретные предложения. Поэтому именно на эти предложения должен в первую очередь быть направлен логический анализ.

Если *A* высказывает единичное психологическое предложение, например, «Вчера утром *B* был веселым», то теоретико-познавательная ситуация, в том случае, если *A* и *B* суть разные люди, отличается от той ситуации, когда *A* и *B* — один и тот же человек. Поэтому мы различаем предложения о «чужой психике» и предложения о «собственной психике». Для предложений intersubъективной науки это различие, как бы увидим дальше, теряет силу. Для теоретико-познавательного исследования первоначально субъективных единичных предложений названное различие, наоборот, является обязательным.

3. Предложения о чужой психике

Теоретико-познавательный характер единичных предложений о чужой психике прежде всего можно прояснить при помощи аналогии с предложением о физическом свойстве, которое определяется как диспозиция демонстрировать при определенных условиях («раздражениях») определенное действие («реакцию»). [Пример: тело называется «пластичным», если при воздействии деформирующих сил определенного типа и интенсивности оно переносит длительное изменение формы, не разрушаясь].

Проведем аналогию через сопоставление двух примеров. При этом нас будет интересовать теоретико-познавательная ситуация, выраженная в психологическом примере; приведенный для сравнения пример физического свойства призван лишь облегчить понимание психологического примера и вовсе не предназначен для осуществления вывода по аналогии. (Там, где текст справа и слева должен был бы повторяться, он, ради краткости, приводится только один раз.)

Предложение о физическом материальном свойстве

Пример: Я утверждаю предложение P_1 : «Эта деревянная стойка обладает высокой прочностью».

Предложение о чужом психическом состоянии

Пример: Я утверждаю предложение P_1 : «Господин A сейчас взволнован».

Возможны два пути получения предложения P_1 ; мы обозначаем их как «рациональный» и «интуитивный» методы. *Рациональный* метод заключается в том, что P_1 выводится из протокольного предложения p_1 (или нескольких таких предложений), а именно, из предложения о восприятии

формы и цвета деревянной стойки.

выразительных движений A , например, выражений лица, жестов или тому подобно, или физических последствий таких движений, например, почерка.

Для такого вывода требуется еще большая посылка O , а именно, общее предложение, что

если я воспринимаю у некоторой деревянной стойки такие-то цвет и форму, то она (в большинстве случаев) оказывается прочной. (Предложение о воспринимаемых признаках прочности.)

если я у некоторого человека воспринимаю такое-то выражение лица или такой-то почерк, то он (в большинстве случаев) оказывается взволнованным. (Предложение о мимических или графологических признаках взволнованности.)

Легко видеть, что содержание P_1 не совпадает с содержанием p_1 , а выходит за его пределы, так как для вывода P_1 из p_1 требуется еще O .

Указанное отношение между p_1 и P_1 получается также из того, что вывод P_1 из p_1 при определенных обстоятельствах может и провалиться. Может случиться так, что хотя p_1 и входит в некоторый протокол, но я все же должен отвергнуть выдвинутое системное предложение P_1 , основываясь на других протоколах; в этом случае я говорю примерно так: «Я ошибался; проверка показала,

что стойка была не прочной, хотя она и имела такие-то форму и цвет».

что A не был взволнован, хотя у него и было такое-то выражение лица».

В практической жизни чаще, чем этот рациональный метод, который предполагает теоретические знания и требует рассуждений, используется *интуитивный* метод. В соответствии с ним P_1 получается из одинаково с ним звучащего протокольного предложения p_2 :

«Стойка прочная».

« A взволнован».

В этом случае говорят также о «непосредственном восприятии»

материальных свойств, например, чужой психики, например, взволнованности A .

Также и в этом случае протокольное предложение p_2 и системное предложение P_1 не совпадают по содержанию. Различие между ними обычно потому не принимается во внимание, что в привычной формулировке оба предложения звучат одинаково. Это различие и тут можно лучше всего выявить, если рассмотреть возможность заблуждения. Может случиться так, что хотя p_2 и входит в мой протокол, но я все же должен отвергнуть выдвинутое системное предложение P_1 , основываясь на других протоколах; тогда я говорю: «Я ошибался; дальнейшая проверка показала,

что стойка была непрочной, хотя у меня было интуитивное впечатление, что она прочная».

что A не был взволнован, хотя у меня было интуитивное впечатление, что он взволнован».

[...]

Проблема теперь заключается в следующем: *какой смысл имеет предложение P_1 ?* На такого рода вопрос можно ответить лишь путем указания какого-то другого предложения (или нескольких предложений), которое (или которые вместе) имеет (имеют) такое же содержание, что и P_1 . Отстаиваемая нами концепция исходит из того, что P_1 совпадает по содержанию с некоторым предложением P_2 , в котором утверждается о наличии некоторой физической структуры, характеризующейся диспозицией реагировать определенным образом на определенные

физические раздражения; в нашем примере P_2 говорит о наличии такой физической структуры (микроструктуры)

деревянной стойки, которая характеризуется тем, что эта стойка при небольших нагрузках не обнаруживает никаких заметных деформаций, а при более высоких нагрузках до такой-то и такой-то степени прогибается, но все же не ломается.

тела господина A , в частности, его центральной нервной системы, которая характеризуется тем, что его частота дыхания и пульса повышается и при определенных раздражениях продолжает повышаться, что на вопросы он в большинстве случаев отвечает поспешно и не по существу, что при определенных раздражениях он возбужденно жестикулирует и т.п.

Согласно нашей концепции, здесь также имеется полная аналогия между физическим и психологическим примерами. Однако если мы спросим у специалистов из обеих областей их мнение о данных примерах, то ответы большинства из них будут совершенно разными. А именно, одинаковость по содержанию с P_2

для физического предложения P_1 всеми физиками будет считаться чем-то само-собой разумеющимся.

для психологического предложения P_1 будет отвергнута почти всеми психологами (за исключением радикальных бихевиористов).

Отстаиваемая большинством психологов *противоположная концепция* заключается в следующем: «Предложение, имеющее форму P_1 , утверждает наличие некоторого состояния, которое не тождественно соответствующей физической структуре, а лишь сопровождается ею и посредством нее находит свое внешнее выражение. В нашем примере:

P_1 утверждает, что стойка не только имеет выраженную посредством P_2 физическую структуру, но и, кроме того, что у нее имеется определенная сила, а именно ее «прочность»;

P_1 утверждает, что господин A не только имеет тело, которое (в соответствующее время) имеет выраженную посредством P_2 физическую структуру, но и что он, поскольку он является «психофизическим существом», кроме того обладает еще и сознанием, определенной силой или сущностью, в которой как раз и находилось это самое волнение;

эта прочность не тождественна данной физической структуре, но она находится с ней в такого рода отношении параллелизма, что она всегда имеет место лишь в тех случаях, когда имеет место физическая структура указанного вида. Вследствие этого параллелизма, описанная каузально вызываемая этой структурой реакция стойки на определенные раздражения может быть истолкована как «выражение» этой прочности.

это волнение не может быть поэтому тождественно указанной физической структуре тела, но оно находится с ней в такого рода отношении параллелизма (или в отношении взаимодействия), что оно всегда имеет место лишь в тех случаях (или, по крайней мере, часто имеет место тогда, когда налицо физическая структура тела указанного вида. Вследствие этого параллелизма, описанная реакция на определенные раздражения может быть истолкована как «выражение» этой взволнованности.

Таким образом, сама эта прочность есть *qualitas occulta*, некая сокровенная сила, которая скрывается за физической структурой, проявляясь в ней, но сама остается непознаваемой.»

Таким образом, само это волнение или сознание, атрибутом или аффектом которого является волнение, есть *qualitas occulta*, некая сокровенная сила, которая скрывается за физической структурой, проявляясь в ней, но сама остается непознаваемой.»

Эта концепция впадает в ошибку гипостазирования, в результате чего получается странное удвоение: наряду с некоторым состоянием (или позади него), наличие которого можно эмпирически проверить, принимается еще и некая «параллельная» сущность, наличие которой невозможно проверить. (Следует помнить, что мы здесь все время говорим о предложении о чужой психике.) Однако — могут нам здесь возразить — разве нельзя осуществить проверку посредством протокольного предложения p_2 об интуитивном впечатлении о

прочности стойки?

взволнованности господина A ?

Ведь это предложение, заметит возражающий, входит в протокол наряду с предложением восприятия p_1 . Разве нельзя обосновать им еще и системное предложение, содержание которого выходит за рамки содержания P_2 ? На это следует ответить так. Предложение не утверждает ничего сверх того, что в нем поддается проверке. Если бы проверка P_1 заключалась в выведении протокольного предложения p_2 , то эти предложения совпадали бы по содержанию; это, однако, уже было выше признано нами невозможным.

Другой возможности проверки P_1 , кроме как посредством протокольных предложений типа p_1 или p_2 , не существует. Если же содержание P_1 выходит за пределы содержания P_2 , то тогда соответствующая компонента не поддается проверке, т.е. является бессмысленной. Если отвергать для P_1 истолкование через P_2 , то P_1 становится метафизическим псевдопредложением.

В плане очищения от метафизических примесей различные науки находятся в настоящее время на разных стадиях. Физика, главным образом благодаря усилиям Маха, Пуанкаре и Эйнштейна, в целом практически свободна от метафизики; в психологии же, напротив, едва ли еще предпринимались усилия по превращению ее в свободную от метафизики науку. Эта разница особенно ясно проявляется в оценке соответствующими специалистами вышеприведенной позиции, которую мы отвергаем как метафизическую и бессмысленную. Большинство физиков отвергло бы как антропоморфизм, мифологию, метафизику, такого рода позицию относительно физического примера. В этом проявляется антиметафизическая установка физиков, совпадающая с нашей установкой. В отличие от этого, такого рода

позиция в психологическом примере (пусть даже и в не столь резкой формулировке) кажется сегодня большинству психологов само собой разумеющейся, очевидно получаемой посредством вчувствования. В этом проявляется метафизическая установка психологов, противоположная нашей установке.

[...]

5. Бихевиоризм и «понимающая» психология

Представленная здесь позиция в основных чертах совпадает с тем направлением в психологии, которое обозначается как «бихевиоризм», или «поведенческая психология», если мы примем во внимание теоретико-познавательное основоположение этого направления и отвлечемся от его специфических методов и эмпирических результатов. Мы не привязывали изложение своей концепции к формулировкам бихевиоризма, поскольку для нас важны лишь основные теоретико-познавательные идеи, в то время как бихевиоризм прежде всего интересуется определенными методами исследования и определенными способами образования понятий. Возникший в Америке бихевиоризм до сих пор не получил в Германии того внимания, которого он, учитывая прежде всего его теоретико-познавательный принцип, заслуживает; возможно теперь, после опубликования немецкого перевода обобщающего труда одного из радикальных представителей этого направления², его влияние возрастет.

Представители бихевиоризма пришли к своей концепции благодаря работе в области психологии животных. В этой области, где нельзя видеть никаких высказываний, а лишь лишнее слов поведение, легче всего можно получить правильную установку. Исходя из этой установки, мы затем приходим и к правильной интерпретации высказываний испытуемых, которая заключается в том, что эти высказывания должны быть истолкованы как акты «вербального» поведения, которое принципиально не отличается от какого-либо другого поведения.

В Америке радикальному бихевиоризму противостоят концепции, которые хотя и называют себя также бихевиористическими, поскольку в качестве объектов психологии они признают лишь способы поведения живых существ, но которые придерживаются мнения, что в психологии речь идет о поведении определенного рода, а именно, об «осмысленном поведении», а такое поведение якобы не может быть охарактеризовано посредством физических понятий. С одной стороны, это направление по своим практическим методам близко бихевиоризму; однако с точки зрения теоретико-познавательного основоположения оно гораздо ближе широко распространенному в Германии направлению так называемой «понимающей» психологии. Это направление отстаивает концепцию, согласно которой поведение субъекта,

хотя и не является собственно предметом психологии, но все же образует существенный исходный пункт психологического познания. Здесь точно так же подчеркивается, что при этом речь якобы идет вовсе не о поведении в его физическом качестве, но об «осмысленном поведении». Для познания этого осмысленного поведения якобы в качестве особого метода, необходимо «понимание» («понимание смысла»). Этот метод якобы чужд физике; при помощи физических понятий, как утверждают, принципиально невозможно охарактеризовать ни осмысленное поведение в целом, ни его отдельные, психологически исследуемые типы.

[...]

Задача физикализации в этой области, т.е. выделение при помощи систематических физических понятий класса «понятного» поведения и подклассов отдельных способов поведения, в настоящее время еще не решена. Но разве тогда не повисает в воздухе наш основной тезис? Он звучит так: все психологические предложения можно перевести на физический язык. Но тут нас спросят: а как далеко можем мы продвинуться в осуществлении такого перевода на современном этапе нашего познания? Уже сегодня каждое предложение психологии можно перевести в некоторое предложение, которое говорит о физическом поведении живых существ, хотя при этом для характеристики этого физического поведения и задействуются понятия, которые пока еще не физикализированы, т.е. не сведены к понятиям научной физической системы. Однако и эти понятия являются физическими понятиями, пусть даже и на примитивной стадии; точно так же как понятия «теплый» или «зеленый» (относящиеся к телам) были физическими понятиями, даже на той стадии, когда мы еще не могли выразить их через физические величины (температуру или электромагнитное поле).

Положение дел можно опять-таки прояснить на *физическом примере*. Предположим, мы нашли некоторое тело, такое что при определенном освещении, его электропроводность значительно увеличивается; однако нам неизвестно внутреннее строение этого тела, а потому мы пока еще не можем объяснить его поведение. Давайте назовем такого рода тело «детектором» для указанного типа освещения. Предположим, мы пока еще систематическим образом не установили, на какие именно типы освещения реагирует этот детектор. Но мы знаем, что те типы освещения, при которых он срабатывает, имеют также некоторое другое общее свойство, например, способность ускорять определенную химическую реакцию. Если теперь нас главным образом интересует фотохимическое воздействие освещения, но при этом выявление такого воздействия для того или иного типа освещения представляет собой сложный и требующий больших затрат времени процесс, в то время как установить реакцию детектора на освещение

требуется легко и быстро, то тогда целесообразно будет использовать этот детектор в качестве проверочного средства. С его помощью мы можем для каждого имеющегося типа освещения установить, должны ли мы ожидать желаемое фотохимическое воздействие или нет. Этому практическому применению не будет препятствовать то обстоятельство, что нам пока еще неизвестно внутреннее физическое строение детектора и мы не можем физически объяснить его реакцию. Тем не менее, несмотря на это наше незнание, мы можем сказать, что детектор выделяет для нас некоторый физически определенный класс типов освещения. Возражение, что этот класс якобы не является физическим классом, поскольку мы охарактеризовали его не посредством физического определения (*Bestimmung*) оптических величин освещения, но лишь через поведение детектора, было бы неуместным, так как, во-первых, мы ведь знаем, что посредством тщательного наблюдения за физической системой освещения мы можем определить класс тех типов освещения, на которые срабатывает детектор. На основе этого определения мы затем могли бы физикализировать детекторную характеристику типов освещения, а именно, заменить ее на характеристику, осуществленную посредством систематических физических понятий. Но уже и та характеристика указанного класса типов освещений посредством реакций детектора, которая возможна в настоящий момент, является физической характеристикой, пусть даже и не прямой. От искомой прямой характеристики она отличается лишь большей громоздкостью. Здесь налицо не принципиальная, а лишь количественная разница, которая, впрочем, достаточно велика, чтобы побуждать нас с помощью указанного эмпирического наблюдения искать прямую физическую характеристику.

С точки зрения теории познания, совершенно неважно, имеет ли детектор неорганическую или органическую природу. Функция детектора остается в принципе той же самой, имеем ли мы дело с физическим детектором определенных типов освещения, с лягушкой как детектором определенных метеорологических состояний, или (если верить тому, что пишут газеты) с собачьим нюхом как детектором определенных человеческих болезней. У нас есть практический интерес к метеорологическому прогнозу, поэтому мы можем, если у нас нет барометра, использовать лягушку. Мы должны, однако, понимать, что в ходе такой процедуры мы устанавливаем не психическое состояние лягушки, но физически определенное состояние погоды, даже если мы не можем дать описание этого состояния посредством систематических физических понятий. У нас есть практический интерес к медицинскому диагнозу, поэтому мы можем, если нам недостает непосредственно устанавливаемых симптомов, использовать утонченное обоняние собаки. Врачу при этом совершенно ясно, что он устанавливает не психическое состояние собаки, а физически

определенное состояние тела пациента. Может быть врач, при современном уровне физиологических знаний, пока еще не в состоянии дать характеристику соответствующей болезни в систематических физических понятиях. Несмотря на это, он знает, что в его диагнозе, опирается ли он на непосредственно наблюдаемые у пациента симптомы или на реакцию лабораторной собаки, устанавливается (и может быть установлено) не что иное, как характеристика физического состояния пациента. И кроме того, физиолог признает требование физикализации. Последняя, в данном случае, заключалась бы в том, чтобы охватить специфические характеристики данного состояния тела, т.е. дать определение соответствующей болезни в чисто физиологических понятиях, без какой-либо ссылки на реакцию собаки. Физиологические понятия нужно было бы затем свести к химическим, а те, в свою очередь, к физическим понятиям.

В точности таким же образом обстоит дело с «*понимающим*» психологом. Для теоретико-познавательного анализа положение дел осложняется здесь (пусть даже для психологической практики это и проще) лишь тем, что «*понимающий*» психолог при исследовании испытуемого одновременно является и наблюдателем, и детектором. В этом случае врач сам для себя является лабораторной собакой (как это чаще всего бывает и при установлении медицинского диагноза, а именно, при задействовании интуитивной компоненты диагностирования). Психолог называет «*понятным*» такое поведение испытуемого, или в частном случае, например, «*утвердительным кивком*», при котором срабатывает его детектор: т.е. в его протоколе тогда появляется предложение «*А утвердительно кивнул*». Наука является не системой «*переживаний*», но системой предложений; в науку входит не «*понимающее переживание*» психолога, но его протокольное предложение. Высказывание психологом некоторого протокольного предложения представляет собой его реакцию, теоретико-познавательная функция которой аналогична прыжкам лягушки и лаянию лабораторной собаки. Впрочем, психолог в значительной степени превосходит этих реагирующих животных по многообразию способов реакции. Благодаря этому он очень ценен для развития науки; разница здесь, однако, не принципиальная, а лишь количественная.

Поэтому к психологу предъявляются два требования. Во-первых, как и врач, он должен отчетливо понимать, что, несмотря на сложную диагностическую реакцию, он устанавливает не что иное, как наличие определенного физического состояния испытуемого, которое впрочем, вначале характеризуется лишь косвенным образом посредством этой диагностической реакции. Во-вторых, как и физиолог, он должен считать своей научной задачей физикализацию этой опосредованной характеристики. Должно быть установлено, какие физические условия соответствуют каждой из его детекторных ре-

акций. Если это сделано для каждой такой реакции, т.е. для любого типа результатов «понимания», то психологическое формирование понятий может быть физикализировано: не прямые определения, основанные на детекторных реакциях, будут заменены прямыми определениями, сформулированными посредством систематических физических понятий. Психолог тоже придет к тому, чтобы сменить лягушку на барометр. Однако и на этапе, когда используется лягушка, он разговаривает на языке физики, но лишь в примитивной форме.

[...]

7. Предложения о собственной психике; «интроспективная» психология

Предшествующие рассуждения показали, что предложение о чужой психике говорит о физических процессах в теле того или иного индивида, о котором идет речь; если интерпретировать его по-другому, то оно станет принципиально непроверяемым, а значит, бессмысленным. С предложениями о собственной психике дело обстоит точно так же; здесь мы, однако, сталкиваемся с еще более сильным сопротивлением физическому истолкованию чувственности. Легче всего видеть это родство с предложением о чужой психике, если речь идет о *собственной психике в прошлом*, например, P_1 : «Я был вчера взволнован». Проверка происходит тут либо посредством рационального вывода из протокольных предложений типа p_1 , которые утверждают о воспринимаемых сейчас записях, фотографиях, фильмах и т.п., исходящих от меня вчерашнего, либо интуитивным образом, например, на основе протокольного предложения p_2 : «Я помню, что вчера я был взволнован». Содержание предложения P_1 выходит за рамки содержания отдельного предложения как p_1 , так и p_2 , что больше всего явствует из возможности ошибки и отказа от прежнего утверждения. При проверке посредством ряда протокольных предложений типа p_1 и p_2 P_1 лишь получает все большее подтверждение. Те же самые протокольные предложения служат, однако, подтверждением для физического предложения P_2 «Мое тело находилось вчера в таком физическом состоянии, которое обычно называют “взволнованность”»; при этом P_1 тождественно по содержанию с физическим предложением P_2 .

Если мы имеем дело с предложением о *собственной психике в настоящем*, например, P_1 «Я сейчас взволнован», то необходимо четко различать системное предложение P_1 и протокольное предложение p_2 , которое может звучать точно так же: «Я сейчас взволнован». Различие состоит в том, что системное предложение P_1 может быть, при определенных условиях, отозвано, в то время как протокольное предложение, как исходное, остается. Протокольные предложения p_1 , на которые рациональным образом опирается P_1 , имеют тут, например, форму «Я чувствую, что мои руки дрожат», «Я вижу, что мои

руки дрожат», «Я слышу, что мой голос дрожит» или т.п. Здесь также содержание P_1 выходит за пределы содержания p_1 и p_2 , поскольку содержание P_1 охватывает все возможные предложения этого типа. P_1 совпадает по содержанию с физическим предложением P_2 «Мое тело находится сейчас в таком физическом состоянии, которое при проверке как мною, так и другими людьми предъявляет такие-то и такие-то признаки взволнованности»; это те признаки, которые входят в мои протокольные предложения типа p_1 и p_2 , как и в протокольные предложения других субъектов соответствующего типа (которые мы разъяснили в приведенном выше примере о чужой психике).

Приводимая таблица наиболее отчетливо демонстрирует, через параллелизм предложений о чужой психике, о собственной психике в прошлом и о собственной психике в настоящем с физическим предложением о деревянной стойке, аналогию в применении тезиса физикализма в этих трех случаях.

К физикалистскому истолкованию психологических предложений

	1. Предложение о деревянной стойке (Для аналогии)	2. Предложение о чужой психике	3. Предложение о собственной психике в прошлом	4. Предложение о собственной психике в настоящем
<i>Системное предложение P_1:</i>	«Стойка прочная»	«А взволнован»	«Я был вчера взволнован»	«Я сейчас взволнован»
а) <i>рационально полученное из протокольного предложения p_1:</i>	«Стойка имеет такие-то и такие-то цвет и форму»	«А имеет такое-то и такое-то выражение лица»	«Этот (мой вчерашний) почерк имеет такую-то и такую-то форму»	«Мои руки сейчас дрожат»
или б) <i>интуитивно полученное из протокольного предложения p_2:</i>	«Стойка выглядит прочной»	«А взволнован («А выглядит взволнованным»)»	«Сейчас вспоминаю взволнованности»	«Сейчас взволнован»
<i>P_1 совпадает по содержанию с физическим предложением P_2:</i>	«Стойка физически прочная»	«Тело А физически взволновано»	«Мое тело было вчера физически взволновано»	«Мое тело сейчас физически взволновано»
При этом физическое понятие:	«физически прочная»	«физически взволновано»		

определяется как диспозиция при таких-то и таких-то условиях реагировать так-то и так-то	«При такой-то и такой-то нагрузке происходит такой-то и такой-то изгиб, при такой-то и такой-то нагрузке происходит слом»	При таких-то и таких-то условиях возникают такие-то и такие-то выразительные движения, выражения лица, действия, слова
--	---	--

[...]

Возможно, кто-то возразит против нашей концепции, что имеется различие между переживанием и высказыванием того, что пережито, а значит не все пережитое должно обязательно получить выражение в некотором протокольном предложении. Подразумеваемое здесь различие действительно имеет место, хотя мы и формулируем его по-другому. Предложения P_1 « A видит сейчас красное» и P_2 « A сейчас говорит: «Я вижу красное»», например, не совпадают по содержанию. Также из P_1 нельзя вывести P_2 , но можно вывести лишь условное предложение «Если имеет место то-то и то-то, то P_2 ». А именно, P_1 сообщает о физическом состоянии индивида A , которое устроено таким образом, что из него, при определенных условиях, следует сообщаемый посредством P_2 процесс высказывания.

Если мы рассмотрим процедуру, по которой в науке обычно упорядочиваются результаты так называемой интроспекции, то мы заметим, что эти результаты фактически обрабатываются физикалистски; однако осуществляемый на практике физикализм, как правило, не признается теоретически. Психолог A публикует свои исследования; читатель B читает в этой публикации среди других и предложение « A был взволнован» (ради ясности мы пишем « A » вместо слова «я», которое B в процессе чтения должен заменить на « A »). Для B это предложение является предложением о чужой психике; в нем B не может проверить ничего другого, как то, что тело господина A тогда находилось в таком-то и таком-то физическом состоянии (как мы это обнаружили при анализе предложения о чужой психике P_1). Хотя B и не мог сам наблюдать это состояние, но он может его теперь вывести косвенным образом. А именно, сначала он видит названное предложение в книге, на титульном листе которой A фигурирует в качестве автора. На основе полученного ранее по индукции общего предложения, B делает отсюда (вероятностный) вывод, что напечатанные в книге предложения написал A ; отсюда, также на основе полученного ранее по индукции предложения, которое утверждает, что A заслуживает доверия, B далее выводит, что если бы он наблюдал тело господина A в указанное время, то он (вероятно) смог бы подтвердить указанное состояние (физической) взволнованности. Поскольку это

подтверждение может относиться лишь к физическому состоянию тела господина A , то также и здесь прочитанное в книге предложение может иметь для читателя B лишь физический смысл.

Вообще говоря, высказанные, написанные или напечатанные психологом протокольные предложения, которые основываются на так называемой интроспекции, должны сначала рассматриваться читателем, а значит и всей интерсубъективной наукой *не в качестве научных предложений, а в качестве научных фактов*. Запутанность теоретико-познавательной ситуации, в которой в настоящее время находится психология, большей частью вызвана смешением фактов, имеющих форму предложений с самими этими предложениями как составной частью науки. [...] Интроспективные высказывания психолога принципиально следует истолковывать точно так же, как и высказывания других испытуемых, о которых он сообщает; их, в лучшем случае, можно рассматривать лишь в качестве высказываний особенно заслуживающего доверия и искушенного испытуемого. А высказывания испытуемого в принципе следует истолковывать точно так же, как и остальные его произвольные или непроизвольные движения; его речевые движения, в лучшем случае, можно использовать лишь в качестве особенно богатых содержанием движений. Движения же речевых органов и других частей тела испытуемого в принципе следует истолковывать точно так же, как и движения животного; первые, в лучшем случае, могут быть в большей степени использованы лишь для формулировки общих предложений. А движения животного в принципе следует истолковывать точно так же, как и движения вольтметра; движения животного, в лучшем случае, лишь могут быть использованы гораздо более многообразно, чем движения вольтметра. Движения же вольтметра в принципе следует истолковывать точно так же, как и движения дождевых капель; первые, в лучшем случае, лишь могут предоставлять больше возможностей для выводов о других процессах, чем последние. Во всех названных случаях речь в принципе идет об одном и том же: из некоторого физического предложения посредством каузального вывода, т.е. с помощью общих физических формул, называемых законами науки, выводятся другие предложения. Различной в приведенных примерах является лишь степень плодотворности посылки: из показаний вольтметра можно, наверное, вывести больше важных для науки предложений, чем из движения дождевой капли; из речевых движений — в некотором отношении больше, чем из других движений людей. В том случае, который мы здесь рассматриваем, вывод из признаков сообщаемого состояния дел имеет особенно странную форму. При использовании интроспективного высказывания о собственной психике (например, A говорит: « A взволнован»), оно рассматривается как акустический процесс, как признак; и сообщаемое состояние дел располагает здесь

благоприятными, хотя и часто встречающимися в науке условиями такого рода, что оно обозначается предложением, которое само имеет форму указанного акустического процесса («А взволнован»). [Условия заключаются в том, что соответствующее лицо считается заслуживающим доверия и имеющим опыт в психологических сообщениях, и что используемый им язык является тем же самым языком, в котором формулируется научная система.] Это совпадение по форме акустического факта и выводимого из него научного предложения объясняет нам, почему указанное смещение так легко возникает, но с таким большим трудом устраняется. Вызываемая этим смещением роковая путаница исчезнет, как только мы уясним себе, что здесь, как и в других указанных случаях, речь идет о выводе сообщаемого состояния дел из его признака.

То, что не-физическое истолкование так называемых интроспективных высказываний недопустимо, становится особенно ясно, если мы поразмыслим, каким образом мы обучаемся речи на основе так называемой интроспекции. Усталый ребенок говорит: «Теперь я рад, что нахожусь в кровати». Если мы исследуем, как ребенок обучился этой речи о собственной психике, то окажется, что мама при сходных обстоятельствах говорила ребенку: «Теперь ты рад, что находишься в кровати». Итак, мы видим: *A* обучается высказыванию протокольного предложения p_2 от *B*, который, однако, подразумевает дословно совпадающее с p_2 системное предложение P_2 , являющееся для *B* предложением о чужой психике. Тем самым, обучение речи заключается в том, что *B* прививает *A* определенную привычку, а именно, привычку в определенных ситуациях определенным образом «вербализовать», как говорят бихевиористы. Эта привычка направляется обычно таким образом, что порождаемая речевыми движениями ребенка *A* последовательность слов совпадает с предложением интерсубъективного физического языка, которое выражает соответствующее состояние *A*; но — это очень существенно — оно выражает состояние *A*, как его воспринимает *B*, т.е. описывает физическое состояние тела *A*. Это особенно отчетливо демонстрирует пример с ребенком. Предложение «Ты рад», высказанное матерью, является предложением о чужой психике, и согласно изложенному нами выше, не может означать ничего, кроме физического состояния. Таким образом, ребенку прививается привычка, при определенных условиях высказывать предложение, которое выражает его физическое состояние, наблюдаемое (или выведенное из наблюдаемых признаков) другим лицом. Если позднее ребенок произносит те же самые звуки, то из этого нельзя вывести ничего более того, что тело ребенка вновь находится в состоянии указанного типа.

8. Заключение

Так называемые психологические предложения, будь то конкретные предложения о чужой психике, о собственной психике в прошлом, о собственной психике в настоящем или общие предложения, всегда переводимы на физический язык. Каждое психологическое предложение относится к физическим процессам в теле соответствующего индивида (или индивидов). Поэтому психология является разделом единой науки, которая строится на основе физики. Под «физикой» мы понимаем не систему известных на сегодня физических законов, а науку, которая характеризуется следующим типом образования понятий: каждое понятие сводится в конечном итоге к «параметрам состояний», которые по определенным процедурам устанавливают соответствия между числами и пространственно-временные точки. Тогда мы можем сформулировать наш тезис, который является частью общего тезиса *физикализма* следующим образом: *психология есть отрасль физики*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Carnap R. Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft // Erkenntnis. 1931. Bd. 2. S. 432 – 465. Перевод на русс. яз.: Карнап Р. Физикалистский язык как универсальный язык науки / пер. с нем. А.Л. Никифорова // Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. – М.: Идея-Пресс; «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 170 – 212.

² См.: Watson J.B. Der Behaviorismus. – Stuttgart, 1930.

Комментарий переводчика:

Остановимся подробнее на проблеме перевода на русский язык термина «physikalisch», с тем чтобы обосновать наш перевод этого термина как «физический», в частности, в таких словосочетаниях как «physikalische Sprache». В русскоязычной методологической литературе имеется традиция использования в данном и аналогичных случаях термина «физикалистский», как производного от термина «физикализм». Укоренились определенные терминологические клише: «физикалистское понятие» (когда в оригинале речь идет о «physikalischer Begriff»), «физикалистский язык» («physikalische Sprache»), «физикалистская картина мира» («physikalisches Weltbild») и т.п. При переводе настоящей статьи мы постарались отойти от этой традиции, поскольку считаем, что такой перевод указанного термина по сути неверен, как по чисто лингвистическим (языковым) основаниям, так и с теоретико-методологической точки зрения.

В качестве основного аргумента в пользу сохранения перевода «physikalisch» как «физикалистский» обычно приводят «исторический» довод, а именно, отсылку к «традиции» и «устоявшемуся переводу». Этот довод, однако, представляется не особенно убедительным – если традиция содержит очевидную ошибку, то стоит попытаться эту ошибку исправить, а не воспроизводить ее вновь и вновь.

В собственно языковом плане следует подчеркнуть, что в немецком языке слово «physikalisch» означает именно «физический» (в смысле – «относящийся

к науке физике»), в чем несложно убедиться, заглянув в любой немецко-русский словарь, или же обратившись к устойчивым терминологическим словосочетаниям, содержащим это слово. К примеру, «physikalische Chemie» переводится как «физическая химия» (а вовсе не как «физикалистская химия!»), «physikalische Größe» – «физическая величина» (а не «физикалистская величина»), «Physikalische Zeitschrift» – «Физический журнал» (а не «Физикалистский журнал»)¹.

Что касается методолого-терминологического аспекта данного вопроса, важно отметить, что если на то нет каких-то особо серьезных причин (например, наличие явной омонимии в одном языке и отсутствие аналогичной омонимии в другом языке), то нужно избегать ситуации, когда в одном и том же контексте, один и тот же (по форме и по смыслу) термин, произвольным образом переводится по-разному. Возьмем, например, начало предпоследнего абзаца первого параграфа статьи Карнапа: «Besteht unsere These zu recht, so sind auch die generellen Sätze der Psychologie, die psychologische “Gesetze”, in die physikalische Sprache übersetzbar. Sie sind somit physikalische Gesetze» (перевод см. с. 129 выше). Здесь интересующий нас термин – «physikalisch» – употребляется два раза, в словосочетаниях «physikalische Sprache» и «physikalische Gesetze». Перевод этого термина посредством двух различных слов был бы явно произвольным решением и неизбежно привел бы к искажению смысла исходного утверждения. Точно так же, как второе из указанных словосочетаний означает «физические законы» («законы физики»), первое словосочетание означает «физический язык» («язык физики»). Если же принять перевод «физикалистский язык», то для единообразия используемой терминологии пришлось бы и «physikalische Gesetze» переводить как «физикалистские законы» – явно неверный перевод, не просто вводящий в заблуждение, но лишаящий смысла исходный текст.

Кроме того, следует учитывать, что наряду с термином «physikalisch» Карнап использует и термин «physikalistisch» (как производный от термина «Physikalismus»), который собственно и должен переводиться как «физикалистский» (относящийся к концепции физикализма). Например, «physikalistische Einstellung» – «физикалистская установка», «physikalistische Deutung» – «физикалистское истолкование» («истолкование в духе физикализма») и т.п. Перевод «physikalisch» как «физикалистский», полностью нивелировал бы это важное различие между «относящийся к науке физике» и «относящийся к концепции физикализма», которое проводит Карнап.

Нужно также учитывать имеющееся в немецком языке различие между словами «physikalisch» и «physisch». Первое означает «физический», в смысле «относящийся к науке физике», а второе – «физический», в смысле «природный, телесный» («physikalische Chemie» – «физическая химия», но «physische Geographie» – «физическая география»). Поэтому, хотя термины «physikalisch» и «physisch» переводятся одним русским словом «физический», но из контекста должно быть каждый раз ясно, где речь идет о науке физике, а где – о материальной (природной) действительности. Такое употребление полностью соответствует омонимичности данного слова в русском языке. Возьмем, например, окончание самого первого предложения статьи, где говорится: «alle Sätze der Psychologie von physikalischen Vorgängen sprechen, nämlich von dem physischen Verhalten von Menschen und anderen Tieren». «Physikalische Vorgänge» тут нужно переводить как «физические процессы», имея в виду процессы, изучаемые наукой физикой (перевод «физикалистские процессы» был бы явной бессмыслицей), а «physischen

Verhalten» означает «физическое поведение» (в смысле – телесное, природное поведение).

Исходя из этих соображений, в русском переводе данной статьи термин «physikalisch» последовательно передается как «физический» (или «относящийся к физике»): «physikalische Sprache» – «физический язык» (или «язык физики»), «physikalischer Begriff» – «физическое понятие» («понятие физики»), «physikalisches Weltbild» – «физическая картина мира», и т.д. При этом важно иметь в виду, что говоря о «физическом», как относящемся к физике, последнюю нужно понимать в максимально широком смысле, а не как какую-то конкретную физическую теорию, на что также указывает Карнап в заключительных замечаниях к своей статье.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Physikalische_Chemie, http://ru.wikipedia.org/wiki/Physikalische_Zeitschrift, http://de.wikipedia.org/wiki/Physische_Karte

Аннотация

В данной статье Карнап распространяет программу физикализма на область психологии, демонстрируя, что все утверждения психологии могут быть переведены на язык физики и, таким образом, что психологические законы могут быть истолкованы как физические законы. Утверждается, что каждое психологическое предложение относится к физическим процессам в теле соответствующего индивида (или индивидов), а значит, психология является разделом единой науки, которая строится на основе физики. Физика при этом понимается предельно широко как некоторая общая наука, устанавливающая соответствия между числами и пространственно-временными точками.

Ключевые слова: физикализм, бихевиоризм, предложения психологии, перевод на язык физики.

Summary

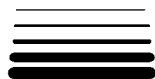
In this paper Carnap extends the program of physicalism to psychology, by demonstrating that the statements of psychology can be translated into the physical language, and thus, that the laws of psychology can be interpreted as the laws of physics. It is claimed that every psychological sentence is related to physical processes in the body of the corresponding individual (or individuals), and hence, psychology is a subdiscipline of a unified science built on the basis of physics. Physics is understood here in a maximal broad sense, as some general science, which sets up correspondences between numbers and time-space points.

Keywords: physicalism, behaviorism, psychological sentences, translation into the physical language.

Перевод Я.В. Шрамко

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

«ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА»

Всероссийская конференция

Москва, Институт философии РАН, 15 – 16 ноября 2012 г.

Д.А. КИБАЛЬЧИЧ

Последние десятилетия отечественных историков ознаменовались примечательными изменениями в плане понимания исторической науки и ее задач. Вместе с тем не вызывает сомнения факт, что и историки философии не могли оставить в стороне осмысление методов и проблемных вопросов, связанных со своей деятельностью – в конечном счете, вопрос как «писать» историю, так и не снимался с повестки дня, начиная с появления этой дисциплины. Однако историки философии не так часто проводят мероприятия, посвященные не конкретным предметным исследованиям, а осмыслению истории философии, ее методов и места в современном мире. Вероятно, именно поэтому конференция вызвала пристальный интерес не только историков философии, но и известных отечественных философов, которые поделились своими соображениями относительно значения истории философии и ее использования в своей собственной работе.

Конференция готовилась не как рядовое мероприятие и при ее подготовке высказывались разные взгляды на то, какую форму она должна принять, тщательно отбирались доклады и возникали некоторые опасения относительно успеха этого начинания. В итоге тревожные ожидания перед конференцией оказались напрасными, и ощутимое большинство присутствующих посчитало ее успешной.

Учитывая, что материалы конференции будут полностью изданы с расширениями и дополнениями, предлагаемый обзор имеет смысл посвятить не протокольному изложению прочитанных докладов и развернувшимся дискуссиям, а ключевым темам, прошедшим через конференцию, и рассмотрению ее формата, который, как уже было отмечено, оказался нетипичным для подобных мероприятий.

Применительно к итогам конференции трудно говорить о каких-либо однозначных выводах. Тем не менее, можно сказать о круге принципиально важных для отечественных историков философии вопросов, которые были конкретизированы и на которые присутствующие постарались ответить. В заключительном слове председатель оргкомитета и идейный вдохновитель конференции заведующая отделом истории философии ИФ РАН *Н.В. Мотрошилова* с удовлетворением отметила: «Видно, что мы – сообщество, что мы хотим обсуждать свои проблемы вместе... у

нас разные подходы и это хорошо – по крайней мере, мы не тоскуем по тем временам, когда у нас был один подход». Эти слова прекрасно характеризуют активную и напряженную дискуссию, которая велась на протяжении двух дней в Институте философии РАН.

Круг обсуждаемых вопросов можно рассматривать под разными углами, однако в наиболее общем виде первая сквозная тема, которую затронули практически все участники, касалась статуса истории философии как науки и той роли, которую она играет, или может играть, для самой философии. Вторая тема связана с внутренними отношениями историко-философских подразделений по всей стране и за рубежом и выработкой общего языка (например, применительно к терминологии), который был бы ясен специалистам в разных областях истории философии и помог бы осуществить их более плотное сотрудничество. Третья тема, хоть и не значилась в заголовках докладов конференции, звучала постоянно как в самих докладах, так и в дискуссиях. В общих чертах ее можно сформулировать как проблему востребованности истории философии в современной России и ее места в системе образования.

Начинания и ожидания, связанные с проведением конференции основывались на том, что стандартная форма подобных мероприятий и последующая публикация материалов может быть усовершенствована. Типичная конференция предполагает прочтение докладов на тематических круглых столах с последующей дискуссией среди узких специалистов по частным вопросам. Однако, несмотря на действенность такой формы в случае изучения частных вопросов и для ознакомления с последними исследованиями своих коллег, эта форма позволяет получить исключительно фрагментарное представление о конференции и освещенных на ней вопросах. Прошедшее мероприятие ставило перед собой иные, и значительно более масштабные задачи. Одной из ее важнейших целей было собрать исследователей из различных предметных областей и разных частей страны для обсуждения и выработки общего понимания тех проблем и тенденций, с которыми сталкивается современная история философии – вызовов XXI в.

Регламент позволил принять лишь часть предоставленных на доклады заявок, однако значительное количество людей приехало из разных городов для участия в дискуссии, которая в связи с этим оказалась проблемной и острой. Выбор, связанный с отказом от параллельного проведения круглых столов, был действительно тяжелым – заседания проводились последовательно в одном помещении и практически все присутствующие продемонстрировали глубокий интерес к вынесенным на обсуждение темам. Применительно к поставленным целям это начинание можно признать удачным – без этого решения активные обсуждения среди специалистов из различных областей истории философии оказались бы невозможными. Более того, выяснилось принципиальное согласие между участниками по поводу основного круга проблем, связанных с сегодняшними реалиями историко-философской специальности. В своем заключительном слове заведующая сектором восточных философий ИФ РАН *В.Г. Лысенко* отметила, что отсутствие разделения на параллельно идущие секции стало «редким шансом встретиться с коллегами по цеху и пого-

ворить о наших общих проблемах». У нее также сложилось оправданное впечатление, что проблемы историков философии из разных областей (будь то традиции восточные или западные) являются типологическими и общими. Судя по развернувшимся дискуссиям эту точку зрения нельзя считать бесосновательной.

Похожие мысли по поводу идеологии конференции в заключительной дискуссии также удачно выразил главный научный сотрудник сектора истории западной философии ИФ РАН *Э.Ю. Соловьев*. По его словам, попытка придать конференции именно такую форму позволила «избежать двух опасных крайностей», первая из которых делает конференцию «компендиумом сочинений», практически лишенным последующей дискуссии, а вторая состоит в «запланированном безрезультатном ученом споре», когда дискуссия является самоцелью и отсутствует даже попытка выработать общее видение или решение по обсуждаемому вопросу.

По результатам конференции можно отметить, что даже несмотря на критику регламента некоторыми участвующими и незапланированные изменения в ходе ее проведения, идея была широко поддержана и реализовалась в некоторых аспектах неожиданно удачно даже для самих организаторов. Несомненная заслуга конференции с одной стороны заключалась в возможности конкретизировать смещение основного круга проблем за последние десятилетия, а с другой, на фоне понимания этих общих проблем, сплотить практикующих специалистов со всей страны (будь то историки отечественной мысли, исследователи античной философии, восточных традиций или современной западной философии).

Первый из основных вопросов был поднят в начале конференции, и его обсуждения не утихали до самого конца. Вопрос заключался в отношении различных предметных философских дисциплин к историко-философской науке. Во вступительном слове *Н.В. Мотрошилова* подчеркнула необходимость изучения философами истории своей дисциплины и опасности ее незнания и что на сегодняшний день в академической среде имеются силы, которые, по тем или иным причинам, пропагандируют среди студентов незнание истории философии, так как она якобы мешает оригинальности собственного мышления.

В развитие этой темы академик РАН *В.С. Степин* подчеркнул, что история философии призвана определять и сохранять самые ценные идеи, которые генерируются в рамках философии, обогащая их новыми смыслами. Можно обозначить два принципиальных подхода к реконструкции. Первый связан с сугубо исторической работой; второй подразумевает философскую рефлексию, позволяет автору целенаправленно читать философов прошлого как своих современников, создавая свою интерпретацию текстов отдельных философов в частности и истории философии в целом. Таким образом, история философии служит важным и ценным материалом и гармонично включается в философию. Она полезна для философа, и понимание философских систем прошлых веков в качестве устаревших и представляющих интерес исключительно для историка принципиально неверно.

На доклад академика В.С. Степина живо откликнулся профессор НИУ ВШЭ *А.Л. Доброхотов*, в противовес сказанному указавший на принципи-

альный конфликт между действующим философом и историком философии. Работа историка, по его мнению, заключается в демонстрации законов детерминации, в то время как философ не обременен никаким методом и говорит от своего лица. Та история философии, которую пишет философ и которую Степин обозначил как возможную форму реконструкции, есть лишь попытка выразить свои идеи и заблокировать чужие. История философии «пытается гипнотизировать» и мешает мыслить самостоятельно. Если историку философии не мешает философ, то философу историк философии мешает очень сильно, пытаясь заставить его играть на своем поле, ограничивая свободу мышления.

Такие опасения относительно истории философии разделил и заведующий сектором этики ИФ РАН *Р.Г. Апресян*. Он подчеркнул, что обращаться к истории философской мысли необходимо аккуратно, так как существует большой соблазн замены аналитической работы, выдвижения аргументов и их критики, на отсылки к авторитетам. По его мнению, обсуждение целого ряда тем и аргументов зачастую сводится к указанию на несколько великих имен мыслителей прошлого. Подобная ситуация не является благоприятной и принципиально важно искать пути выхода из нее. По сути, это наследие советского режима (когда свои мысли привязывались к мыслям классиков), которое мы не смогли изжить до сих пор.

Применительно к этому интересна позиция *В.В. Васильева*, заведующего кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Он отметил, что в Советском Союзе история философии считалась наиболее престижной специальностью в рамках философского образования и остается такой до сих пор, в то время как в США она считается вторичной и не столь значимой. Он подчеркнул, что времена Советского Союза смешали области работы философа и историка философии. Однако вместе с тем он заметил, что и без этого отечественное философское образование базируется на систематическом изучении истории философии, что открывает широкие возможности по обобщению исследуемого материала, недоступного многим зарубежным философам, которые получают узкоспециализированное образование и зачастую не имеют какой-либо осязаемой историко-философской подготовки. Вместе с тем, отметил он, при том количестве отечественной историко-философской литературы, которая издается на сегодняшний день, практикующим философам не стоит бояться экспансии на свою территорию, так как эти работы выходят маленькими тиражами и в основном остаются незамеченными никем, кроме узких специалистов по данной теме (если такие вообще имеются).

Тема советской и современной российской истории философии звучала и в речи директора Института философии РАН, академика *А.А. Гусейнова*. К историко-философской работе он отнес переводы и комментирование текстов прошлого, обозрение и популярное изложение (что является самым распространенным жанром) и, наконец, вернулся к истории философии, написанной философом. Здесь, по его мнению, неустраним существенный вопрос: является «авторская история философии» (т.е. переосмысление и свой взгляд на мыслителей прошлого)

жанром истории философии или же представляет собой одну из форм собственного теоретизирования. Ответ же находится где-то посередине, и понимание тех форм, в которых предстает современная история философии, требует тщательного осмысления.

Р.Г. Апресян обозначил еще одну немаловажную тему. Он указал на то, что хотя традиционно в отечественных предметных исследованиях по философии авторы дают историю вопроса, эта история отличается по форме от таковой у историков философии. В этом аспекте несомненной проблемой является недостаточная комплементарность между философскими подразделениями. Например, написанные философом работы по истории этики или эстетики не воспринимаются как работы, представляющие интерес для историка философии; в равной степени и предметные специалисты предпочитают изучение работ своих коллег сугубо историческим трудам. Историко-философский подход отличается от историко-дисциплинарного в аспекте подхода к самой философии. Работы по истории философии имеют определенный канон и более похожи друг на друга, чем те истории конкретного вопроса, которые написаны в форме философского исследования. Тем не менее, автор доклада также не обошел вопрос о соотношении философии и ее истории, отметив важность историко-философских исследований для освещения предметного анализа. «Когда говорят, — подчеркнул он, — что история философии не отличается от истории других дисциплин, то это неверно — история философии для философии имеет особый статус. История философии — это исключительный ресурс для извлечения и корректировки идей, которые исследует философ».

Вопрос о статусе истории философии и формах ее взаимодействия с современной философией широко обсуждался и другими выступавшими, однако участники более или менее сходно понимали эту проблематику, находя в истории философии источник вдохновения и идей. Судя по активному обсуждению, не менее важен был и статус истории как научной дисциплины. По мнению **А.В. Черняева** (научный сотрудник сектора истории русской философии ИФ РАН), история философии по своему методу (источниковедение, реконструкция, дескрипция) схожа с методами классической истории. Однако вслед за «новой исторической наукой», направленной на описание самого бытия человека в прошлом, она также постепенно смещает свои акценты и где-то опережает ее, а где-то история ментальности «наступает ей на пятки». В этом аспекте представляется важным сотрудничество историков из разных областей и поиск новых путей изложения исторического материала. С необходимостью подобного рода исследований согласился и **П.В. Резвых** (доцент кафедры истории философии факультета философии НИУ ВШЭ). В своих тезисах он отметил: «Преодоление сложившихся стереотипов возможно лишь на путях междисциплинарного сотрудничества историков философии с историками-архивистами, филологами, историками науки, социологами и т.д., осуществляемого в форме решения вполне конкретных исследовательских задач усилиями научных групп, объединяющих разнопрофильных специалистов».

В конце второго дня конференции **С.А. Чернов** (зав. кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного университета телекомму-

никаций) продолжил углубление темы понимания истории философии как науки, постаравшись показать различие истории философии и самой философии как чего-то большего, чем наука и не ограничивающегося ее методами. По его мнению, философия свободна от научности и может подвергнуться сомнению даже сами научные методы и их ценность. Историк же философии должен руководствоваться научными методами, стараясь быть максимально объективным. Солидаризируясь с **А.Л. Доброхотовым** и рядом других выступавших, он подчеркнул, что для философа в первую очередь важна оригинальность взгляда. По этой причине философ имеет полное право вольно обращаться с текстами своих предшественников, в то время как перед историком стоят совершенно иные цели и задачи, среди которых на одном из первых мест стоит точность изложения материала. В дискуссии можно было наблюдать, с одной стороны, обсуждение философии как свободной от каких-либо ограничений, а с другой, — полемику относительно таких ограничений для истории философии.

В противовес позиции, изложенной выше, **М.Н. Громов** (зав. сектором истории русской философии ИФ РАН) заметил, что восприятие истории как точной науки (и истории философии как ее направления) сохранилось со времен СССР и, вместе с тем, является иллюзорным и ошибочным. История всегда предполагает персональный взгляд историка на способ реконструкции. Однако это не проблема, а особенность исторической науки и истории философии как ее ответвления.

В конечном итоге, мы не можем сказать о единодушии участников конференции применительно к данному вопросу. Некоторые специалисты ставили под сомнение необходимость истории философии для практикующего философа; были и такие, кто говорил о фундаментальной важности истории философии (хотя последних было несколько больше — видимо, в силу того, что противники истории философии не ходят на историко-философские конференции). **И.И. Блауберг** (ведущий научный сотрудник сектора современной западной философии ИФ РАН) подчеркнула принципиальное противоречие между историей философии, написанной философом и историей философии, написанной историком философии. **В.Г. Лысенко**, вслед за **М.Н. Громовым**, в противовес этому подчеркнула в своем выступлении, что история философии не может быть объективной и различие между философом и историком заключается только в разной степени интерпретативности. **Р.А. Громов** (зав. кафедрой истории философии Южного федерального университета), не соглашаясь с этим, заявил, что история философии должна покончить с авторскими интерпретациями и самовыражением исследователя — только это условие поможет ей выжить в современном мире. Вместе с тем сама философия должна для своего выживания выбрать путь либо «историзации», либо «логизации», как это произошло в американских и многих европейских университетах.

Высшего накала по этому вопросу дискуссия достигла с выступлением **Э.Ю. Соловьева**, заявившего, что если статус философии как науки неоднозначен (и здесь вызывает удивление нахождение Института философии в структуре Академии наук), то статус истории как науки несомне-

нен. Таким образом, разумнее было бы иметь не Институт философии с отделом истории философии, а Институт истории философии с отделом философии. Философия, подчеркнул **Э.Ю. Соловьев**, должна представлять собой живую мысль. Жесткие институциональные рамки только мешают ей развиваться и функционировать — философия должна воплощаться в работе подвижных групп и идейных течений, возникающих спонтанно, по озарению. Тем не менее, подготовка философов по-прежнему должна быть основана на истории философии, при помощи которой философы могут разглядеть проблемное поле, на котором смогут основывать и развивать свои идеи.

На основе разного рода авторского видения указала **Н.В. Мотрошилова** — особенная опасность для историка философии заключается в отсутствии ясного понимания своих целей. Историк является исследователем, который обязан быть точным и аккуратным применительно к исследуемому предмету. Одной из важнейших проблем является анализ текста и точного использования и перевода терминов. Однако имеется одна существенная проблема, которая выражается в печальных словах «поезд уже давно ушел». Термины мыслителей прошлого (будь то «метафизика», «онтология» или даже сама «философия») обрели новую жизнь в современном лексиконе философа. Историкам же на сегодняшний день просто необходимо стараться быть более ответственными в тех ситуациях, когда они приписывают философам использование тех или иных понятий. Историкам философии необходимо максимально точно передавать характерную для автора систему понятий. Некоторые термины философы прошлого не употребляли и не могли употреблять. Мы же, описывая их системы современным языком, в конечном счете лишь искажаем их философию. Солидаризировалась с этой позицией и **М.А. Солопова**, старший научный сотрудник сектора истории западной философии ИФ РАН, сказавшая, что аккуратность при работе с терминологией является одной из важнейших задач сегодняшнего дня. Когда употребление того или иного понятия не является однозначным, его надо оговаривать и уточнять.

Продолжением этого призыва стал доклад профессора **А.Н. Круглова** (кафедра истории зарубежной философии философского факультета РГГУ), постаравшегося разъяснить ключевые проблемы использования и перевода терминов. Проблема использования аутентичной терминологии состоит в том, то историко-философское сообщество лишится ориентиров, состоящих в общей системе понятий (вплоть до того, что мы не сможем применить термин «философия» к немецкой мысли XIX в. или к восточным системам). Второй проблемой является отсутствие точных аналогов ключевых понятий при переводе с одного языка на другой. Например, как этика Канта может носить универсальный характер, если нет возможности перевести на русский (и не только на русский) ряд ее ключевых понятий. Третья проблема связана с отсутствием единства терминологии в уже осуществленных переводах и проведенных исследованиях. Это опасно, если не отдавать себе в этом отчет. Наконец, остается проблема модернизации, или «осовременивания», когда мы упускаем вопрос о причинах, по которым мыслители прошлого иначе

ставили вопросы и акцентировали свое внимание не на тех моментах, которые сегодня важны для нас. В продолжение этого **М.Р. Демин**, ст. преподаватель кафедры гуманитарных наук Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, внес свои замечания. Он подчеркнул, что история философии сложилась с «определенной оптикой» рассмотрения, определенным способом освещения. Мы обязаны задумываться об этом способе и брать его в рассмотрение. Например, «Немецкая классическая философия» является понятием, имеющим определенную историю и исследователь должен принимать в рассмотрение эту историю. Надо задумываться о том, в какой системе координат мы находимся, и ставить перед собой вопрос о причинах нахождения в этой системе — каждый раз проводить критический анализ. Поэтому надо читать не только на языке оригинала, но и на собственном, и на языке-посреднике, а потому эффективной стратегией является постоянная необходимость перевода и комментирования этого перевода.

Свое видение этой проблематики изложил и **П.В. Резвых**, постаравшись рассмотреть тот контекст, в котором мы говорим о немецкой классической философии. Он призвал задуматься об исторических методах сегодняшнего дня и о стереотипах, которые прочно вошли в мышление. Одним из таких стереотипов является представление о «фигурах первой величины» и остальных философах, которые обычно рассматриваются лишь как исторический и интеллектуальный фон изучаемой эпохи. Второй стереотип связан с представлением о генеалогической преемственности круга проблем, характерного для немецкой классической философии, и с тем, что он понимается как сам собой разумеющийся. Такое понимание истории философии не выдерживает критики и должно быть изменено — гораздо лучше сфокусироваться на изучении сложных эффектов сетевых связей внутри исследуемого сообщества.

С позицией П.В. Резвых пересекалась позиция **М.Ф. Быковой**, профессора Университета Северной Каролины (США). Относительно немецкой классики есть стереотип, что мы имеем дело с некоторым единством, выражающимся в общей философской теории, едином стиле изложения, сквозной проблематике для всех представителей этого направления, однако при пристальном взгляде оказывается, что ни одно из перечисленного не имело места. С подачи Энгельса возникло «лестничное» толкование — стереотип, согласно которому каждая последующая теория наследовала предыдущую и превосходила ее. Однако в западной литературе, в отличие от отечественной, это толкование не распространено и немецкую философию называют не классической, а немецким идеализмом — такая трактовка представляется не только менее нагруженной, но и более точной. Таким образом, попытку посмотреть свежим взглядом на старые проблемы без сомнения можно назвать одним из важнейших вызовов современности для историко-философских исследований.

Не менее острой оказалась и дискуссия вокруг терминологии и ее перевода в текстах индийских и арабских мыслителей (упоминание исследователей этих областей рядом продиктовано лишь попыткой обозначить активную дискуссию историков философии, исследующих разные восточные традиции мысли), где имеют место схожие проблемы. **В.Г. Лысенко**

зачитала эмоциональный манифест, содержащий в себе ноты неудовлетворенности сегодняшним положением исследователей «восточной» мысли в отечественной историко-философской традиции. Она справедливо отметила, что работа востоковедов представляет интерес разве что для специалистов по данной проблематике и остается практически незамеченной исследователями западной мысли. Востоковеды же прекрасно знакомы с западной философской традицией. Она указала также на фундаментальную терминологическую проблему, которая постоянно всплывала на конференции: если сохранять аутентичную терминологию, то тексты становятся непонятными, а если «подгонять» ее под систему понятий, характерную для западной традиции, то это является реликтом европоцентризма. Выработка языка, который эффективно и точно описывал бы широкий спектр философских проблем, поданных в разных ключах, является в сегодняшней действительности важнейшей задачей. Ее решение требует усилий со стороны исследователей разных традиций.

В.Г. Лысенко также подчеркнула, что на Западе уже давно ведется активное исследование наследия индийской, китайской и арабской мысли, сравнительный анализ идей европейских и восточных мыслителей. В отечественной литературе таких исследований не хватает, а если проводится сравнительный анализ, то занимаются им в основном историки восточных философий. По ее мнению, существует фундаментальное различие между исследованием «белых пятен» в рамках немецкой, французской, британской философий и аналогичных исследований в рамках индийской, китайской и арабской традиций мысли. На сегодняшний день исследователи философских систем Востока должны постоянно доказывать коллегам, что они заняты аналогичными историко-философскими исследованиями. Оппозиция Запад – Восток, постаралась продемонстрировать В.Г. Лысенко, устарела и термин «восточная философия» лишен смысла. Термином «восточная философия», подчеркнула она, описывается ряд не связанных друг с другом и разнесенных во времени и пространстве культурных явлений. *А.В. Смирнов* (зам. директора ИФ РАН, зав. сектором философии исламского мира) счел необходимым углубиться в эту тему, указав на ряд принципиальных моментов, первый из которых заключался в том, что понятие «Восток» является пустым, в то время как понятие «востоковед» – вполне осмысленно. Для исследователей арабской, индийской, китайской или иных восточных традиций характерной особенностью является необходимость исследования культуры страны, погружение в саму «логику» культуры. Это погружение предполагает нечто большее, чем перевод понятий с одного языка на другой – оно предполагает постижение смыслообразования понятий и тех связей, в которые они вступают.

Дискуссия о соотношении восточных и западных традиций возникла в самом начале конференции с легкой руки *А.Л. Никифорова* (гл. научный сотрудник сектора социальной эпистемологии ИФ РАН), и уже не утихла до самого конца. Тезис А.Л. Никифорова заключался в следующем: существуют разрозненные способы осмысления мира, базирующиеся на национальных или культурных основаниях, и более развитые культуры оказывают давление на менее развитые. Это касается и философской реф-

лексии. На это *А.А. Веретенников* (научный сотрудник сектора современной западной философии ИФ РАН) выдвинул контраргументы, первый из которых заключается в проблеме бесконечной делимости. Его суть состоит в том, что не существует критерия, позволяющего удержаться от перехода от национальной философии к философии отдельного региона этой страны и т.д. Второй аргумент состоит в том, что отсутствие единого критерия для оценки статуса философской мысли и является единым критерием. По мнению же *Р.А. Громова*, нет необходимости деления до бесконечности, поскольку мы можем руководствоваться институциональным критерием, и атомарными представляются философские школы.

В целом видение мировой философии участниками конференции сильно различалось. Профессор *В.В. Соколов* (философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) отметил, что любое систематическое представление о мире, независимо от региона, всегда содержит общие вопросы для человеческого бытия. *М.Т. Степаняц* (гл. научный сотрудник сектора восточных философий ИФ РАН) также заметила, что мировая философская мысль не должна пониматься как конгломерат различных национальных систем – системы это лишь части единого целого. В свою очередь *В.Г. Лысенко* подчеркнула, что в условиях глобализации взаимодействие между различными традициями является не только желательным, но и неизбежным.

Отдельным вопросом стало обсуждение проблемных моментов и особенностей подготовки специалистов в области философии в отечественной системе образования. Практически все участники этого обсуждения высказали озабоченность недостатком квалифицированных кадров. М.Н. Громов указал на то, что большое количество людей приходит в философию из других специальностей и не имеет систематического представления о философии разных стран и эпох, что не позволяет им выполнять работу, которую имеет возможность проделать человек с философским образованием. С другой стороны, Громов выразил озабоченность недостаточной филологической подготовкой на философских факультетах отечественных университетов, так как анализ текстов является принципиально важным для историко-философских исследований. Обозначенные особенности делают историю философии весьма неоднородной – по сути, в работе разных авторов ремесло, наука и собственное видение каждый раз сплетаются в особой пропорции. Схожие опасения, но несколько под иным углом зрения выразил *А.Г. Мясников*, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического университета, посетовавший на нехватку на философских факультетах региональных университетов кадров с философским образованием. Кроме того, он счел немаловажной проблему экспансии психологии и иных дисциплин на область философии. В финальной дискуссии *А.А. Костикова*, доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ, постаралась подвести итог сказанному, заметив, что задача истории философии заключается в том, чтобы осуществить просветительский проект, а вызов XXI в. состоит в разрешении противоречия, вытекающего из признания существования национальных философий и привычки говорить о них как о несводимых друг к другу.

Как следует из всего сказанного выше, результаты обсуждений не сводятся к банальности, что присутствовавшие скорее пытались ставить вопросы, чем давать ответы – скорее, они приехали на конференцию с четко осознаваемыми вопросами, собственным видением проблем в отечественной историко-философской специальности в условиях сегодняшнего дня и ее ближайших перспектив. Вместе с тем участники конференции смогли убедиться, что и их коллеги видят эти проблемы, хотя и порой иначе рассматривают пути выхода из них. Результатом можно считать понимание круга основных вопросов, которые стоят перед отечественной историей философии в условиях современности. И этот круг проблем можно понимать в самом широком ключе – безотносительно к институциональному или региональному делениям.

Наши авторы

Гуляев Роман Владимирович – аспирант факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Зимин Вячеслав Александрович – проректор по научной работе и практике Самарского института Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, профессор, кандидат исторических наук.

Кибальнич Дмитрий Алексеевич – аспирант сектора современной западной философии Института философии РАН.

Куманьков Арсений Дмитриевич – аспирант кафедры истории философии, факультет философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Михаилов Игорь Анатольевич – старший научный сотрудник сектора современной западной философии института философии РАН, кандидат философских наук

Мотрошилова Неля Васильевна – заведующая отделом историко-философских исследований Института философии РАН, профессор, доктор философских наук.

Назарова Олеся Александровна – директор издательства «Идея-Пресс», кандидат философских наук.

Рен Рудольф – профессор университета г. Фехты (Германия), доктор философских наук.

Руткевич Алексей Михайлович – декан факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор, доктор философских наук.

Самсонова Татьяна Николаевна – профессор кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук.

Сысолятина Елена Леонидовна – ассистент кафедры социально-политических наук департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского Федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина.

Титова Людмила Григорьевна – профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор политических наук.

Тульчинский Григорий Львович – Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор философских наук.

Шапиро Светлана Анатольевна – доцент кафедры философии и права Новосибирской государственной академии водного транспорта», кандидат исторических наук.

Шрамко Ярослав Владиславович – директор Криворожского педагогического университета Криворожского национального университета, проректор по научно-педагогической работе, заведующий кафедрой философии, профессор, доктор философских наук.

About the Authors

Gulyaev, Roman – postgraduate student (National Research University *Higher School of Economics*).

Kibalchich, Dmitry – postgraduate student (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences).

Kumankov, Arseny – postgraduate student (National Research University *Higher School of Economics*).

Mikhaylov, Igor – senior staff scientist (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), PhD.

Motroshilova, Nelya – head of the Department of History of Philosophy (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), professor, PhD.

Nazarova, Olessia – director of the *Idea-Press Publishing House*, PhD.

Rehn, Rudolf – professor (University of Vechta, Germany), PhD.

Rutkevich, Alexey – dean of the Faculty of Philosophy (National Research University *Higher School of Economics*), professor, PhD.

Samsonova, Tatiana – professor (Lomonosov Moscow State University), PhD.

Sysolyatina, Elena – assistant (Institute of Social and Political Sciences of the B.N. Yeltsin Ural Federal University).

Titova, Lyudmila – professor (P.G. Demidov Yaroslavl State University), PhD.

Tulchinsky, Grigory – honoured science figure, professor (National Research University *Higher School of Economics*, Saint Petersburg branch), PhD.

Shapiro, Svetlana – associate professor (Novosibirsk State Academy of Water Transport), PhD.

Shramko, Yaroslav – director of the Kryvyi Rih Pedagogical Institute (Kryvyi Rih National University, Ukraine), vice-rector for scientific and education work, head of the Department of Philosophy, professor, PhD.

Zimin, Vyacheslav – vice-rector for scientific work and training (Samara Institute of the Eastern Academy of Economics, Law, and Humanities), professor, PhD.

CONTENTS
RUSSIAN SOCIETY

Strategy of Philosophical Comprehension ■

G.L. TULCHINSKY,
H.E. MARINOSYAN
V.A. ZIMIN (*Samara*)

Political Culture: Prospects and Challenges of Interdisciplinarity

Political Culture as an Object of Philosophical Analysis

Contemporary Problems of Culture of the Russian Political Process

Political Culture on the Axes of Value and Normative Model of Social Genesis

Parliamentarism versus Democratism: From the Perspective of Political Culture

Loyalty as a Criterion for Typology of the Political Culture of Modern Russia (The Statement of Problem)

Formation of the Civic Culture in Modern Russia

L.G. TITOVA (*Yaroslavl*)

G.L. TULCHINSKY (*St. Petersburg*)

E.L. SYSOLYATINA (*Ekaterinburg*)

S.A. SHAPIRO (*Novosibirsk*)

T.N. SAMSONOVA

Reflecting the Problem ■

Vyacheslav ZIMIN,
Svetlana SHAPIRO,
Tatiana SAMSONOVA,
Grigory TULCHINSKY,
Elena SYSOLYATINA,
Lyudmila TITOVA

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

The Year of Germany in Russia ■

N.V. MOTROSHILOVA

Germany: Travel Notes

A.M. RUTKEVICH

German Social Democracy and the «Ideas of 1914»

R.V. GULYAEV

Effective Action and Regular Law: The Dichotomy of Carl Schmitt

R. REHN (*Germany*)

City in the Clouds. Aristotle's Criticism of Plato's Theory of State (translated by Arseny Kumankov)

PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT

Foreign Philosophy. New Publication ■

O.A. NAZAROVA

Scientific Empirism. Rusolf Carnap

N.S. YULINA

On Rudolf Carnap's Article «Psychology in Physical Language»

R. CARNAP

Psychology in Physical Language (translated by Yaroslav Shramko)

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, Seminars, Round Tables ■

D. KIBALCHICH

«History of Philosophy: Challenges of the 21st century»

About the Authors

159

Contents

160